

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачева

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Теоретическая культурология
Историческая культурология
Прикладная культурология
Гуманитарные исследования
Рецензии и экспертизы
Научная жизнь

2024/4

JOURNAL
OF CULTURAL RESEARCH

ISSN 2222-2480

Адрес номера на сайте журнала: http://cr-journal.ru/rus/journals/&j_id=62

Сетевое научное рецензируемое издание. Основано в 2010 г.
Выходит 4 раза в год только в электронном виде.

Сайт журнала:

<http://cr-journal.ru>

Учредитель / Издатель:

2010-2014 - Российский институт культурологии
с 2014 - Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
(Институт Наследия)

Государственная регистрация:

Эл. № ФС 77-59205 от 3 сентября 2014 г.

Входит в перечень научных журналов ВАК (19.12.2023 г.)

Редакционная коллегия:

Окороков Александр Васильевич, главный редактор – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Азошков Андрей Валерьевич – к.филос.н., журнал «Вопросы культурологии»
Бахревский Евгений Владиславович – к.филос.н., атташе Посольства РФ в Турецкой Республике (Анкара)
Беликов Владимир Иванович – д.филос.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Бондарь Виталий Вячеславович – к.и.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Горбунова Татьяна Александровна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Горлова Ирина Ивановна – д. филос.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Гринько Иван Александрович – д.и.н., Мос. гор. пед. ун-т
Дерябина Елена Дмитриевна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Житенёв Владислав Сергеевич – д.и.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Ильина Ирина Евгеньевна – д.э.н., Рос. НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере
Ипполитов Сергей Сергеевич – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Казакова Ольга Владимировна – к. искусствовед., НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН
Козлов Владимир Фотиевич – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Кокшенёва Капитолина Антоновна – д.филос.н., к. искусств., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Корниенко Наталья Васильевна – д.филос.н., ИМЛИ им. М.Горького РАН
Корусенко Михаил Андреевич – к.и.н., ИАЭ СО РАН (Омск)
Костина Анна Владимировна – д.филос.н., д. культурол., Мос. гум. ун-т
Ларионцев Михаил Михайлович – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Лубков Алексей Владимирович – д.и.н., МГПУ
Макарова Анастасия Сергеевна – к. культурол., ГосНИИР
Маркова Оксана Николаевна – к. культурол., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Медникова Мария Борисовна – д.и.н., ИА РАН
Назарова Наталья Вадимовна – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Никлаус Анна Александровна – к.полит.н., Акад. МНЭПУ (Москва)
Ницевич Виктор Францевич – д.полит.н., Мос. гор. пед. ун-т
Пархоменко Татьяна Александровна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Писарева Светлана Алексеевна – к. культурол., ГосНИИР
Поляков Тарас Пантелеймонович – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Путрик Юрий Степанович – д.и.н., к.геогр.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Пушкарёва Наталья Львовна – д.и.н., ИЭА РАН
Релина Лорина Петровна – д.и.н., РГГУ
Рыбак Кирилл Евгеньевич – д. культурол., асс.н.с. Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Спивак Дмитрий Леонидович – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Филиппов Юрий Владимирович – д.пед.н., НГИИМЗ (Ниж. Новгород)
Флиер Андрей Яковлевич – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Цветкова Галина Александровна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховская Юлия Сергеевна – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховский Сергей Феликсович – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Шмидт Ирина Викторовна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Юренева Тамара Юрьевна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Юрьева Татьяна Владимировна – д. культурол., ЯрГПУ им. К.Д.Ушинского (Ярославль)

Адрес редакции:

Россия 129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва,
Редакционно-издательский отдел
Электронная почта: journals@heritage-institute.ru

© Институт Наследия, 2024

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на cr-journal.ru обязательна.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Полякова Е.А., Болдырева Е.В. Государственная культурная политика современной России: исторический путь и модели развития	4
Горлова И.И., Зорин А.Л. Трансформация концептуальных основ государственной культурной политики Российской Федерации в первой четверти XXI века	14
Марзоева А.В. Совершенствование культурной политики России в условиях глобализации. Часть 3. Глобализация как конструктор системы глобального управления	23
Соловьев А.П. Взаимодействие государства и общества в деле сохранения и использования недвижимого материального культурного наследия в России	36

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Лескинен М.В. Образ России в рекламной продукции компании «Зингер и Ко» для Российской империи	44
Яндиев Б.М. Военно-профессиональное воспитание в системе воинского воспитания в русской армии первой половины XIX в.	54
Ченцов А.С. Выселение немецкого населения из Калининградской области осенью 1947 г.	64

ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Соколова А.Н. Культурные практики как ресурс формирования региональной и общероссийской идентичности (на примере Карачаево-Черкесской Республики)	70
Хилько Н.Ф., Горелова Ю.Р. Козволюционный подход в изучении культурного ландшафта города	83

РЕЦЕНЗИИ

Филин П.А. Русские мореходы на Восточном Таймыре в XVII в.: рецензия на книгу Е.А.Окладниковой «Социально-культурная и торговая коммуникация в эпоху освоения Русского Заполярья и "Таймырская находка"»	90
--	----

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ**

DOI 10.34685/NI.2024.80.77.002

Полякова Елена Александровна
доктор исторических наук, доцент,
проректор по научной работе и международным связям
Алтайского государственного института культуры (Барнаул)
Email: elena2873@mail.ru

Болдырева Екатерина Валентиновна
директор Новосибирского государственного
художественного музея (Новосибирск)
Email: ekaterinavboldyreva@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению эволюции государственной культурной политики в советской и постсоветской России. Авторами выделены особенности взаимоотношения государства, институционализированного культурного сектора и самой культуры на разных этапах её развития и обозначены возможности и первые достижения современной, ценностно ориентированной модели государственной культурной политики в обеспечении противодействия социокультурным угрозам и укреплении национальной безопасности страны.*

Ключевые слова: *государство, культурная политика, культурный суверенитет, социокультурные угрозы, учреждение культуры, музеи, национальная безопасность.*

Государственная культурная политика «как властная деятельность в сфере культуры», «особый инструмент стратегического управления страны» имеет мощный потенциал в обеспечении противодействия социокультурным угрозам в условиях геополитических трансформаций современности. Развитие взаимоотношений государства, институционализированного культурного сектора, самой культуры и общества в течение разных этапов (советский; 1991-1999; 1999-2006; 2007-2017; 2018 – современность) имеет свои особенности [1]. В разные годы для государственной культурной политики были характерны «диктат партийно-идеологических установок»; отказ от идеологической составляющей культуры и резкое снижение финансирования учреждений культуры; непротиводействие распространению вестернизированной культуры как орудия информационной войны, направленной на уничтожение/подмену традиционных ценностей и паттернов российской культуры у жителей страны; принятие первых мер по обеспечению политического, идеологического и культурного суверенитета страны, возвеличивание отечественного наследия, борьба с фальсификацией истории, повышение степени значимости отечественного культурного продукта, принятие стратегических документов, нацеленных на сохранение и развитие лучших воспитательных, патриотических практик; включение культуры в состав приоритетных национальных проектов, увеличение финансирования культуры в рамках национальных проектов, сохранения единого культурного пространства страны, законодательное закрепление традиционных российских ценностей и устранение последствий влияния «новой этики» Запада, обновление идеологии государства и укрепление национальной безопасности страны.

Особую значимость в обеспечении целей и задач современной ценностно ориентированной модели государственной культурной политики в условиях новых геополитических вызовов играют музеи, которые, являясь образовательной формой культуры, решают поставленные государством задачи по «сохранению исторического и культурного наследия и его использованию для воспитания и образования».

Избранный в качестве стратегического курс на актуализацию традиционных ценностей и образцов отечественной культуры не только продемонстрировал свою востребованность в российском обществе, но и её потенциал в формировании гражданской идентичности, чувства сопричастности у граждан проходившим и происходящим историческим событиям, подтверждая при этом циклическую взаимосвязь «государство – культурная политика – культура – общество – государство».

Актуальность исследований государственной культурной политики определяется её всё возрастающей ролью в обеспечении противодействия социокультурным угрозам в условиях геополитических трансформаций современности. Избранный в качестве стратегического курс на актуализацию традиционных ценностей, паттернов отечественной культуры, их образовательно-воспитательного потенциала и использование культуры как «мягкой силы» продемонстрировал свою эффективность в течение последних десяти лет.

Прежде всего следует определиться с дефинициями понятия «культурная политика». Одни исследователи придерживаются мнения о том, что культурная политика была свойственна всем государствам мировой цивилизации и её выражение зависело от социально-экономической формации, религиозной и политических доктрин, по мнению же других культурная политика «появилась в Европе в конце XVIII в.» [1, с. 9].

Не углубляясь в детальное рассмотрение эволюции взглядов на культурную политику, отметим, что одним из наиболее распространенных в европейской традиции определений «культурной политики» является сформулированное О.Жираром в рамках системного подхода, согласно которому культурная политика – это «система предельных целей, практические задачи и средства, преследуемые группой и применяемые органом власти [и] <...> объединенные в явно согласованную систему» [2].

В России наиболее известной и даже, можно сказать, фундаментальной является трактовка М.А. Ариарского, который определяет культурную политику, «как властную деятельность в сфере культуры», а именно – «совокупность основанных на концептуальном представлении о роли и месте культуры в жизни общества организационно-управленческих принципов, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых ресурсов, правового обеспечения и практических мер», которые способствуют «реализации созидającego потенциала культуры», «сохранению национально-культурного наследия», «внедрению культуры в сферу производства, образования, общественных отношений, быта, досуга», «поддержанию диалога культур, международных культурных связей», «стимулированию социально-культурной активности населения», «осуществлению национальных, региональных, муниципальных и отраслевых культурных программ», «совершенствованию инфраструктуры социально-культурной сферы» и «подготовке её специалистов» [3, с. 186].

Продолжение идей М.А. Ариарского мы находим в трудах О.Н. Астафьевой, которая рассматривает государственную культурную политику как «особый инструмент стратегического управления страны, обеспечивающий ее целостность и раскрывающий перспективы ее социокультурного развития», обусловленный «интегративной функцией государства» [1, с. 14]. Среди наиболее известных авторов, занимающихся изучением тех или иных аспектов культурной политики, следует назвать Г.М. Бирженюка, А.П. Маркова, Л.Е. Вострякова и других отечественных учёных. Так, С.Б. Синецкий отмечает, что «сама культурная политика является производной от сложившихся социальных взаимодействий» [4, с. 83], она «выступает как принципиально незавершаемый процесс оценивания стихийно рождающихся (бытующих) социокультурных практик (эмпирики настоящего) на основе верификации опытом интерпретированного прошлого и экстраполяции в оформленный образ будущего» [5, с. 18]. При всём многообразии подходов к рассмотрению культурной политики на современном этапе она остаётся актуальным предметом социокультурных изысканий.

По мнению авторов настоящего исследования, взаимодействие государства и культуры можно выразить следующей схемой: **государство – культурная политика – культура – общество – государство**, – в которой государство как регулятор развития общества разрабатывает стратегию (культурную политику), реализуемую через культуротворческую деятельность и деятельность учреждений культуры, призванную воздействовать на общество с целью повышения образовательного уровня, расширения кругозора, эстетического воспитания, обеспечения качественного культурного досуга населения, способствуя тем самым формированию мировоззрения и гражданской идентичности

в контексте господствующей идеологической парадигмы. Весь предпринимаемый государством комплекс мер, с одной стороны, способствует появлению новых культурных образцов, их конкурированию и отбору, а с другой – противодействию социокультурным угрозам, таким как насаждение и распространение влияния чуждых ценностей и образцов поведения, нивелирование наследия отечественной истории и культуры под влиянием инокультурного габитуса, обеспечивая тем самым укрепление национальной безопасности страны.

В контексте настоящего исследования представляется необходимым рассмотрение типологии роли государства в управлении культурой, которая основана на подходах Г. Хиллмана-Чартрана и К. Мак-Кохи. Авторы не только типизировали роль государства, но и выделили для каждого типа специфику взаимодействия со сферой культуры. Так, согласно их типологии можно выделить:

- «государство-посредник», в котором финансирование осуществляется за счет налогов или налоговых вычетов, предоставляемых в соответствии с пожеланиями отдельных лиц, фондов и корпоративных доноров, при этом рынок является главной движущей силой;
- «государство-покровитель», которое осуществляет финансирование профессиональной культуры и искусства, поддержку творческих профессионалов;
- «государство-архитектор», для которого культура является важной частью национальной политики, а её финансирование осуществляется через властные структуры (министерство культуры), при этом учреждения культуры не являются полностью самостоятельными;
- «государство-инженер», для которого характерны идеологизированность культуры и максимальный контроль за деятельностью учреждений культуры и средствами духовного производства, финансирование культуры осуществляется через властные структуры [6].

В истории развития нашей страны взаимоотношения институционализированного культурного сектора и самой культуры нельзя охарактеризовать однозначно. В советский период истории государство выступало в роли «инженера», поскольку в основе «партийного руководства литературой и искусством» и «культурного строительства» лежал «диктат партийно-идеологических установок, классовый подход к художественным ценностям, непосредственное вмешательство в творческий процесс, а также осуществление целей культурной политики административно-распорядительными методами» [7, с. 130]. Подтверждением служит программа КПСС, принятая на XXII партийном съезде, в которой утверждается: «Культурное развитие в период развернутого строительства коммунистического общества является завершающим этапом великой культурной революции. На этом этапе обеспечивается создание всех необходимых идеологических и культурных условий для победы коммунизма <...> Коммунистическая партия заботится о правильном направлении в развитии литературы и искусства, их идейном и художественном уровне, помогая общественным организациям и творческим союзам работников литературы и искусства в их деятельности» [цит. по: 7, с. 130].

Культурную политику постсоветской России нельзя охарактеризовать лишь с позиции одного типа. Современные исследователи не пришли к единой точке зрения о том, к какому из вышеперечисленных типов принадлежат взаимоотношения властных структур и субъектов культурной политики постсоветской России. С.С.Загребин в своей статье «Культурная политика в постсоветской России 1991-2015 гг.» выделил три хронологических этапа её развития: 1991-1999 гг., 1999-2006 гг. и 2007-2015 гг. [8], а нами выделен четвёртый этап – современный. Рассмотрим каждый из этапов с учетом предлагаемых авторами настоящей статьи корректировок границ.

Так, на первом этапе (1991-1999), по мнению С.С.Загребина, «государство фактически полностью отказалось от проведения какой-либо культурной политики как целенаправленной деятельности по регулированию отношений в сфере культуры» и «сложив с себя обязательства по формированию национальной идеологии, самоустранилось, предоставив иным участникам социокультурных отношений формировать принципы отношений в культуре, исходя из собственных интересов» [8, с. 18]. При этом в управлении культурой по-прежнему наблюдаются тенденции ограничения возможностей учреждений сферы культуры и их контроль, характерные для государства-инженера. Но сложившаяся ситуация уже не удовлетворяет общество, которое начинает осваивать иные образцы. Этот период

отмечен появлением не только контркультуры и различных субкультур (что является одним из признаков государства-инженера), но и производством культурного продукта сомнительного, с точки зрения традиционных ценностей, общепринятых культурных стандартов, качества и даже представляющих определённую социокультурную угрозу вследствие их направленности на целенаправленную подмену человеческих и гражданских ценностей.

«Железный занавес» был поднят, идеология советского государства была отменена, а новая не была сформирована и вследствие этого на страну обрушилось множество инокультурных образцов – появились новые религиозные течения, новые «мессии», новые образцы поведения, кинопродукция, книги, стал создаваться отечественный шоу-бизнес, постепенно завоёвывала популярность «новая этика» Запада, широко распространялся инокультурный габитус. Не умаляя роли предоставленной возможности культурного обмена, особенно в сфере элитарной культуры, всё же следует отметить начавшийся процесс деградации этических и эстетических норм в отечественной массовой культуре.

На втором этапе (1999-2006), выделенном С.С.Загребиним, «в результате либеральных экономических реформ, культура оказалась субъектом рыночных отношений, что определило новый взгляд на культуру, которая в социокультурном пространстве стала трактоваться как сфера услуг, а культурные ценности как товар» [8, с. 19]. В этот период наметился отход от действовавшей до этого модели, но стратегическая цель реализации культурной политики, её ключевая идея (идеология) сформулированы не были. Вследствие этого традиционная и элитарная культуры стала вытесняться массовой. Никким образом не пытаюсь снизить роль массовой культуры для государства (с точки зрения авторов настоящего исследования именно массовая культура является инструментом сплочения жителей страны, формирования у них соответствующих идеологических и духовно-нравственных образцов поведения и формирования гражданской идентичности), следует отметить, что ее базисом стал шоу-бизнес, сформированный по принципу подражания западной массовой культуре, а главной целью – развлечение граждан. История свидетельствует, что в эпоху наиболее сложных политических трансформаций для многих политических систем было характерно удовлетворение потребностей общества в «хлебе и зрелищах» как отвлекающего приема от происходящих политических событий. «Мягкая сила» вестернизированной культуры стала мощным орудием информационной войны, направленной на уничтожение/подмену традиционных паттернов российской культуры у жителей страны, начиная с раннего детского возраста. Главной тенденцией отечественной массовой культуры этого периода стала сформированная потребность освоения чужой культуры (зачастую чуждой российской системе ценностей), при уничтожении значимости не только отечественного культурного продукта, но, зачастую, наследия и событий истории. Традиции культурного обмена всегда существовали и способствовали расширению кругозора, при условии сформированности уважения и гордости за культуру родной страны. Одним из последствий этого стала подмена образа культурного героя у детей (по результатам многочисленных социологических исследований вплоть до 2020 года безусловное лидерство было у героев сериалов кинокомпании Марвел). Последствия этого стали искореняться уже на современном этапе. Так, в декабре 2022 года Президент Российской Федерации поручил кабинету министров принять меры по популяризации героев российской истории и фольклора [9] не только среди детей, но и представителей молодёжи всех категорий [10].

Также в этот период сохраняется тенденция снижения финансирования учреждений культуры, что обусловило необходимость реализации ими коммерческих проектов, зачастую не свойственных их миссии и направлениям деятельности. Так, например, в этот период массовым явлением среди музеев стала сдача в аренду помещений для проведения праздничных мероприятий (особенно это касалось дворцов-музеев столичных городов), проведение коммерческих выставок и развлекательных мероприятий, содержание которых не соответствовало профилям музеев и не способствовало ни популяризации музейного собрания, ни повышению культурно-образовательного уровня аудитории, но обеспечивало возможность содержать здания, укреплять материально-техническую базу.

С.С.Загребин в своей классификации, опубликованной в 2015 году, вполне обоснованно на момент написания его работы определяет границы третьего этапа: 2007-2015 гг., на котором происходит «осознание властью национальных приоритетов в политике, экономике, социокультурной сфере» [8, с. 20]. С нашей точки зрения, границы этапа несколько другие: с 2007 по 2017 гг., и обусловлены они практическими мерами по позиционированию потенциала культуры в решении стратегических задач страны. Именно в это период в Российской Федерации были приняты документы, нацеленные на обеспечение полного политического, идеологического и культурного суверенитета страны, такие как

«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (2009), Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» (2010), Федеральная целевая программа «Культура России (2012-2018 г.)» (2012), Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020)» (2013), Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (2015), поправки к федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» (2014), «Основы государственной культурной политики» (2014).

В контексте темы настоящего исследования ключевым стал Указ Президента об утверждении «Основ государственной культурной политики», поскольку был нацелен на формирование восприятия культуры в общем смысле как неизбежного условия повышения качества жизни граждан России: «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности»; «сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования»; «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения»; «создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала» [11]. Уже через год в тексте «Государственного доклада о состоянии культуры в Российской Федерации в 2015 году» был обозначен новый подход к государственному управлению в сфере культуры – *ценностный*, и поставлена стратегическая задача – «формирование новой модели культурной политики», в которой государство не только сохраняет за собой обязательства по поддержке учреждений культуры в условиях рыночной экономики, но и обеспечивает развитие в стране практики широкой социальной поддержки, спонсорства и попечительства музеев, библиотек как институтов, выполняющих функции сохранения материального и нематериального наследия, образования, воспитания и просвещения граждан страны [12].

К концу обозначенного этапа по данным государственных докладов о состоянии культуры в Российской Федерации за 2015 и 2018 годы наблюдается несомненная положительная динамика в работе некоммерческих учреждений культуры. Так, в 2018 г. посещаемость музеев страны выросла до 154,14 млн. человек (в 2015 г. – 119,05 млн. человек); показатели вставочной деятельности также претерпели некоторые изменения: если в 2015 г. было проведено 69 628 выставок на территории страны, то в 2018-м их количество несколько снизилось до 59 246 выставок, но произошло значительное увеличение выставок международного уровня – 22 031, составив, таким образом, общее количество выставок – 81 277 [12; 13]. В деятельности библиотек также наблюдаются положительные изменения: в 2018 г. количество пользователей составило 103,85 млн. человек (в 2015 – 52 млн. человек), а количество посещений – 442 млн. (в 2015 – 435,6 млн) [12; 13]. По данным Государственного доклада о состоянии культуры в Российской Федерации за 2018 год, произошли положительные качественные изменения и в театральной сфере: количество показанных спектаклей возросло на 45%, а количество зрителей – на 41% [13].

Четвёртый, выделенный нами этап развития культурной политики начался в 2018 году и продолжается в настоящее время. Его начало, с точки нашей точки зрения, обусловлено принятием в мае 2018 года указа Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», закрепляющего роль культуры как «гаранта сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности страны» [14]. В соответствии с этим указом был разработан национальный проект «Культура», объединивший проекты «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура». Анализ паспорта национального проекта «Культура» показал его ориентированность на максимальное включение граждан России в пространство культуры: «Граждане получают дополнительные возможности для творческого развития и самореализации в современных учреждениях культуры, а также более широкий доступ к культурным ценностям»; «Граждане получают возможность поддержки творческих инициатив, направленных на укрепление российской гражданской идентичности и сохранение духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации»; «Дети и молодежь получают всестороннее духовно-нравственное развитие путем доступа к качественному интернет-контенту и участия в культурно-просветительских программах для школьников»; «Граждане получают дополнительную поддержку со стороны государства в развитии добровольческой (волонтерской) деятельности, что позволяет реализовывать социально значимые проекты в сфере культуры и сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» [15].

В поддержку обоснованности обозначенных нами границ четвёртого этапа следует привести мнение

исследователей Л. Е. Вострякова и А. С. Тургаева, которые в своей работе 2018 года отмечают, что в этот период «культура впервые была включена в состав приоритетных национальных проектов» [16, с. 7] и «является важнейшим фактором социально-экономического развития Российской Федерации» [16, с. 14]. Авторы считают, что в настоящий момент в России формируется «ценностно ориентированная модель государственной культурной политики» [16, с. 6], в основе которой лежит «межведомственное взаимодействие Минкультуры России с федеральными органами государственной власти, осуществляющими исполнительные функции в сферах экономики и финансов, науки и образования, национальной политики, обеспечения законности, общественной и государственной безопасности и обороны, внешней политики и международных отношений» [16, с. 12]. Таким образом, для новой модели культурной политики характерны: «стратегическая роль государства как инвестора», «принятие решений на основе ценностно ориентированного подхода», «законодательно закреплённое многообразие субъектов культурной политики» [16, с. 13].

В качестве подтверждения вышеизложенного следует отметить, что принятые обязательства по финансовой поддержке учреждений культуры в рамках национального проекта, развитию системы спонсорства выполняются, так как именно финансовое обеспечение декларируемых целей обеспечивает национальный суверенитет и стратегические цели развития культуры. Результаты действий реализации государственной политики репрезентуются в системе финансирования учреждений культуры и мероприятий национального проекта. Формирование культурного разнообразия современной России детерминировано, в том числе и системой финансирования культурных проектов, в которых акценты расставлены по направлениям «социальное пространство» (люди), «материальная среда и пересечение людей и среды в новых технологиях» (цифровое пространство). Так, финансирование федерального проекта «Обеспечение качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры («Культурная среда»)» составляет 149 720 500,23 рублей; федерального проекта «Создание условий для реализации творческого потенциала нации («Творческие люди»)» – 19 656 475,30 рублей, федерального проекта «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры («Цифровая культура»)» – 77 207 393,60 рублей, и осуществляется за счёт средств федерального бюджета и средств бюджетов субъектов Российской Федерации [15].

Финансирование национального проекта, осуществляемое за счёт средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации подтверждает выполнение взятых государством обязательств и его ответственность за развитие культуры в стране, что даёт основания к отнесению модели управления культурой в Российской Федерации к типу «государства-архитектора»: «государство по-прежнему остается основным стратегическим инвестором культуры и культурных институтов. Это, с одной стороны, делает государство ключевым субъектом культурной политики, обязанным четко формулировать инвестиционные задачи, сочетая это с ценностно ориентированным подходом, с другой стороны, в условиях существующих бюджетных и ресурсных ограничений требует повышения эффективности и адресности инвестиций в человеческий капитал, культуру и культурную инфраструктуру» [17]. При этом институты гражданского общества уделяют особое внимание финансированию культурных инициатив: главными источниками дополнительного финансирования отрасли являются Президентский фонд культурных инициатив, Российский фонд культуры, Фонд Гуманитарных Проектов, Фонд поддержки гуманитарных наук «Моя история», Фонд культурных инициатив Михаила Прохорова, Росмолодёжь и т.п.

В принятой в 2021 году «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» культура обозначена в перечне национальных приоритетов, а среди национальных интересов обозначены «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [18]. Доказательством стратегической значимости культуры для государства является факт учреждения президентом страны новых государственных наград (орден «За заслуги в культуре и искусстве», медаль «За труды в культуре и искусстве») [19].

Начавшаяся в 2022 году специальная военная операция и последовавшая за этим в странах Запада попытка отмены русской культуры поставила новые задачи перед российским государством, среди которых её развитие на основе обновлённой идеологии государства. Рассуждая об идеологии и её влиянии на культуру, следует отметить неоднозначное отношение к этому процессу. Большая российская энциклопедия трактует идеологию как «теоретически оформленную систему идей и представлений, выражающих суть социальных интересов определённых классов, слоёв, групп или общества в целом» [20]. Как отмечает современный исследователь Г.П. Хорина, идеология вносит

весомый вклад в культуру при условии того, что она «учитывает конкретную социокультурную ситуацию», «специфику духовной жизни общества», «национальные особенности, национальное самосознание, менталитет народа»; «идеология обретает материальную силу тогда, когда великие идеи воспринимаются большинством населения и ее воздействие гарантирует развитие и существенные преобразования в культуре» [21].

На этапе формирования ценностно ориентированной модели государственной культурной политики в условиях новых геополитических вызовов, попытки отмены русской культуры и устранения последствий влияния «новой этики» Запада появляется ряд стратегических документов, в которых культура определяется в качестве одного из ведущих инструментов развития российского государства, среди которых Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [22], Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики» [23]. В новой редакции документа красной нитью проходит мысль о первостепенности и стратегической значимости культуры для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, поскольку первостепенной социокультурной угрозой признано «разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации» [23].

Все вышеизложенное соотносится с ключевыми положениями модели «государство-архитектор», в рамках которого культура – это важная часть национальной политики, а деятельность учреждений культуры государства подчинена решению стратегических задач, которыми в контексте современной геополитической ситуации являются сохранение «российской самобытности, идентичности», «исторической памяти», «традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «культурного суверенитета» и принятии мер, предупреждающих «социально-психологическую и культурную зависимость от внешнего влияния», последствия «деструктивного идеологического и информационного воздействия» [24].

Особую значимость в обеспечении целей и задач современной культурной политики, национального проекта «Культура» играют музеи как учреждения, деятельность которых генетически нацелена на документирование, сохранение и трансляцию аутентичных образцов материального и нематериального наследия, являющихся не просто паттернами культуры определённых исторических периодов, а неопровержимыми доказательствами явлений, событий, фактов, как минимум, в истории отдельной страны и, как максимум, отдельных страниц истории мировой цивилизации. Именно деятельность музеев наилучшим образом приспособлена для решения одной из ключевых задач государственной культурной политике – «сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования» [11]. Музей как образовательная форма культуры в рамках экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности наглядно и доказательно сохраняет историческую память, осуществляет формирование ценностного отношения к родной истории и культуре у посетителей независимо от их возрастного, образовательного и социального уровней.

В качестве примера можно привести деятельность Новосибирского государственного художественного музея (далее – НГХМ). Так, в 2022-2023 гг. помимо крупных выставочных проектов, организованных в рамках долгосрочного проекта «Музеи России – Новосибирску» под эгидой нацпроекта «Культура», таких как выставка графики «Сергей Андрияка. Учитель и ученики» (из собрания Музейно-выставочного комплекса Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки), выставка «В стране Изумрудного Будды» (совместный проект Новосибирского государственного художественного музея, Российской академии художеств и Бюро творческих экспедиций), выставка «Сокровища «Ковчега» в сердце Сибири» (живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, искусство книги из собрания Армянского музея Москвы и искусства наций «Тапан»), выставка «Зураб Церетели. Живопись монументалиста» (живопись, скульптура из собрания Музея-мастерской Зураба Церетели), выставка живописи «Сибирь многолика» (из фондов Новосибирского государственного художественного музея), выставка «Стихия Даши Намдакова» (скульптура, декоративно-прикладное искусство), выставка живописи «Врубель/Айвазовский. Шедевры» (из собрания Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А.Врубеля), только по направлению «решение задач патриотического воспитания, сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей» было проведено более 20 выставок [25].

Следует отметить, что по этому направлению наряду с персональными выставками художников и фотографов, среди которых выставка работ участника Великой Отечественной войны Ш. Якубова «Я вернулся», тематическая выставка работ известного новосибирского фотографа Е. Иванова, посвященная ветеранам Великой Отечественной войны «Память как инструмент перемен», межмузейными выставками, среди которых выставка «Обыкновенный нацизм», реализованная в рамках специального проекта РИА Новости «Донбасс. Геноцид 2014-2022» (выставка из фондов Музея Победы, Донецкого республиканского краеведческого музея, Российского государственного архива социально-политической истории (Москва), вниманию посетителей были предложены и работы воспитанников художественных студий, объединенные темой памяти Великой Отечественной войны, темой путешествий по родной стране, образам ее природы и архитектуры, сюжетами русских народных сказок («Великой Победе посвящается...», «Цветы Победы», «Открывая Россию» и пр.) [25]. Краткий перечень проводимых за последние годы мероприятий позволяет сделать вывод о том, что музей является зеркалом происходящих в стране социально-культурных и социально-политических процессов: он решает задачи сохранения и трансляции отечественной истории и культуры и вовлечение в эту деятельность детей и молодежи.

Обобщая сказанное, следует отметить, что действовавшая в советский период модель «государство-инженер» потеряла свою актуальность и на современном этапе формируется ценностно ориентированная модель государственной культурной политики, некоторые черты которой сопоставимы с моделью «государство-архитектор». Государственная культурная политика современной России нацелена на обеспечение противодействия социокультурным угрозам в условиях геополитических трансформаций современности. Избранный в качестве стратегического курс на актуализацию традиционных ценностей и образцов отечественной культуры продемонстрировал не только свою востребованность в российском обществе, но и возможности влияния культуры как «мягкой силы» на формирование гражданской идентичности и чувства сопричастности населения (особенно молодёжи) проходившим и происходящим историческим событиям, подтверждая при этом циклическую взаимосвязь «государство – культурная политика – культура – общество – государство».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Астафьева, О. Н.* Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность : (лекции 1-3). – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2010. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-politika-teoreticheskoe-ponyatie-i-upravlencheskaya-deyatelnost-lektsii-1-3> (дата обращения: 14.01.2024).
- [2] *Girard, A.* Cultural development: experience and policies / A. Girard. – Paris : UNESCO, 1972. – 145 p.
- [3] *Ариарский, М. А.* Прикладная культурология : Монография / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств ; Ассоц. музеев России : 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Эго, 2001. – 287 с.
- [4] *Синецкий, С. Б.* Культурная политика как отражение норм социального взаимодействия. – Текст: электронный // Вестник МГУКИ. 2020. №5(97). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-politika-kak-otrazhenie-norm-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 14.01.2024).
- [5] *Синецкий, С. Б.* Культурная политика XXI века: теоретико-методологические основания и условия осуществления: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Челябинск, 2012. – 50 с.
- [6] *Hillman-Chartrand H., McCaughey C.* The Arm's Length Principle and the Arts: An International Perspective – Past, Present and Future // Who's to Pay for the Arts? The International Search for Models of Arts Support. – New York : ACA Books. 1989. – 125 p.
- [7] *Малянов, Е. А.* Вуз культуры и искусства как объект и субъект культурной политики. – Текст: электронный // Вестник МГУКИ. – 2010. – №3. – С. 129-136. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vuz-kultury-i-iskusstva-kak-obekt-i-subekt-kulturnoy-politiki> (дата обращения: 14.01.2024).
- [8] *Загребин, С. С.* Культурная политика в постсоветской России 1991-2015 гг. – Текст: электронный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-politika-v-postsovetskoy-rossii-1991-2015-gg> (дата обращения: 14.01.2024).
- [9] Путин поручил популяризировать исторических и фольклорных героев // РИА «Новости» : [сайт]. – 13.12.2022. – URL: <https://ria.ru/20221213/folklor-1838250612.html> (дата обращения: 14.01.2024).
- [10] О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 14.01.2024).

- [11] Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. №808 // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 14.01.2024).
- [12] Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации за 2015 // Министерство культуры Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://culture.gov.ru/activities/reports/years/report2015/> (дата обращения: 14.01.2024).
- [13] О состоянии культуры в Российской Федерации в 2018 году: государственный доклад от 15 сентября 2019 г. // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации : [сайт] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/565341143> (дата обращения: 14.01.2024).
- [14] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. №204 (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру : информационно-правовой портал. – URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 14.01.2024).
- [15] Паспорт национального проекта Национальный проект «Культура» // Министерство культуры Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2023/NP_Kul'tura.pdf (дата обращения: 14.01.2024).
- [16] *Востряков, Л. Е., Тургаев, А. С.* Новая модель государственной культурной политики России. – Текст: электронный // Вестник СПбГИК. – 2018. – №3(36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-model-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-rossii> (дата обращения: 22.01.2024).
- [17] Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 №326-р) // Министерство культуры Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://culture.gov.ru/documents/strategiya-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-do-2030-g-utverzhdena-rasporyazheniem-pravitelstva-rf/> (дата обращения: 22.01.2024).
- [18] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400 // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 22.01.2024).
- [19] Путин учредил две новые награды за заслуги в области культуры. 09.058.2021 г. // IZ.RU : [сайт]. – URL: <https://iz.ru/1204826/2021-08-09/putin-uchredil-dve-novye-nagrady-za-zaslugi-v-oblasti-kultury> (дата обращения: 22.01.2024).
- [20] *Савельева, О. О.* Идеология // Большая Российская энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://bigenc.ru/c/ideologija-afd834> (дата обращения: 10.02.2024).
- [21] *Хорина, Г. П.* Идеологический компонент в современной культуре России. – Текст: электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskiy-komponent-v-sovremennoy-kulture-rossii> (дата обращения: 10.02.2024).
- [22] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 10.02.2024).
- [23] О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808: Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. №3 // Гарант.ру : информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (дата обращения: 10.02.2024).
- [24] Основы государственной культурной политики: что учесть в работе // Справочник руководителя учреждений культуры. 2024. №1 // Cultmanager.ru : [сайт]. – URL: <https://www.cultmanager.ru/article/12136-vse-izmeneniya-v-gosudarstvennoy-kulturnoy-politike-2023-goda-23-m01-31/> (дата обращения: 10.02.2024).
- [25] Новосибирский государственный художественный музей. Отчёт о выполнении Государственного задания №12 на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 г. // Новосибирский государственный художественный музей : [сайт]. – URL: <https://www.nsartmuseum.ru/public/doc/documentation/12012023043132.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).

STATE CULTURAL POLICY OF MODERN RUSSIA: HISTORICAL PATH AND DEVELOPMENT MODELS

Polyakova Elena Alexandrovna
Altai State Institute of Culture (Barnaul)

Boldyreva Ekaterina Valentinovna
Novosibirsk State Art Museum, Russia (Novosibirsk)

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the evolution of state cultural policy in Soviet and post-Soviet Russia. The authors highlight the features of the relationship between the state, the institutionalized cultural sector and culture itself at different stages of its development and outline the possibilities and first achievements of a modern, value-oriented model of state cultural policy in ensuring counteraction to socio-cultural threats and strengthening the national security of the country.*

Key words: *state, cultural policy, sociocultural threats, value-oriented model of state cultural policy, cultural institutions, museums, national security.*

© Полякова Е.А., Болдырева Е.В., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.10.2024.

Ссылка на статью:

Полякова, Е. А., Болдырева, Е. В. Государственная культурная политика современной России: исторический путь и модели развития – DOI 10.34685/НЛ.2024.80.77.002. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 4-13. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/669.html&j_id=62.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА**

DOI 10.34685/NI.2024.55.13.003

Горлова Ирина Ивановна

доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Email: ii.gorlova@gmail.com

Зорин Александр Львович

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Email: zoral150@mail.ru

Аннотация. *В настоящее время все большее число гуманитариев приходит к выводу, что Россия стоит перед необходимостью перехода к новой парадигме развития, в которой культуре отводится решающая роль. Именно это определяет необходимость проведения научно обоснованной и последовательной культурной политики, органично увязанной с главными целями и задачами, стоящими перед Российским государством. В последнее десятилетие создается новая, адекватная современным реалиям модель государственной культурной политики, в выявлении концептуальных основ которой состоит цель проводимого исследования. Для определения ее особенностей авторы считают необходимым проанализировать предшествующие модели, относящиеся к периоду позднего социализма и времени либеральных реформ. Устанавливается, что существенным пунктом различия этих двух моделей является роль государства в формировании и проведении культурной политики. Делается вывод, что новая модель вбирает в себя позитивные моменты двух предшествующих моделей посредством трансформаций, понимаемых как снятие в гегелевском смысле, а не полное и радикальное перечеркивание. Этим определяются возможности и границы деятельности государства в сфере культуры.*

Ключевые слова: *культурная политика, государство, концептуальные основы, духовно-нравственные ценности, модели культурной политики, трансформации.*

В настоящее время все большее число гуманитариев приходит к выводу, что Россия стоит перед необходимостью перехода к новой парадигме развития, в которой культуре отводится решающая роль. Все чаще высказывается мнение, что модернизация всех сфер жизни российского общества возможна лишь при глубоком понимании культурных особенностей страны, тесно связанных с ее цивилизационным кодом. Именно это определяет необходимость проведения научно обоснованной и последовательной культурной политики, органично увязанной с главными целями и задачами, стоящими перед Российским государством. В этом смысле важной составляющей формирования культурной политики в любой стране, в том числе и России, являются политические факторы: существующая геополитическая ситуация, соперничество элит на международной арене, борьба за жизненно важные ресурсы. В то же время социокультурные аспекты и специфика менталитета народа оказывают существенное влияние на политический курс, проводимый руководством государств. За последние четыре десятилетия Россия прошла тернистый и извилистый путь, включающий в себя Перестройку, развал Советского Союза, становление новой российской государственности в условиях постоянно усиливающегося противостояния с Западом, которое в последние годы вылилось в военное столкновение на Украине.

Сложившаяся ситуация требует укрепления сплоченности и единства многонационального российского народа, готовности защищать страну от экспансии извне, противостоять западной «мягкой силе» в

области культуры, образования и воспитания. Этому как раз и должна служить модель государственной культурной политики, создаваемая в последнее десятилетие. В выявлении ее концептуальных основ состоит основная цель проводимого исследования. Но для их более глубокого понимания важно провести сопоставление новой находящейся в процессе становления модели с моделями, доминировавшими в поздний советский (80-е гг.) и либерально-демократический периоды (90-е гг.) прошлого века. Будучи непримиримыми антиподами друг друга, они лишали преемственности разные исторические этапы прошлого России, отрицали накопленный годами опыт предшествующих поколений, стремясь механически перенести на российскую почву чуждые менталитету большинства народа западные модели.

Согласно нашей гипотезе, особенность разрабатываемой в последние годы модели состоит, говоря гегелевским языком, в том, чтобы создать некий синтез, т.е. учесть и взять на вооружение наиболее значимые позитивные моменты двух предыдущих моделей, соединив тем самым прошлое и настоящее с прицелом на будущее, традиции и новации в развитии культурной жизни России.

Для дальнейшего проведения исследования важно, прежде всего, четко определить смысл понятия «концептуальные основы» культурной политики, которым оперирует современная наука.

Начнем с того, что концептуальное обновление современной культурной политики Российской Федерации требует отхода от ее узко ведомственного понимания как сферы управления культурно-образовательными учреждениями и расширения самого смысла понятия культура, под которой следует подразумевать всю совокупность свойственных обществу в целом или какой-то социальной группе ценностей, верований, традиций, находящих свое непосредственное выражение в образе жизни народа, в создаваемых им литературе и искусстве.

Развернутое же определение культурной политики одним из первых на рубеже XX и XXI вв. дал А.Я.Флиер, который подразумевал под нею «совокупность идеологических принципов и практических мер, осуществляемых через образование, просветительские, досуговые, научные, религиозные, творческие, издательские, коммуникационные, социально-организационные и иные государственные и общественные институты по всесторонней и углубленной социализации и инкультурации населения» [16, с. 187]. В этом определении важно подчеркнуть идею многосубъектности, согласно которой культурная политика страны формируется и реализуется не только государством, но и многочисленными социальными группами, и прежде всего творческими союзами и организациями, в деятельности которых находят свое отражение инициативы, идущие «снизу», со стороны гражданского общества.

Эту же мысль проводит в одной из своих статей Д.Клиш, который подчеркивает, что культурную политику «не следует рассматривать как прерогативу правительства, ибо она зависит от многих окружающих факторов, государственных ведомств, а также институтов гражданского общества и различных групп людей» [6, с. 274]. Это, можно сказать, широкое понимание культурной политики, если рассматривать ее в ракурсе плюрализма субъектов, что является общепринятым в современном общественном сознании. И в то же время хочется поставить под сомнение утверждение, что культурная политика не является прерогативой государства, поскольку греческое слово *politike* означает не что иное, как искусство управления государством, а значит, ее формируют и проводят прежде всего соответствующие государственные органы. Поэтому многие исследователи по умолчанию используют термин «культурная политика» вместо «государственная культурная политика».

Это четко прослеживается в трактовке указанного термина в одной из статей С.С.Загребина, где под культурной политикой автор подразумевает «систему базовых приоритетов государства, закрепленных в нормативно-правовых документах, направленных на сохранение и развитие национальной культуры, реализуемых в государственных программах и проектах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях» [5, с. 18]. Таким образом, на наш взгляд, следует разделять понятия «культурная политика» (вообще), о которой пишут прежде всего либерально настроенные авторы, и «государственная политика в узком смысле слова, где решающая роль отводится государству и его структурам. Именно ее развитие за последнюю четверть века, нашедшее свое выражение в государственных документах федерального уровня, будет находиться в центре внимания нашего анализа.

Что касается понятия «концептуальные основы», то оно достаточно полно и разносторонне разработано в научных трудах О.Н.Астафьевой, которая трактует их то как «ценностно-смысловые основания, которые определяют ориентиры культурной политики», то как «ценностно-смысловые параметры порядка в социуме», то как «идеальные ценностно-смысловые и символические конструкции, скрепляющие образ бытийности людей в пространстве их совместного проживания», то как «духовно-смысловые ценности» [2, с. 10, 11, 21, 23]. В целом источником концептуальных основ могут стать: 1) философско-культурологические идеи научного или философского характера; 2) концепты, разрабатываемые в рамках теорий управления, самоорганизации и модернизации; 3) идеологемы («идеологические идеи») декларативного характера, не достигшие научного уровня.

О.Н.Астафьева выступает также сторонником многосубъектности культурной политики, утверждая, что к концептуальной разработке ценностно-смысловых оснований культурной политики могут быть причастны разного рода общественные объединения и политические партии, являющиеся выразителями интересов отдельных групп и предлагающие свои собственные подходы к регулированию социокультурных процессов. Но их деятельность должна быть увязана «с центральной интегративной функцией государства» [2, с. 21]. Именно такой подход к культурной политике, по мнению ученого, позволит органично сочетать поддержку культурного разнообразия в стране с возможностью сохранения ее социокультурной целостности. Выявление сущностной роли государства в формировании культурной политики позволяет О.Н.Астафьевой определить суть государственной культурной политики, которая, в ее трактовке, выступает «концептуально оформленной совокупностью научно обоснованных взглядов и принципов, соответствующих определенным ценностно-смысловым основаниям, целям и приоритетам, соответствующим типу государства» [2, с. 19]. И коль скоро государственная культурная политика с изменением типа (или модели) государства претерпевает определенные модификации, это позволяет произвести анализ трансформаций, осуществляемых в концептуальных основаниях культурной политики, исходя из целей и задач, стоящих перед политическим руководством страны на том или ином этапе ее развития.

Существует большое количество типологий, рассматривающих модели культурной политики в зависимости от специфики подходов к определению стоящих перед нею целей и задач, основных механизмов реализации, а также прогнозируемых результатов. Одни исследователи кладут в основу создаваемых ими типологий социостатические и социодинамические характеристики самой культуры (А.Моль), другие в качестве критерия рассматривают характер политического устройства государства (М.Драгичевич-Шешич). Следует отметить, что вторая позиция встречается в работах отечественных гуманитариев более часто. Ими отмечается, что важными элементами формирования культурной политики в любой стране, в том числе и в России, являются политические факторы. Отсюда и модели развития культуры и культурной политики оказываются напрямую связанными с определенными историко-политическими периодами развития страны. Во второй половине XX в. их было два – советский, начавшийся еще в 20-е гг. после образования СССР, и либеральный, охватывающий 90-е гг. прошлого столетия и первое десятилетие нынешнего.

Отличительными чертами советской модели можно считать наличие в сфере культуры единой административно-командной системы, что определялось доминирующей ролью коммунистической партии, под неусыпным и постоянным идеологическим и кадровым контролем которой осуществлялось управление культурными учреждениями. Советское государство в качестве главного и по сути единственного субъекта культурной политики создало жесткую вертикаль управления, которой беспрекословно должны были подчиняться все нижестоящие инстанции. Сама организация культурной сферы осуществлялась по принципу «центр – периферия», где центру отводилась роль генератора стратегических целей и создателя ценностей, норм и образцов, которые периферия должна была неукоснительно и безропотно усваивать и воплощать в жизнь. Такая всеохватывающая организационная система, лишенная обратной связи, требовала наличия жестких административных структур, получивших в социологической литературе название механистической бюрократии. Это влекло за собой постоянный рост административного аппарата, выполнявшего функции анализа, планирования и контроля систем стандартизации и формализации в области культуры.

В то же время надо отметить, что культурная политика рассматривалась советским руководством в качестве одного из важнейших видов деятельности, на что указывают принятые им сразу же после революции декреты, указы и распоряжения, касающиеся газет, издательств, библиотек и школ. Это

доказывает, что уже с первых лет своего нахождения у власти «партия большевиков стремилась контролировать все институты, участвующие в формировании образа мыслей народа» [1, с. 26].

В 1950-е гг. институциональный уровень культурной политики, возглавляемой ЦК КПСС с его отделами идеологии и культуры, уже играл решающую роль во всех сферах культурной жизни СССР, ибо на проходящих партсъездах не только обсуждались самые общие вопросы организации и регулирования культурной сферы, но и принимались решения относительно деятельности и творчества отдельных писателей и поэтов, музыкантов и художников, театральных деятелей и режиссеров кинофильмов. Партийные функционеры бесцеремонно вмешивались в деятельность руководителей Союза писателей и других творческих союзов СССР. Подобные подходы влекли за собой неизбежные негативные последствия.

Проводимая культурная политика неуклонно требовала все больших ресурсов, эффективность использования которых постоянно снижалась. Зачастую решения принимались без учета специфики развития регионов, по заранее заданному шаблону, что, помимо неэффективного распределения ресурсов, приводило к неудачам при решении проблем, касающихся развития человеческого потенциала отдельных краев и областей. Не поощрялась или игнорировалась любая культурная деятельность, если она проводилась за рамками государственных культурно-просветительских учреждений.

Навязываемые сверху решения и управленческие стереотипы препятствовали формированию новых и более эффективных моделей управления культурой. Система ценностей и культурных приоритетов так же, как было отмечено выше, внедрялась на централизованной основе: «Следствием нарастания унификации культурной деятельности стало то, что вместо реальной управляемости происходящими в обществе культурными процессами налицо была лишь ее видимость» [4]. Одним словом, советская модель культурной политики, в которой государство выступало в качестве монопольного источника, интерпретатора и хранителя всей ценностно-нормативной сферы, оказалась крайне неэффективной и требующей высоких затрат. Пытаясь втиснуть процесс развития культурной жизни в прокрустово ложе идеологических догм, она препятствовала естественному развитию культур народов, населяющих СССР, создавала препоны для ведения плодотворного диалога между ними, вела к грубым деформациям культурной жизни, которые порой становились причиной острых кризисных ситуаций.

Последнее десятилетие XX в. стало для России временем перехода от советской к либеральной модели общественного устройства. Либеральные реформы, проводимые в экономике и политике, основывались на принципах свободы и демократии как основополагающих ценностях, привнесенных в Россию с Запада. Исходной точкой для ведения культурной политики в это время становятся положения новой Конституции РФ, принятой в 1993 г., где утверждался отказ от всякой официальной государственной идеологии: «Государству стало не до культурной политики и не до механизмов ее воздействия на человека, поэтому произошел захват частным сектором и западными производителями как бы ничьей территории» [13]. Сложив с себя полномочия, касающиеся формирования национальной идеологии, Российское государство осуществило тем самым самоустранение из сферы культуры и волей-неволей предоставило иным акторам по собственному усмотрению действовать в области социокультурных отношений. Вакуум, образовавшийся в отечественной культуре, был немедленно заполнен низкопробной западной продукцией, нашедшей на российской почве новый рынок сбыта. «Неопределенный политико-правовой статус культуры как системы учреждений, создающих культурные блага, и механизмов их функционирования в национальной экономике predetermined неустойчивость государственных институтов, регулирующих деятельность в сфере культуры» [7, с. 572].

С.С.Загребин выделяет в культурной политике постсоветского периода три этапа развития. Первый этап, охватывающий 1991–1998 гг., был нами проанализирован выше. И надо сказать, что, несмотря на все его негативные стороны, положительным моментом можно считать возникновение многосубъектности в сфере культурной деятельности. В это время «основными субъектами культурной политики стали учреждения культуры и искусства и наиболее активные представители творческой интеллигенции» [5, с. 18]. Однако получив свободу от политических препон, они посчитали возможным снять с себя и всякие этико-эстетические ограничения, в результате чего рынок был наводнен произведениями, имеющими низкий художественный уровень. Театр и кинематограф изобиливали работами, в которых изображались в основном негативные самопроявления человека, во всех

подробностях смаковались сцены насилия и жестокости, а главными героями становились маргинальные слои общества. В результате такого рода свобода оказалась пагубной для развития отечественной культуры.

Второй этап развития культурной политики в России, согласно С.С.Загребину, охватывает 1999–2006 гг. Переход на рыночные рельсы в ходе либеральных реформ, в конечном счете, привел к пониманию культуры как сферы услуг, а культурных ценностей – как товара. Это было зафиксировано в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» в ред. Федеральных законов от 23.06.1999 N 115-ФЗ, где, с одной стороны, фигурирует понимание культуры как сферы свободы и даются правовые гарантии для «свободной культурной деятельности», а с другой – сами культурные блага трактуются как «услуги, предоставляемые организациями» культуры, «другим юридическим и физическим лицам для удовлетворения своих культурных потребностей» [9]. Испытывая на себе мощную коммерциализацию и вестернизацию, культура и искусство в России все больше утрачивают свои гуманитарные функции в обществе, непосредственно срастаясь со сферой шоу-бизнеса и индустрии развлечений. Анализируя состояние дел в области культурной политики в начале 2000 гг., О.Н.Астафьева совершенно справедливо отмечает следующее: «Специфика сферы культуры попросту игнорировалась, культура перестала фигурировать в официальных материалах как самостоятельная область преобразующей деятельности людей» [2, с. 23].

Неслучайно поддержка культуры со стороны государства в этот период год от года сокращалась. Неуклонно ослабевала роль центральных и региональных органов исполнительной власти в руководстве культурной жизнью страны. В конечном счете, такая ситуация привела в культурной политике государства к формированию двух диаметрально противоположных установок: с одной стороны, утверждалась идея невмешательства государственных органов в сферу культуры и в творчество ее создателей; с другой же, приходило осознание того, что лишённые поддержки государства (прежде всего финансовой) культура и искусство обречены, если не на вымирание, то на жалкое прозябание. Старая административная модель руководства культурой в новых экономических условиях себя изжила, ощущалась необходимость перехода от директивных методов управления к более демократичным, включающим в себя элементы партнерства и наличие обратной связи.

Третий этап развития культурной политики, завершающий период либерального реформаторства, относится к 2007–2014 гг. В начале он был связан с принятием Правительством РФ Федеральной целевой программы «Культура России» на 2006–2010 гг., где пути решения назревших в культуре проблем сопрягались прежде всего с активизацией «механизмов рыночной экономики» и созданием институтов «государственно-частного партнерства». Однако после знаменитой «Мюнхенской речи» Президента РФ В.В.Путина, в которой перед западной элитой открыто было заявлено о существовании у России собственных национальных интересов, ситуация начала коренным образом меняться. В 2009 г. была утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», где одной из существенных угроз объявляется коммерческая массовая культура, насаждаемая Западом, подвергаются критике попытки исказить историю России, ее место и роль в мировом историческом процессе. Именно в этом документе впервые в постсоветский период осуществляется признание «первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации...» [12]

Таким образом, перед российской научной общественностью и органами государственной власти в начале 2010-х гг. настоятельно встала проблема осмысления и формирования нового образа культуры и новой модели культурной политики. Возникла сложнейшая задача – определить оптимальное соотношение творческой свободы и самореализации людей с системой цивилизованного государственного управления, которое не должно было бы «подавлять самоорганизацию и не потворствовать ее девиантной направленности, а всемерно развивать общественно значимую самоорганизацию» [8, с. 222]. Необходимо было преодолеть «узкий», или ведомственный, подход к пониманию самой культуры, закрепленный в то время в законодательно-правовой базе государства. Культура должна была предстать как самоценность и как незаменимый ресурс и источник устойчивого развития территорий. Под культурой подразумеваются не лозунги и не призывы; ее, по мнению О.Н.Астафьевой, в широком значении следует понимать как «репрезентирующие фундаментальные смыслы человеческой жизнедеятельности когнитивные образования, выстраивающие ценностные иерархии» [3].

Коренные изменения в связи с этим должны были произойти и в понимании культурной политики, основанной на идее многосубъектности, что требовало пересмотра основных принципов взаимодействия государства с другими субъектами, действующими в социокультурной сфере. При этом государству отводилась основная роль в формировании и проведении политики в области культуры. Эта политика должна быть направлена на поддержание культурного разнообразия на территории страны при одновременном сохранении ее социокультурной целостности. В качестве наиболее действенного способа концептуализации предлагается диалог, в основе которого лежит приверженность ценностям свободы, равенства и социальной интеграции; а сама «диалогоориентированная направленность» обеспечивается специальным инструментарием, основанным на использовании проектно-программного метода, а также методов прогнозирования и моделирования межкультурных коммуникаций.

На основе этих установок и проведенных дискуссий был создан документ, задавший основополагающие ориентиры в разработке культурной политики на последующее десятилетие. Внешне он имел вполне традиционное название «Основы государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 [10], но по своему внутреннему содержанию был во многом новаторским. Уже во введении в нем заявляется, что Россия является страной великой культуры, обладательницей огромного культурного наследия и многовековых культурных традиций. Именно культура, если рассматривать весь ход тысячелетней отечественной истории, хранила и передавала из поколения в поколение духовный опыт многонационального российского народа и обеспечивала его единство, воспитывала чувство патриотизма и национальной гордости. С учетом всего этого, государство, принимая настоящие Основы, «впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [10]. В такой трактовке, когда культура становится ценностным ядром дальнейшего социального развития страны, сама культурная политика перестает быть экономикоцентричной или политикоцентричной, и становится культуроцентричной. Поэтому неслучайно ее основными целями объявляются: 1) «сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; 2) передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; 3) создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; 4) обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам» [10]. Культурная политика в приданной ей в Основах трактовке обретает поистине всепроникающий характер, поскольку помимо всех видов культурной деятельности охватывает еще социальные и гуманитарные науки, образование и воспитание, межконфессиональные и межнациональные отношения и т.д. Все это требует повышения ее статуса с ведомственного и даже межведомственного «до общенационального уровня».

События последних лет, связанные с усилением конфронтации с Западом, осуществляющим свою экспансионистскую политику на Украине, заставили Россию отстаивать свои национальные интересы посредством проведения Специальной военной операции. В результате произошел окончательный цивилизационный разлом между Западом и Россией и поворот последней на Восток. Сложившаяся в начале 20-х гг. геополитическая ситуация потребовала дальнейшей корректировки культурной политики Российского государства. Поскольку западные лидеры не раз демагогически заявляли, что борьба с Россией на Украине ведется за ценности демократии и свободы против авторитарных режимов, российскому руководству потребовалось четкое ценностное размежевание с Западом, который в последние годы помимо того, что ведет безумную гендерную политику и всячески поощряет транс- и гомосексуализм, открыто пропагандирует ценности ЛГБТ сообщества, постоянно стремится принизить роль России в мировом историческом процессе и выставить ее в качестве оккупанта Европы в годы Второй мировой войны. Достойным ответом на это стал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В нем Президентом РФ ставятся две фундаментальные задачи: во-первых, «укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности», а также «межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей», и, во-вторых, «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории» [14]. В пункте № 4 этого документа представлено развернутое определение понятия «традиционные ценности» и, кроме того, дается их перечень. В него, помимо зафиксированных еще в Конституции РФ от 1993 г.

таких понятий, как «достоинство», «права и свободы человека», входят и иные: например, «патриотизм», «гражданственность», «служение Отечеству», особенно актуальные в современную эпоху.

Другим важным документом, вышедшим за последние три года, стал Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808» [15]. В его текст вносятся такие значимые изменения, как положение о том, что культура России – столь же важное ее достояние, как и находящиеся на ее территории природные богатства; что государственная культурная политика есть деятельность, осуществляемая органами публичной власти в тесном сотрудничестве с гражданским обществом; что одной из приоритетных целей современной культурной политики государства является формирование гармонично развитой личности, руководящейся в своем поведении традиционными российскими духовно-нравственными ценностями; что брак – это добровольный союз мужчины и женщины, а не двух однополых существ; и, наконец, что культурный суверенитет является неотъемлемым атрибутом независимого государства, не позволяющего подчинить себя внешнему диктату; и предстает он как «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния...» [15]

Последним документом, имеющим пусть и косвенное отношение к культурной политике, являются «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», утвержденные Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. N 314. Здесь подчеркивается, что Россия – это «великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие» [11]. В этом определении и следа не осталось от либеральных мечтаний о «вхождении в Запад», от рассуждений о Европе от Лиссабона до Урала и от прочих идеологических постулатов горбачевско-ельцинского «нового мышления»; четко прописывается, что Россия территориально есть Евразия, во многом ментально и духовно отличная от Европы, находящейся под диктатом США. Это обусловлено тем, что основу самосознания российского общества определяют «традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности», которые формировались и развивались на протяжении всей тысячелетней истории России и которые позволяют ей в настоящее время выживать и побеждать в трудной и непримиримой борьбе с Западом. Разные исторические эпохи развития России значительно отличаются друг от друга, но в то же время они составляют единое целое, и в этой связи важно учитывать преемственность, существующую между ними, что не всегда было свойственно как советской, так и постсоветской либеральной историографии. И этот принцип преемственности должен быть краеугольным камнем современной культурной политики, что осознается уже не только многими исследователями, но и политиками.

Согласно новой модели, государственная культурная политика осуществляется органами публичной власти при активном участии институтов гражданского общества, т.е. государство играет в ней существенную роль, но не является доминирующим; основным способом взаимодействия между государственными структурами и общественностью становятся не спущенные сверху директивы, а отношения партнерства, в котором соблюдается баланс интересов разных субъектов при решении общих задач по укреплению общегражданской идентичности, сохранению единого культурного пространства, обеспечению межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российском государстве. В последних федеральных документах особо подчеркивается, что государство должно делегировать часть своих полномочий в области управления культурой институтам гражданского общества. Для ведения эффективной работы создается специальный координационный орган, который призван заниматься разработкой стратегических подходов в сфере культурной политики.

Подводя итоги, можно отметить, что за последние полвека государственная культурная политика России, которая в юридическом плане стала правопреемником СССР, претерпела существенные изменения, касавшиеся прежде всего ее концептуальных оснований, которые базировались сначала на марксистской идеологии, затем на либеральных идеях, заимствованных на Западе (кстати, марксизм тоже берет свое начало оттуда), пока не пришло осознание того, что политику в области культуры надо начать формировать на собственных социокультурных и ценностно-смысловых основаниях. Коль скоро первые две модели (административно-командная, созданная большевиками, и либерально-демократическая) были по своей сути радикальными (потому что их адепты нарочито отрицали все

ранее созданное до них и полностью его перечеркивали), то не могло быть и речи о какой-то их (моделей) трансформации: они просто отбрасывались как неудовлетворительные. Иное дело – формирующаяся в настоящее время модель, в которой культура возводится в ранг национальных приоритетов, а ядром концептуальной основы становятся проверенные веками духовно-нравственные ценности, которые делают Россию особым государством-цивилизацией. Эта новая модель как раз и создается в ходе трансформации, под которой подразумеваются не просто изменения или преобразования, а то, что Гегель называл «снятием», т.е. отказом от того, что не выдержало проверки историей, и удержанием и сохранением того, что содержит в себе позитивные моменты предшествующих моделей. Только таким образом, достигается преемственность в ходе исторического процесса, а прошлое соединяется с настоящим и будущим.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аймермахер, К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917 – 1932 : монография. – Москва : АИРО, 1998. – 204 с.
- [2] Астафьева, О. Н. Культурная политика. Лекции. – Москва: Изд-во РАГС, 2010. – 70 с.
- [3] Астафьева О. Н. Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия // Государственная служба. – 2014. – № 1(87). – С. 71-78.
- [4] Востряков, Л. Е. Проблема выбора оптимальной модели культурной политики России // Superinf.ru : [сайт]. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3502 (дата обращения: 24.10.2024).
- [5] Загребин, С. С. Культурная политика в постсоветской России 1991-2015 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. Исторические науки, – 2015. – Т. 15. № 4. – С. 18-23.
- [6] Клиш, Д. Культура, управление и регулирование // Культурология: от прошлого к будущему : сб. науч. ст. / отв. ред. К.Э. Разлогов. – Москва: Рос. ин-т культурологии, 2002. – С. 274-294.
- [7] Козлова, М. А. Культурная политика Российской Федерации в 2000-2014 годах: состояние и векторы трансформации // Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков : сб. материалов XII Междун. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 17-18 апр. 2015 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 571-580.
- [8] Кравченко, С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности : монография. – Москва: Изд-во МГИМО-Университет, 2012. – 306 с.
- [9] Основы законодательства Российской Федерации о культуре, в ред. Федеральных законов от 23.06.1999 N 115-ФЗ // КонтурНорматив : [сайт]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=459110> (дата обращения: 24.10.2024).
- [10] Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808) // Гарант : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 24.10.2024).
- [11] Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утвержденные Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. N 314 // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 24.10.2024).
- [12] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 24.10.2024).
- [13] Токарева, Ю. В. Концептуальность культурной политики России: сравнительный анализ советского и постсоветского периода // Аналитика культурологии : [сайт]. – URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/727-concept-of-cultural-policy-russia-comparative-analysis-of-soviet-and-post-soviet-period.html> (дата обращения: 24.10.2024).
- [14] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 24.10.2024).

[15] Указ Президента РФ от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808» // Гарант : [сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (дата обращения: 24.10.2024).

[16] Флиер А. Я. Культурология для культурологов : Учеб. пособ. – Москва : Акад. Проект, 2000. – 496 с.

TRANSFORMATION OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK STATE CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Gorlova Irina Ivanovna

D. in Philosophy, Full professor, Director
of the Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar)

Zorin Alexander Lvovich

D. in Philosophy, Full professor,
Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar)

Abstract. *Currently, an increasing number of humanitarians are coming to the conclusion that Russia is facing the need to move to a new development paradigm in which culture plays a decisive role. This is what determines the need for a scientifically sound and consistent cultural policy, organically linked to the main goals and objectives facing the Russian state. In the last decade, a new model of state cultural policy, adequate to modern realities, has been created, the purpose of the research is to identify the conceptual foundations of which. To determine its features, the authors consider it necessary to analyze the previous models related to the period of late socialism and the time of liberal reforms. It is established that the essential point of difference between these two models is the role of the state in the formation and implementation of cultural policy. It is concluded that the new model incorporates the positive aspects of the two previous models through transformations, understood as a withdrawal in the Hegelian sense, rather than a complete and radical crossing out. This determines the possibilities and boundaries of the state's activities in the field of culture.*

Key words: *cultural policy, state, conceptual foundations, spiritual and moral values, models of cultural policy, transformations.*

© Горлова И.И., Зорин А.Л., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.10.2024.

Ссылка на статью:

Горлова, И. И., Зорин, А. Л. Трансформация концептуальных основ государственной культурной политики Российской Федерации в первой четверти XXI века. – DOI 10.34685/Н1.2024.55.13.003. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 14-22. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/670.html&j_id=62.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Часть 3. Глобализация как конструкт системы глобального управления

DOI 10.34685/NI.2024.96.55.005

Марзоева Анжелика Владиславовна
аспирант Российского Государственного
Социального Университета (Москва)
Email: sk-rost@mail.ru

Аннотация. В данной статье защита государственного суверенитета и цивилизационной идентичности выделяются в качестве ключевых целей Стратегии государственной культурной политики, которая является неотъемлемой частью Стратегии национальной безопасности России. Совершенствование государственной культурной политики в условиях глобализации предлагается осуществлять посредством анализа и оценки геополитических изменений в международном пространстве, включая прогнозирование, целеполагания и планирование со стороны акторов системы глобального управления.

В ходе исследования обосновывается необходимость возведения государственной культурной политики России до компонента политической сферы, что позволит превратить ее в интеллектуальное оружие по защите суверенитета, открывающее каналы экспансии исторического опыта развития российской цивилизации и культурных схем деятельности в международное пространство. Исследования опираются на индуктивный метод познания английского философа Ф.Бэкона, который позволяет обнаружить закономерности между различными явлениями, опираясь на факты и эмпирические данные.

Ключевые слова: культура, культурная политика, глобализация, культурный суверенитет, национальная безопасность, государственная политика, геополитика.

В 2014 г. президент России В.В.Путин отметил: «...если нет культуры, то непонятно вообще, что такое суверенитет, и непонятно тогда, за что бороться» [1]. В том же году вступил в силу документ стратегического планирования – «Основы государственной культурной политики» [2], в котором была определена ценностно-ориентированная модель государственной политики России. В 2023 г. в «Основах...» появилось понятие «культурного суверенитета» [3]. В документе говорится о возникновении угрозы гуманитарного кризиса, который в будущем может привести к таким последствиям, как «разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации; снижение интеллектуального и культурного уровня общества; рост агрессии и нетерпимости, проявление асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России; атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежения правами других» [4, с. 3].

Перечисленные выше угрозы связаны с глобализацией, которая направлена на ослабление суверенитета национальных государств и на максимальное снижение их влияния в системе международных отношений [5]. Как утверждает российский историк А.И.Фурсов, «национальное государство со всеми его атрибутами просто неадекватно миру неолиберальной глобализации» [6]. Важно понимать, что глобализация – это конструкт в системе глобального управления, актором которой является англосаксонская элита [7]. Концептуальный анализ ее ключевых подсистем, стратегической проектной деятельности позволит реконструировать иерархичность системы, что важно для выявления целеполагания акторов глобального управления в долгосрочной перспективе. На данном этапе уже очевидно, что в контуре мирового управления акторы глобализации подводят

Россию к риску исчезновения с геополитической карты мира как самостоятельного субъекта мировой политики.

Речь идет о трансформации национальной идентичности путем интеграции России в так называемое «мировое сообщество». Американский государственный деятель, дипломат, бывший госсекретарь США и помощник Президента США по национальной безопасности Г.Киссинджер отмечает: «Соединенные Штаты со своей стороны не предложили никаких конструктивных идей, за исключением того, что Россия однажды станет частью мирового сообщества путем некой автоматической трансформации» [8]. Касаемо процесса глобализации Киссинджер выражает критическое мнение, отмечая, что она способствует размыванию национальных идентичностей. Он подчеркивает, что стремление к установлению универсальных стандартов и норм в мировом сообществе должно быть сбалансировано с учетом суверенитета государств. Это подразумевает, что англосаксонская элита должна не навязывать, а устанавливать свои ценности. Киссинджер предлагает осуществлять эту миссию поэтапно, где каждый этап будет сочетать американские ценности с внешнеполитическими требованиями, поскольку необходимо понимать, что «в результате перегруппировки сил в мире новообразованная коалиция сможет превзойти их как в военном, так и в экономическом плане» [9]. Киссинджер отмечает, что мир движется к сокращению до минимума ключевых игроков на политической арене, что осуществляется путем формирования региональных блоков, которые исполняют функцию государств-участников Вестфальской системы, и это приведет к возвращению риторики и практики начала XX в., когда непримиримые группировки стран пытались полностью перебороть друг друга [10, с. 129].

Анализ изменений в системе международных отношений, связанных с активным «размыванием» государственных границ, позволяет утверждать, что угроза исчезновения России с геополитической карты мира может быть парирована только через вскрытие целеполагания англосаксонской элиты, ставящей целью реконструкцию Вестфальской структуры миропорядка в новые формы, путем вытеснения «государство-центричной» парадигмы из системы международных отношений. Мы полагаем, что этот постулат должен занять центральное место в системе стратегического планирования государственной культурной политики, поскольку она отныне является неотъемлемой частью Стратегии национальной безопасности России.

Для достижения поставленных целей был разработан и внедрен целый ряд идей и концепций. В ходе настоящего исследования мы акцентируем внимание на тех, которые включают в себя проекты культурной политики системы глобального управления, а также на организационных структурах, через которые эти проекты осуществляются на внешнеполитическом контуре. Среди них: вестернизация [11], модернизация [12], Содружество наций [13], культурно-идеологическая гегемония [14], космополитизм [15], транснационализм [16], унификация культур, ООН [17], Евросоюз [18], мультикультурализм [19], культурная глобализация [20], мягкая сила [21], культурная дипломатия [22], ЮНЕСКО [23], мировое сообщество [24], общество потребления [25], мир-системный анализ [26], глобальная гражданственность [27], сексуальная революция [28], теория комплексной взаимозависимости [29], массовая культура [30], всеобъемлющая безопасность [31], международный терроризм [32], движение ЛГБТ, столкновение цивилизаций [33], «конец истории и последний человек» [34] и др.

Перечисленные концепции связаны с транснациональными преступлениями, среди которых: «агрессия одних государств по отношению к другим, апартеид, геноцид, экоцид, применение оружия массового поражения, шпионаж, расизм, неонацизм, шовинизм, сепаратизм, а также терроризм» [35]. Их внедрение осуществляется в контексте «исторически пройденного этапа развития человечества под лозунгом ценности против суверенитета» [36], что отражает цели проекта трансформации Вестфальской системы миропорядка в новые формы, с точки зрения сокращения влияния принципа признания суверенитета национальных государств.

К примеру, создание Европейского Союза рассматривается нами как пилотный проект, направленный на выяснение, может ли транснациональная идентичность превзойти чувство принадлежности к конкретному государству, национальной идее и государственным символам. Как отметил автор концепции «Конец истории и последний человек», американский философ и политолог Ф.Фукуяма, который развивает идею, согласно которой универсальные идеалы и ценности способны преодолеть различия в культуре и религии и создать основу для единства мира: «Конец истории» никогда не был связан с конкретной американской моделью социальной или политической организации. Вслед за

российско-французским философом Александром Кожевом, вдохновившим меня на мой первоначальный аргумент, я считаю, что Европейский Союз более точно отражает то, как будет выглядеть мир в конце истории, чем современные Соединенные Штаты Америки. Попытка Евросоюза превзойти суверенитет и традиционную политику власти путём установления транснационального верховенства права гораздо больше соответствует «постисторическому» миру, чем продолжающаяся вера американцев в Бога, национальный суверенитет и их армию» [37; 38].

В Основах государственной культурной политики указано, что разработка и реализация культурной политики нуждаются в научной обоснованности предпринимаемых преобразований. Решение данной проблемы невозможно в условиях дефицита компетенций в области системного анализа вопросов, связанных с субъектами мировой политики, осуществляющих проектное управление процессами глобализации. Возникает необходимость в совершенствовании исследовательских методов, с целью повышения точности и расширению границ применимости политического анализа. Это требует развития отечественной методологической мысли, что является критически важным для решения проблемы потери управляемости, вследствие которой в российском обществе возникла угроза гуманитарного кризиса. Также необходимо устранить отсутствие взаимосвязи между процессом формирования Стратегии культурной политики и политическим анализом ключевых факторов, оказывающих влияние на изменения в системе международных отношений.

Культурная политика является одним из ключевых инструментов ведущих держав мира, которые используют ее как проводник национальных и транснациональных политических и экономических интересов. Это подразумевает включение в культурное поле геополитического анализа мировых процессов. Политический анализ должен включать в себя прогнозирование и моделирование, обеспечить их взаимосвязь с целеполаганием, а далее, программированием, проектированием и управлением [39]. Как элементы входа в процесс планирования, прогнозирование определяет каким может быть будущее, а планирование – каким должно быть будущее [9, с. 12]. Геополитический анализ, как основа целеполагания социокультурного развития России, позволит получить объективную оценку ее возможностей в условиях глобализации, а также задать вектор целей влияния на процессы мирового развития в долгосрочной перспективе.

Мы подводим к выводу, что культурная политика России должна включать в себя, помимо собственно культурного, политическое содержание, поскольку переломный характер развития мира проявляется прежде всего в политической сфере [40]. В условиях экзистенциальной угрозы суверенитету Российской Федерации, государственная культурная политика должна иметь исключительно целевой характер и разрабатываться на основе объективного анализа угроз, возникших в условиях глобализации, а не через осуществление популистских шагов не имеющих причинной связи с реальностью. В целях совершенствования государственной культурной политики России мы предлагаем поднять ее статус до уровня компонента политической сферы. Это сделает культурную политику эффективным инструментом внешней политики и укрепит влияние государства на международной арене. Иными словами, культурная политика превратится в «политический процесс по осуществлению управленческого воздействия государства» [41] как внутри страны, так и за ее пределами. Данный подход также решит задачу «по наделению культурной политики статуса общенационального уровня» [4, с. 4].

Ключевым показателем результативности предлагаемых культурных инициатив является адекватность целеполагания, а также качество реализации программ и проектов, что подразумевает использование инновационных технологий, включая мониторинг состояния культурной среды. Система мониторинга должна быть разработана с учетом четких индикаторов оценки результативности, а также научных данных, и включать в себя такие показатели, как социальная и экономическая значимость реализуемых программ. Одной из составляющих данной системы должен стать механизм выявления угроз культурной экспансии, ресурсам и информационным системам от внешнего вмешательства и кибератак.

В последние годы восприятие культуры как вторичного фактора развития вытеснило культурную политику из области приоритетных направлений [42]. Следствием этого стало масштабное воспроизводство упрощенных форм культурных продуктов и мероприятий для потребителя, номенклатура и качество которых исходит из примитивного понимания спроса населения. На уровне исполнительной власти проблема связана с дефицитом компетенций, а также моральной мотивации

кадрового потенциала на всех стадиях творческой и управленческой иерархии. Однако, с точки зрения стратегической глубины, как утверждал Ф. Бэкон в трактате «Новый Органон», «не может правильно совершаться ристание, если сама мета положена и утверждена неверно» [43]. Бэкон предлагает системный подход к пониманию сути науки, в частности, индуктивный метод исследования причинно-следственных связей, который позволяет обнаружить закономерности между различными явлениями, опираясь на факты и эмпирические данные. В рамках настоящего исследования индуктивный метод позволил выявить процесс формирования иерархии моделей в системе глобального управления, который и привел англосаксонскую цивилизацию к тотальной гегемонии. Это поможет определить объективные возможности России в эпоху глобализации, а также подготовить рекомендации, необходимые для совершенствования культурной политики, согласно условиям современного мира.

Центральным положением Вестфальского мира, который был заключен после Тридцатилетней войны в Европе в 1648 г., является идея баланса сил, основанная на признании принципа национального государственного суверенитета как ключевого фактора равноправного сосуществования государств [44]. Вместе с тем, закрепление Вестфальской системы мирового порядка также связано с идеей объединения человечества под властью одной империи или монарха, которая стала особенно привлекательной в Европе в XVII в. Усиление политических амбиций, основанных на легитимации колониальной экспансии в другие части света отмечается в рамках мир-системного анализа социальной эволюции систем обществ, наиболее распространенная версия которого принадлежит известному американскому теоретику и политологу И.Валлерстайну. Согласно концепции ученого, изначально в мире существовали исторические системы всех типов, которые в итоге превращались в мир-империи под властью одного государства. Исключением является европейская мир-экономика, которая, начиная с XVI в., стала распространяться на весь мир, превратившись не в мир-империю, а в капиталистическую мир-систему. В процессе глобализации последняя поглотила все существовавшие ранее исторические системы [26].

Валлерстайн подводит к выводу о том, что в современном мире существует лишь «капиталистическая цивилизация» [45], а все иные созданы только «как моральное обоснование собственной идентичности» [46]. Таким образом, глобализация была представлена ученым как эволюционная модель развития «капиталистической цивилизации» с самого начала её существования [47]. В процессе расширения «капиталистической цивилизации» на весь мир Вестфальская система мирового порядка эволюционировала в разные формы. Каждая из них была результатом крупных военных потрясений [48]. Однако, центральная идея о создании условий, которые должны способствовать возникновению у людей желания добровольно передавать свою власть ради избавления от войн и бедствий, которая была изложена английским философом Т.Гоббсом в его труде «Левиафан» [49], остается центральной концепцией англосаксонской элиты и в XXI в.

Вестфальский мир был установлен после Тридцатилетней войны в Европе, в результате которой многие регионы потеряли от 20 до 45% населения. Венский миропорядок (1815-1871) оформлен после Наполеоновских войн. Став основой эпохи колониализма, когда были выделены Великие Державы, которые имеют большее влияние, нежели остальные, Венская парадигма распространилась на другие регионы. Версальско-Вашингтонская система (1918-1939) была призвана закрепить итоги Первой мировой войны, которая показала, что отныне мировые войны будут носить тотальный характер, что подразумевает вовлечение всего населения Земли.

Ялтинско-Потсдамский (1945-1991) период изменил саму структуру мирового порядка с полицентричного на биполярный, согласно концепции «Римленда», разработанной американским геополитиком Н.Спикменом ещё в 1940 г., что является открытым признаком проектного управления. Центральным положением концепции является идея противостояния моря и суши – СССР и Америки, положившая начало «Холодной войне, согласно формуле: «Кто контролирует Римленд, господствует над Евразией; кто господствует над Евразией, контролирует судьбы мира» [50]. Потсдамская эпоха стала историческим прецедентом, поскольку никогда раньше мир целиком не был искусственно разделён на сферы влияния между двумя государствами. Так англосаксонская элита внедрила технологию «интегрированного контроля над территорией» [51], который должен осуществляться руками США. В настоящее время именно по линии Римленда развёрнуты многочисленные американские военные базы. Далее последовал распад СССР (1991), который, по сути, ознаменовал конец длительного периода Вестфальской парадигмы мирового порядка, основанного на принципе признания суверенитета национальных государств.

Еще в 1980-х гг. российский и советский философ А.А.Зиновьев указал на то, что «глобализация эволюционирует в форму сверхгосударства с вертикальной субординацией, подчиненной глобальным интересам США» [52]. Во-первых, мы предлагаем дать более точную оценку и расширить представление о США как о «гегемоне» [53], так как данный субъект мировой политики, включая государство, народ, военную мощь и институты, используется англосаксонской элитой как инструмент удержания монополии на власть в системе глобального управления. Следовать концепции Английской Короны, которая предпочитает действовать чужими руками, означает принятие роли пассивного участника в политических и социальных конфликтах, создаваемых искусственным путем.

На протяжении многих веков стратегия «имперской манипуляции» позволяет англосаксонской элите сохранять свои позиции путем столкновения других стран. Таким образом Английская Корона избегает прямых дипломатических и военных затрат, сохраняет свои ресурсы и получает выгоду от экономических преимуществ, возникающих в результате конфликтов. Вмешательство извне приводит к затяжным войнам и гуманитарным кризисам, как это было в целом ряде регионов на протяжении всего XX в. и после. Этот подход имеет глубокие исторические корни и продолжает влиять на геополитику в современное время, определяя судьбы миллионов ни в чем не повинных людей.

Еще одним важным инструментом политической борьбы, который используется англосаксонской элитой для поддержания легитимности и оправдания своих действий, является фальсификация истории, включающая в себя умышленное искажение исторических событий, фактов личностей и хронологий. К примеру, по поводу того, как Британская империя потеряла 13 американских колоний, существует целый ряд гипотез, однако мы считаем, что данная тема заслуживает более глубоких исследований. Возникает вопрос: как так получилось, что бывшая английская колония сначала раньше всех обрела независимость в войне с могущественной метрополией, а затем более двухсот лет приумножала свое богатство и власть? Кроме того, отметим, что в конце XVIII в. формой правления была преимущественно монархия, а в конце XX в. происходит резкий переход к парламентской и президентской модели, а именно – англо-американской модели управления государствами, что было растиражировано по всему миру.

Мы подводим к выводу, что ограничение власти английской монархии, а также деколонизация и добровольное объединение государств в «Содружество наций» в 1889 г. (что сегодня составляет почти треть населения Земли), став основой новых форм колониальной политики, является величайшей фальсификацией в истории. Все перечисленные события являются частью системы стратегического планирования в рамках глобального управления. Иными словами, не было никакой передачи реальной власти, но лишь её переход на иной уровень, в новые, более сложные формы.

Приступив в начале XX в. к геополитическому переустройству всего мира, англосаксонская элита развязала две кровопролитные мировые войны в целях удержания монополии на власть в системе глобального управления. Напомним, что 1918 г. Британская империя располагала самыми крупными в мире военно-воздушными силами и флотом [54]. В 1919 г., по условиям мирного Версальского договора, империя достигла максимального расширения за всю историю [55]. Но, именно этот период ознаменован упразднением монархий в Европе, а также установлением новой формы правления, подразумевавшей, что отныне глава государства должен избираться гражданами на определенный срок. Напомним, что термин «президент», в его современном понимании, был использован для обозначения высшего должностного лица в 1787 г. при подготовке к принятию Конституции США [56]. В результате, система мирового порядка обрела новые формы, а элита «ушла в тень», обеспечив беспрецедентные условия собственной безопасности, переместив агрессию народных масс, а также ответственность за искусственное создание угроз и вызовов планетарного масштаба на сторонние политические лица.

Новые формы государственного управления, а также система международных отношений являются ключевыми инструментами англосаксонской цивилизации, которая в силу своего имперского сознания, основанного на идее национальной исключительности, управляет континентами в течение нескольких веков. Как отметил американский социолог Ф.Гиддингс, «жажда завоевания новых земель и преодоления новых вызовов привела англосаксов из лесов Северной Германии к берегам Британии в V в. и на протяжении веков призвала Америку, Африку, Азию и острова Тихого океана» [57]. Британский историк и масон У.Бесант подчёркивал: «Мы народ, который где бы ни жил не изменит своим жизненным принципам и, более того, заставит окружающие его народы жить по своим устоям» [58].

Мы предлагаем создать собственную форму правления, которая будет отвечать идее становления нового пути России как «отдельной цивилизации» [59]. Создание уникальной формы правления является амбициозной задачей, которая требует глубокого анализа и обдуманной стратегии. И здесь государственная культурная политика может сыграть ключевую роль, формируя идентичность и ценности общества, укрепляющие связь между государственной властью и гражданами.

Государственная культурная политика охватывает множество аспектов, включая образование, традиции, а также коды поведения, формирующие общественное сознание. Важным элементом этой политики является создание устойчивого фундамента, который отражает уникальность и самоидентификацию нации. Становление России как отдельной цивилизации возможно через осознание и развитие культурной идентичности. Это включает формирование критического мышления, которое позволит перезапустить и наполнить сознание новых поколений ценностями, соответствующими идее отдельной цивилизации. Для достижения поставленных целей необходимо создать институты, которые будут поддерживать культурные инициативы на местном и национальном уровне, а также способствовать взаимодействию между культурными, образовательными и научными учреждениями для создания единой платформы, продвигающей новые идеи. Также важно установить диалог с другими культурами в рамках стратегии культурной политики на внешнеполитическом контуре, что позволит продемонстрировать российскую уникальность во всем мире.

Англосаксонская цивилизация служит масштабным примером, который демонстрирует влияние культуры на становление самостоятельного субъекта мировой истории. Анализ основных этапов эволюции англосаксонской цивилизации позволяет вскрыть вектор направления развития, в ходе которого осуществлялся переход культуры в область науки о культуре, а также переход науки о культуре из области исследований в проектную деятельность, превратившись впоследствии в теоретический фундамент культурной политики. Важным аспектом является то, что развитие науки о культуре связано не столько с техническим прогрессом, сколько с инновационным подходом к объекту исследования – обществу, когда культура начала рассматриваться как инструмент формирования мировоззрения с целью установления в нем новой формы идентичности и политической самоидентификации. Особую роль в этом контексте сыграл проект Реформации, когда путем создания новых смыслов и способов мышления, направленных на изменение восприятия католической церкви, произошло становление нового направления в христианстве – протестантизма – и его проявлений, таких как лютеранство, кальвинизм и англиканство.

В XVI в. религия и культура были неразделимы. Религия являлась центром выражения всех культурных аспектов. Всё – от искусства и литературы до образования и политики – было пропитано религиозными элементами. Как социокультурное явление, Реформация выступила инструментом культурной политики с целью формирования нового мировоззрения в обществе. Это стало возможным благодаря тому, что именно культура играет ключевую роль в становлении взглядов, оценок и убеждений, определяющих отношение общества к окружающему миру и его месту в нем. А также благодаря инновационному мышлению, которое позволяет не только решать актуальные проблемы, но и создавать новые смыслы, что превращает культурную политику в незаменимый инструмент управления процессами социальных изменений и культурной адаптации к ним.

В контексте политических изменений, Реформация, актором которой выступила Английская Корона в целях укрепления власти, что было возможно только в условиях независимости от Римско-католической церкви и папской власти, положила начало становлению системы глобального управления. Учреждение Англиканской церкви способствовало подчинению религиозной структуры государственным интересам, что, в свою очередь, укрепило центральную власть и суверенитет Англии. Конец Реформации был ознаменован подписанием Вестфальского мира, что привело к формированию системы отношений между национальными государствами, освобожденными от влияния церкви.

Закрепление Вестфальской системы также связано с идеей объединения всего человечества под властью одной империи или монарха, а также с усилением с политических амбиций, основанных на легитимации колониальной экспансии в различные регионы мира. Отметим также, что в начале XVI в. слово «нация» стало применяться в Англии по отношению к населению страны и превратилось в синоним слова «народ», тогда как ранее «народом» обозначались низшие слои общества. Так власть возложила на народ ответственность за политическую солидарность, а также преданность Англии [60, с. 9-10]. После принятия Билля о правах человека в 1689 г. Английская Корона начала двигаться к

новой форме правления – конституционной монархии. Это стало возможным благодаря идее, согласно которой власть исходит от народа через избранных ими представителей, что позволило создать «барьер безопасности» между элитой и подданными. Так, обеспечив полномочия монарха законодательными актами и конституцией, англосаксонская элита, как было отмечено выше, перенесла ответственность за искусственное создание угроз и вызовов планетарного масштаба, а также недовольство народных масс на сторонние политические лица.

Чтобы глубже вникнуть в процесс формирования иерархии моделей в системе глобального управления, мы предлагаем проанализировать эволюцию взглядов англосаксонской цивилизации, сформировавших мировоззрение, основанное на вере в национальную исключительность.

Американская исключительность восходит к пуританским корням, чьи ценности на протяжении многих веков формируют национальную идентичность США. В 1630 г. пуританский лидер Дж. Уинтроп выразил идею исключительности в проповеди «Модель христианского милосердия» [61, с. 78], представив образ «Града на холме» – сообщество пуританской Новой Англии, которое должно служить образцом для других народов. Эта метафора олицетворяет не только амбициозное стремление к моральному и политическому превосходству, но также ответственность, возлагаемую на американцев как носителей уникальных ценностей и идеалов. Отметим, что Уинтроп был английским юристом, членом Лондонского Королевского Общества, а позже – губернатором Массачусетской колонии. Идеи о превосходстве, основанные на ответственности, лежащие в основе протестантской этики, сыграли ключевую роль в становлении культурной и политической самоидентификации в США.

Существует множество дискуссий относительно времени и места произнесения этой знаменитой речи, а также о том, действительно ли Уинтроп является ее автором [62, с. 215]. Американский историк Дж. Макганн утверждает, что «все соответствующие контекстуальные свидетельства подтверждают, что проповедь была произнесена в Англии» [63, с. 31]. Мы полагаем, что вера в национальную исключительность развивалась благодаря фундаментальному труду английского священнослужителя Дж. Фокса «Акты и памятники» (Книга мучеников Фокса). В этой книге была широко представлена идея о том, что Англия является новым Израилем, а англичане – избранным Богом народом. Впервые изданная в 1563 г., книга, объёмом почти вдвое больше Библии, повествует историю протестантизма. Этот труд был благосклонно принят Англиканской церковью, став вторым по популярности после Библии. Именно этот «апокалиптический национализм» [64, с. 7] был завезен в Новую Англию.

Профессор истории американской культуры М. Каммен отмечает, что многие ученые и писатели, такие как К. Маркс, первый профессор политической науки Ф. Либер [65], М. Вебер, один из инициаторов создания Лиги Наций Дж. Брайс, Г. Уэллс и многие другие комментировали американскую исключительность в комплиментарных терминах. Тема стала общепринятой. С 1840-х гг. до конца XIX в. американская исключительность изучалась большинством американских студентов. Развитие мировоззрения «американской исключительности» привело к тому, что в XX в. США присвоили себе «моральное право» быть источником международного права, объявив в 2001 г. об одностороннем выходе из Договора 1972 г. по противоракетной обороне (ПРО). Американский историк У. Блюм отметил, что, «в период после Второй мировой войны США 1) попытались свергнуть более 50 иностранных правительств, большая часть из которых была демократически избрана; 2) осуществляли бомбардировки территорий более чем 30 стран; 3) пытались физически устранить глав государств и лидеров более чем 50 стран; 4) пытались подавить народные выступления и движения протеста в 20 странах; 5) открыто вмешались в процесс демократических выборов по меньшей мере в 30 странах» [66].

Процветание идей протестантизма привело к формированию политических систем, основанных на принципах законности и права, ставшими ключевыми элементами всей так называемой «западной цивилизации». Преимущество англосаксонских политических и культурных моделей в европейских странах привело к их обобщённому восприятию во всем мире. Мы утверждаем, что взгляд на так называемый «Запад» как на единое целое является упрощением, которое не позволяет объективно анализировать и прогнозировать угрозы, исходящие со стороны англосаксонской цивилизации. В России, как правило, понятие «западная цивилизация» рассматривается через общность ценностей и политических институтов определённого круга наций и государств, к которым относятся западная и центральная части Европы, а также Австралия и Северная Америка. Тем не менее, с точки зрения культуры, англосаксонская и европейская цивилизации представляют собой совершенно

самостоятельные исторические сущности. Помимо культурной составляющей, уже в XIII в. началось отделение английского общего права от правовых систем государств Западной Европы. Окончательное обособление произошло в XVII в. в результате Английской революции. В современное время англосаксонская правовая семья объединяет правовые системы Великобритании и бывших британских колоний, включая страны Содружества наций и США. В основе национальных правовых систем этих стран лежит общее право Англии.

Кроме того, концептуальный анализ таких проектов, как Лига наций, Евросоюз, ООН, НАТО, а также таких концепций, как мультикультурализм, научный расизм, идеология фашизма, демонизация ислама, коллективная безопасность и многое другое, позволяет нам утверждать о наличии конфликта между европейской и англосаксонской цивилизациями, который развернулся в борьбе за власть в системе глобального управления. Данный конфликт не лежит в открытой плоскости, поскольку руководители европейских государств, как ставленники англосаксонской элиты, сами предают собственные народы, лишая свои страны субъектности. [39] Ярким примером является проект под названием «Евросоюз».

Создание Европейского союза рассматривается нами как проекция процессов глобализации на европейское пространство с целью поглощения европейской цивилизации. В этих целях была использована технология многоуровневой интеграции, которая в корне изменила роль национальных государств в Европе. Размывание границ суверенных государств осуществлялось «сверху», что повлекло аналогичную тенденцию со стороны административных регионов внутри национальных государств. Экономическое и политическое объединение 27 европейских государств является частью единой стратегии англосаксонской цивилизации по глобальной трансформации мира, в рамках которой процессы глобализации направлены на вытеснение «государство-центричной» модели из системы международных отношений. Будем считать это репетицией. Отметим также, что, несмотря на членство в НАТО и ЕС, Великобритания не посчитала нужным принять конституцию и единую валюту евро, а в 2020 г. вовсе вышла из состава Европейского Союза, что является открытым признаком проектного управления.

Система глобального управления англосаксонской элиты была окончательно сформирована в период расцвета Вестфальской системы миропорядка (1850-1900), который характеризовался снижением силового вмешательства одной страны во внутренние дела другой. Но уже в 1914 г. разразился первый мировой конфликт, который ряд исследователей назвали «самоубийством Европы». Мы утверждаем, что данный конфликт, во-первых, создан искусственным путем, во-вторых, знаменует первый этап практической реализации глобального проекта по трансформации геополитического устройства всего мира в новые формы, в ходе которого англосаксонская цивилизация приступила к начальной фазе «удушения» европейской цивилизации.

На протяжении XX-XXI вв., с целью удушения всех иных цивилизаций, широко использовались проекты культурной политики. Одним из них является политика мультикультурализма, которая была распространена в ряде государств в 1980-х – начале 1990-х гг., прежде всего, с целью включения в культурное поле Европы элементов культур иммигрантов из стран «третьего мира». В результате в Европе наблюдается разрушение культуры, а также многовековых устоев, традиций и ценностей, что ведет к «поглощению» европейской цивилизации. Как продукт интеллектуального импорта из США и Канады мультикультурализм, в основу которого легли идеи культурного плюрализма, транснационализма, а также космополитизма, разработанные в США еще в начале XX в., представляет собой мощный инструмент культурной политики, вынесенной на внешнеполитический контур. Принцип мультикультурной политики заключается в известном со времен Великой Французской революции принципе – «нет нации места в нации» [67]. Этот же принцип используется в концепции транснационализма. Суть всех концепций заключается в создании единого взаимозависимого мира по образу «мировой деревни» [20].

Следует признать, что Россия не предлагает проекты культурной политики, которые способны конкурировать с проектами англосаксонской цивилизации во внешнеполитическом контуре. Данная проблема требует скорейшего решения. Здесь мы предлагаем обратить внимание на замечание члена Президиума общественного совета при Министерстве культуры РФ Е.В.Севастьянова, который отмечает следующее: «Не хватает раздела о международной роли российской культуры. Не только в так называемом “Русском мире”, но в глобальном плане. И здесь стоит отметить, что “Содержание

современной ГК» нельзя сводить только к задачам «воспитания и просвещения граждан», но шире – к формированию национального культурного образа» [68].

Отдельного внимания заслуживает тезис руководителя Института наследия В.В.Аристархова о том, что «на мировой арене культурная (цивилизационная) идентичность имеет не меньшее значение, нежели экономические показатели и военная мощь» и что «борьба за культурный суверенитет не должна сводиться лишь к сохранению нашего культурного наследия, речь должна идти о мировой культурной экспансии России как хранителя традиционных ценностей» [69].

В продолжение этой мысли мы предлагаем дополнить, что культурная экспансия России должна отличаться от экспансии англосаксонской цивилизации, которая рассматривает культуру как инструмент подавления иных цивилизаций [70]. В российском научном сообществе распространено мнение, что «на характер культурной политики заметное влияние оказывает стремление прямого переноса модели западной культурной политики» [71]. Действительно, довольно долгий период Россия была ориентирована на образцы и ценности западных стран. Однако, опираясь только на идеи собственного устройства, при этом не выдвигая идеи планетарного масштаба, способные оказывать мировое влияние, Россия вряд ли сможет удержать культурный и политический суверенитет в условиях глобализации, которая направлена на всеобъемлющую интеграцию, а также унификацию всех сфер социальной жизни людей.

На наш взгляд, культурная экспансия России как хранителя традиционных ценностей должна осуществляться посредством распространения таких идеалов и ценностей, которые поспособствуют развитию толерантности между всеми народами под эгидой «развитие каждого в интересах развития всех». Это позволит не только сохранить свои позиции в условиях меняющегося мирового порядка, но и активно участвовать в формировании нового, более справедливого и устойчивого мирового порядка, основанного на взаимопонимании и уважении к многообразию человеческой культуры.

С точки зрения эволюции планетарной цивилизации, глобализация должна быть направлена на вытеснение всех признаков архаики, включая ложь, убийства, насилие и др. В этих целях мы предлагаем разработать фундаментальную теорию культуры, которая поможет поднять человечество на качественно новую ступень развития и преодолеть кризис духовного развития. Цивилизационное содержание может отражать широкий спектр религиозных, политических, а также экономических, социальных и других аспектов развития общества. Но именно культура является основой формирования и развития цивилизации. По сути, предлагаемая нами теория опирается на 10 заповедей. Идея заключается в том, что цивилизованным миром может считаться только такой мир, в котором нет войн, поскольку, в идеале, догма «человек разумный» должна быть связана с постижением высшей ценности жизни каждого человека. Это подразумевает пересмотр цивилизационного содержания всего человечества, претендующего на высшую ступень в эволюции жизни и отличие его от животных. И, в первую очередь, это потребует переосмысления системы международных отношений и геополитических координат, принятых как «правила имперской игры» в погоне за мировым господством.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина на расширенном заседании президиума Совета по культуре и искусству, г.Псков, 3 февраля 2014 г.

[2] Основы государственной культурной политики: утв. указом Президента Российской Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52, ч. 1. Ст. 775.

[3] Директор Института наследия Владимир Аристархов: «Культурный суверенитет означает наш самостоятельный выбор, что считать лучшим». 17.02.2023. Институт Наследия.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 15.10.2024).

[5] *Харыбин, А. Н.* Влияние глобализации на суверенитет государства // *Политика и Общество*. – 2021. – № 4. – С. 38-43. DOI: 10.7256/2454-0684.2021.4.33439. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33439.

- [6] *Фурсов, А. И.* Рукотворный кризис. – URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-culture/104053-andrey-fursov-rukotvornyyu-krizis.html> (дата обращения: 15.10.2024).
- [7] *Марзоева, А. В.* Совершенствование культурной политики России в условиях глобализации. Часть 1. – DOI 10.34685/HI.2024.78.53.013. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 10-16.
- [8] The "Analyticon" monthly journal is published by "Public Agenda" NGO (Yerevan) and Stepanakert Press Club. – URL: <https://theanalyticon.com/ru/> (дата обращения: 15.10.2024).
- [9] *Бурунов, А. А.* Киссинджер о перспективах мирового порядка в XXI в. // Журнал международного права и международных отношений. – 2020. – № 1-2 (92-93). – С. 59-64.
- [10] *Киссинджер, Г.* Мировой порядок. — Москва : АСТ, 2015. — 512 с.
- [11] *Алексеевко, О. В.* Вестернизация как одна из тенденций развития современного мирового пространства // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2009. – № 4. – С. 65–69.
- [12] *Ермаханова, С. А.* Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. – Новосибирск, 2005. – Разд. 2. – С. 233-247.
- [13] *Толстухина, А. Ю.* Современная внешняя политика Великобритании в отношении Содружества наций (цели, задачи, основные направления): дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2015. – 207 с.
- [14] *Massimiliano Badino, Pietro Daniel Omodeo.* Cultural Hegemony in a Scientific World. Gramscian Concepts for the History of Science // Brill, 2021 – Political Science. – 426 p.
- [15] *Bourne, R.* The Radical Will: Selected Writings 1911-1918. – New York : Urizen Books, Inc, 1977.
- [16] *Joseph S. Nye, Jr. and Robert O. Keohane.* Transnational Relations and World Politics // International Organization, Vol. 25, No. 3, (Summer, 1971), pp. 329-349.
- [17] *Робертс, А.; Кингсбери, Б.* Организация Объединённых Наций, разделённый мир: роли ООН в международных отношениях : 2-е изд.). – Оксфордский ун-т, 1994.
- [18] *Горбунова, Н. Е.* Европейский Союз как политическая интеграционная модель: теория и практика / ВАК РФ 23.00.02, 2005. – С. 204.
- [19] *Короткий, Г. А.* Мультикультурализм как социокультурная парадигма эпохи глобализации: дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2012. – 183 с.
- [20] *Корытина, М. А.* Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2016. Т. 16, вып. 4. – С. 381-387.
- [21] *Nye, J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1990 - 307 p.
- [22] *Василенко, Е. В.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства. – Текст: электронный // Перспективы. – 2016. – № 1(5). – С. 67-79. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-kak-instrument-myagkoy-sily-gosudarstva> (дата обращения: 15.10.2024).
- [23] URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000119581_rus (дата обращения: 15.10.2024).
- [24] *Галиев, Р. С., Алимов, А. А.* К вопросу о соотношении понятий «международное сообщество» и «мировое сообщество» (Часть 1) // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – С. 191-195.
- [25] *Калинин, А. С.* Общество потребления как предмет социально-философского исследования: дис. ... канд. филос. наук. – Кострома, 2009. – 164 с.
- [26] *Wallerstein, I.* World-Systems Analysis // Social Theory Today. – Stanford, 1987.
- [27] *Мишель Бачелет.* Глобальная гражданственность: новая важная сила // Хроника ООН; Global Citizenship Commission, "The Universal Declaration of Human Rights in the 21st century: a living document in a changing word", Report (New York and Cambridge, UK, NYU Global Institute for Advanced Study and Open Book Publishers, 2016). – URL: <http://gias.nyu.edu/2016/04/release-global-citizenship-commission-report/> (дата обращения: 15.10.2024).
- [28] *Сорокин, П. А.* Американская сексуальная революция. – Москва, 2006.
- [29] *Robert O. Keohane & Joseph S. Nye Jr.* Power and interdependence / Pages 158-165 | Published online: 03 Mar 2008, Cite this article <https://doi.org/10.1080/00396337308441409> (дата обращения: 15.10.2024).
- [30] *Теллиц, К. Т.* Все для всех. Массовая культура и современный человек // Человек: образ и сущность. – Москва : ИНИОН РАН, 2000.
- [31] *Хохлышева, О. О.* Всеобъемлющая безопасность и ее международно-правовое обеспечение в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского – 2012. – № 3(1). – С. 323-331.

- [32] *Возжеников, А. В.* Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. — Москва : РАГС при Президенте России, 2005. — С. 504. — 56 с.
- [33] *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций. — Москва : АСТ, 2003. — 603 с.
- [34] *Фукуяма, Ф.* Конец истории и последний человек / [пер. с англ. М. Б. Левина]. — Москва : АСТ, 2015. — 259 с.
- [35] *Шалагин, А.Е.* Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — № 3. — С. 138.
- [36] *Гузикова, М. О.* Ценности против суверенитета: государство в «мировом сообществе» // Научный диалог. — 2013. — № 1(13). — С. 93-109.
- [37] *Francis Fukuyama.* (2007-04-03). The history at the end of history. The Guardian. Retrieved 2008-06-18. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2007/apr/03/thehistoryattheendofhist> (дата обращения: 15.10.2024).
- [38] *Марзоева, А. В.* Совершенствование культурной политики России в условиях глобализации. Часть 2. — DOI 10.34685/НІ.2024.48.45.027. — Текст: электронный // Культурологический журнал. — 2024. — № 3. — С. 10-17. — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/661.html&j_id=61 (дата обращения: 15.10.2024)..
- [39] *Туронок, С. Г.* Политический анализ и прогнозирование: учебник для вузов. — Москва : Юрайт, 2023. — 291 с.
- [40] Политические изменения в глобальном мире: проблемы теории и методологии : Науч монография / отв. ред. И. С. Семененко. — Москва : ИМЭМО РАН, 2014. — 218 с.
- [41] *Востряков, Л. Е.* Государственная культурная политика современной России: региональное измерение. — Москва, 2007.
- [42] *Марзоева, А. В.* Актуальные вопросы культурологии суверенных государств в условиях глобализации. — Текст: электронный // Научный аспект. — 2024. — № 8. — URL: <https://na-journal.ru/8-2024-kultura-iskusstvo/14651-aktualnye-voprosy-kulturologii-suverennyh-gosudarstv-v-usloviyah-globalizacii> (дата обращения: 15.10.2024).
- [43] *Бэкон, Ф.* Сочинения : в 2 т. — Москва : Мысль, 1978. — Т. 2. — 575 с.
- [44] *Саямов, Ю. Н.* Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. — 2018. — № 3. — С. 95-105.
- [45] *Валлерстайн, И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. — Москва : Тов-во науч. изданий КМК, 2008. — 176 с.
- [46] *Wallerstein, I.* The Politics of the World-Economy: The states, the movements and the civilizations. Essays. — Cambridge — Paris, 1984.
- [47] *Малюк, А. Н.* Концепт глобализации в мир-системном анализе / Социологический альманах. — 2017. — № 8. — С. 90-100.
- [48] *Кортунов, С. В.* Кризис системы международной безопасности. // Вестник аналитики. — 2008. — № 2. — С. 96-113.
- [49] *Гоббс, Т.* Левиафан. — Москва : Мысль, 2001. — 243 с.
- [50] *Сачко, Г. В.* Евразия в мировой политике: ретроспективный и перспективный дискурсы // Вестник Челябинского государственного университета. — 2005. — № 1. — С. 6-15.
- [51] Геополитика -- Текст: электронный // Отечественные записки. — 2002. — № 3(4). — URL: <https://strana-oz.ru/2002/3/geopolitika> (дата обращения: 15.10.2024).
- [52] *Гусейнов, А. А.* Об Александре Зиновьеве и его социологии // На пути к сверхобществу. — Москва : Центрполиграф, 2000. — С. 3-21.
- [53] *Шишков, В. В.* Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. // Век глобализации. — 2014. — № 1. — С. 133–146.
- [54] *David E. Omissi.* Air Power and Colonial Control: The Royal Air Force, 1919-1939. — 1990. — С. 8.
- [55] *Высокова, В.В.* Британская империя: становление, эволюция, распад / В.В. Высокова, Е.Ю. Чемякин, К.А. Маркушина / под ред. В.В. Высоковой. — Екатеринбург : Волот, 2010. — 188 с.
- [56] *Гончаров, В. В., Жилин, С. М.* Особенности использования в Российской Федерации зарубежного опыта формирования и функционирования института президента // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 23. — С. 18-22.
- [57] *Печуров, С. Л.* «Расовые» фантазии англосаксов // Независимое военное обозрение : [интернет версия]. — 21.03.2014 : — URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2014-03-21/12_anglosax.html (дата обращения: 15.10.2024).

- [58] Anerson, S. Race and Rapprochement. Anglo-Saxonism and Anglo-American Relations, 1895–1904. Rutherford. Madison. Teaneck. Fairlea: Dickinson University Press; London and Toronto: Associated University Press, 1981.
- [59] Путин назвал Россию отдельной цивилизацией // Интерфакс. 17.05 2020 Interfax : [сайт]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/709039> (дата обращения: 15.10.2024).
- [60] Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности / [пер.: Т. И. Грингольц, М. Р. Вирозуб] – Москва : ПЕР СЭ, 2008. – С. 528.
- [61] Миллер, Джей Дэвид. «Экологическая эстетика и экологическая справедливость в личном повествовании Джонатана Эдвардса и журнале Джона Вулмана». Ранняя американская литература. 58 (1): 71–96. DOI : 10.1353/eal.2023.0005.
- [62] Роули, Мэтью С. (2021). «Реверс-инжиниринг Завета: Моисей, Массачусетский залив и строительство города на холме». Журнал Библии и ее восприятие. 8(2): 209–227. DOI : 10.1515/jbr-2021-0012.
- [63] “Christian Charity”, A Sacred American Text Author(s): Jerome McGann Source: Textual Cultures , Vol. 12, No. 1 (Spring 2019), pp. 27-52 Published by: Indiana University Press; Society for Textual Scholarship Stable.
- [64] Deborah L. Madsen. American Exceptionalism. Univ. Press of Mississippi, 1998 – History – 186 p.
- [65] Корюшкин, А. И. Фрэнсис Либер – первый профессор политологии // Политэкс. – 2010,– Т. 6, № 3. – С. 5-18.
- [66] Васильев, В. С. Эволюция концепции американской исключительности и роль США в мировом порядке. – Текст: электронный // Перспективы. – 2016. – № 4. – С. 56-70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kontseptsii-amerikanskoj-isklyuchitelnosti-i-rol-ssha-v-mirovom-poryadke/viewer> (дата обращения: 15.10.2024).
- [67] Куропятник, А. И. Мультикультурализм: Идеология и политика социальной стабильности полиэтничных обществ. – 2000. – С. 56.
- [68] Замечания к проекту Основ государственной культурной политики. – URL: <https://culture.gov.ru/documents/project-document-public-discussions-1205140> (дата обращения: 15.10.2024).
- [69] Аристархов, В. В. Основы «Основ». О смыслах государственной культурной политики. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 1-21.
- [70] Культурная экспансия: расширение культурного влияния и его влияние на мировую сцену // Научные Статьи.Ру – портал для студентов и аспирантов. – URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/kulturnaya-ekspansiya/> (дата обращения: 15.10.2024).
- [71] Востряков, Л. Е. Культурная политика: основные концепции и модели // Экология культуры : Информ. бюллетень. – Архангельск, 2004. – № 1. – С. 79-108.

IMPROVING THE CULTURAL POLICY OF RUSSIA UNDER GLOBALIZATION

Part 3. Globalization as a construct of the global governance system

Marzoeva Anzhelika Vladislavovna

Post-graduate student,
Russian State Social University (Moscow)

Abstract. *In this article, the protection of state sovereignty and civilizational identity are highlighted as key goals of the Strategy of State Cultural Policy, which is an integral part of the National Security Strategy of Russia. It is proposed to improve the state cultural policy in the context of globalization through the analysis and assessment of geopolitical changes in the international space, including forecasting, goal-setting and planning by actors in the global governance system. The study substantiates the need to elevate the state cultural policy of Russia to a component of the political sphere, which will make it possible to turn it into an intellectual weapon for the protection of sovereignty, opening channels for the expansion of the historical experience of the development of Russian civilization and cultural patterns of activity in the international space. The research is based on the inductive method of knowledge of the English philosopher F. Bacon, which allows us to discover patterns between various phenomena based on facts and empirical data.*

Key words: *culture, cultural policy, globalization, cultural sovereignty, national security, state policy, geopolitics.*

Ссылка на статью:

Марзоева, А. В. Совершенствование культурной политики России в условиях глобализации. Часть 3. Глобализация как конструкт системы глобального управления. – DOI 10.34685/HI.2024.96.55.005. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 23-35. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/671.html&j_id=62.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
НЕДВИЖИМОГО МАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ**

DOI 10.34685/NI.2024.61.33.007

Соловьев Андрей Петрович
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник Отдела нематериального наследия
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: andrey476_85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается законодательная база в основе государственной культурной политики в сфере сохранения и использования недвижимого материального культурного наследия в России. Подчеркивается значимость совместных усилий государства и общества в решении проблем, связанных с охраной и освоением культурного наследия, и приводятся примеры успешных практик в этой сфере. Одновременно отмечаются наиболее острые проблемы, связанные с сохранением объектов культурного наследия, которые, по мнению автора, необходимо решать в самое ближайшее время. В этой связи особенно актуальным становится вопрос о мерах поддержки граждан, компаний, общественных объединений, которые готовы вкладывать свой труд, время и средства в восстановление объектов культурного наследия.

Ключевые слова: государственная культурная политика, нормативная база в области культуры, недвижимое материальное культурное наследие, государственная охрана памятников, сохранение и использование объектов культурного наследия, инвесторы, Министерство культуры РФ, Россия.

Как известно, 8 мая 2024 г. Президент Российской Федерации Путин В.В. подписал Указ №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [1]. В данном документе указывается, что в условиях роста международной напряженности и кризиса национальной идентичности, в основе которого лежат уничтожение исторической памяти, реабилитация и воскрешение неокOLONIALИЗМА, неоимпериализма и неонацизма, российское общество и государство сталкиваются с целым рядом явлений, несущих в себе риски и угрозы, к числу которых относятся, в том числе:

- попытки деформации исторической памяти и искажения исторической правды;
- использование коллективным Западом фальсификации истории в качестве оружия в информационной войне, направленной на разрушение целостности российского общества и государства.

В этой связи особую значимость приобретает деятельность, направленная на сохранение и использование объектов культурного наследия в Российской Федерации, а именно, на получение и распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти. Напомним, незадолго до подписания данного Указа, в феврале 2024 г. Президент Российской Федерации в послании Федеральному собранию поручил создать долгосрочную программу сохранения объектов культурного наследия России, где попросил Правительство Российской Федерации, парламентариев, профильные комиссии Госсовета с участием общественности проанализировать нормативную базу в сфере охраны и использования объектов культурного наследия. «Надо устранить явно избыточные,

противоречивые требования, из-за которых памятник порой разрушается на глазах, а формально, по закону, оперативно принять меры по его спасению невозможно. Предлагаю сформировать долгосрочную программу сохранения объектов культурного наследия России. Рассчитываю, что мы принимаем ее на 20 лет», – сказал Путин В.В. [2] Согласно данной программе, к 2030 г. планируется по всей России привести в порядок не менее тысячи объектов культурного наследия. Заметим, что в России в 2024 г. насчитывается более 155 000 объектов культурного наследия, включая и новые территории, и состояние 30 000 оценивается как неудовлетворительное.

Важно, что в данной программе будет, наконец, рассмотрен вопрос о мерах поддержки гражданам, компаний, общественных объединений, которые готовы вкладывать свой труд, время и средства в восстановление объектов культурного наследия. И уже в 2024 г. в Забайкальском крае, Новгородской, Рязанской, Смоленской и Тверской областях дан старт пилотному проекту по сохранению объектов культурного наследия, который осуществляет Институт развития «ДОМ.РФ».

Рассмотрим проблемы, связанные с сохранением объектов культурного наследия, которые, на наш взгляд, серьезные и их необходимо решать в самое ближайшее время. Так, согласно отчету Счетной Палаты Российской Федерации [3], мероприятия федерального проекта по сохранению объектов культурного наследия реализуются недостаточно эффективно, по фактам выявленных на ряде объектов нарушений законодательства во время проводимых работ будет направлено обращение в Генпрокуратуру РФ. По результатам проверки объектов в Калужской, Саратовской и Ульяновской областях мероприятия федерального проекта «Сохранение культурного и исторического наследия» пока реализуются недостаточно эффективно. Так, в 2022–2023 годах выделенные по проекту бюджетные ассигнования были использованы не в полном объеме, а достижение результатов было обеспечено для учета корректировок плановых показателей.

В ходе выездных исследований по объектам реставрации было выявлено изменение количества и недостатков, в том числе: отсутствие разрешений на реставрационные работы, ненадлежащая организация авторского и технического надзора, приемка работ, несоответствие научно-проектной документации, несоблюдение сроки выполнения работ, оплата невыполненных работ.

По данным Счетной палаты России, перенос сроков реставрационных работ в условиях роста цен на строительные ресурсы может привести к дополнительным расходам бюджетной системы. При этом учитываются ресурсы на поддержание деятельности учреждений культуры, которые ранее размещались в восстанавливаемых объектах, в том числе на счет выпадающих доходов из-за невозможности оказания услуг в прежних объемах. Также существует проблема неиспользованию бюджетных средств для реставрации и сохранения объектов культурного наследия. Так, Министерством культуры Саратовской области в 2021 г. не были использованы средства в размере 290,7 млн. руб., а в Калужской области в 2023 г. не удалось распределить 205 млн. руб. казенных средств. На это стоит обратить внимание.

Нормы законодательства, которые работают последние 15-20 лет, необходимо менять и совершенствовать. При этом, есть очень тонкая грань между тем, чтобы упростить процесс сохранения памятников истории и культуры и чтобы им не навредить. Так, в настоящее время рассматривается законопроект о выделении понятия «текущее содержание памятников», где предлагается работы по содержанию объектов культурного наследия, такие как пожарная сигнализация, охранные системы, покос травы, побелка, покраска, не касающиеся предмета охраны объекта культурного наследия, проводить без участия лицензированных организаций, в уведомительном порядке, что ускорит процесс.

Стоит отметить, что с 1 сентября 2024 г. вступили в силу послабления в отношении памятников Великой Отечественной войне. Теперь покрасить мемориал, заменить покосившуюся плитку и другие работы можно без оформления разрешительной документации и проектно-сметной документации. Сокращение срока оформления разрешительных документов позволяет уйти от этих процедур и перейти непосредственно к работам, что также существенно экономит средства, которые идут непосредственно на реставрацию памятника, а не на документы.

С учетом вышесказанного, в настоящее время начались работы по созданию региональных программ сохранения и использования объектов культурного наследия. Так, в Краснодарском крае уже ведется такая работа с учетом того, что край лидирует среди регионов по количеству и разнообразию объектов культурного наследия. В настоящее время в крае активно ведутся строительные работы, но при этом сохранение объектов историко-культурного наследия остается одной из первостепенных задач. Если памятники находятся в частной собственности, то ответственность по их содержанию ложится на правообладателя, но необходимо следить, чтобы правила соблюдались. Требования должны быть едины для всех. Для этого и разрабатывается программа по сохранению и восстановлению памятников в исторических поселениях.

На территории Краснодарского края расположено около 15 тысяч памятников археологии и 1,5 тысячи памятников, посвященных защитникам Отечества. Более 1300 памятников архитектуры – за последние два года отреставрировали 77 из них, работы продолжаются еще на 84 памятниках. В настоящее время государственная охрана охватывает около 20 тысяч памятников, относящихся к различным историческим периодам – от раннего палеолита до второй половины 20 века. За последние два года более 350 объектов были признаны охраняемыми.

Приоритетным направлением развития региона является сохранение объектов культурного наследия в их исторической среде путем установления границ территорий, зон охраны и предметов охраны. Эта задача поставлена перед регионами Президентом России.

Благодаря поддержке губернатора и руководства края значительно возросло финансирование мероприятий по государственной охране объектов культурного наследия Краснодарского края. По результатам комплексных историко-культурных исследований, которые проводятся как за счет средств краевого бюджета, так и за счет средств иных заинтересованных лиц, разработана проектная документация и утверждены границы территорий 388 объектов культурного наследия, зоны охраны 264 объектов культурного наследия, предметы охраны 236 объектов культурного наследия, расположенных в г. Краснодаре. Это работа также важна для выполнения стоящей перед регионом задачи создания «Национальной системы пространственных данных» и наполнения Единого государственного реестра недвижимости. Важно, чтобы информация об объектах культурного наследия была открыта и общедоступна, это защитит памятники от разрушения.

С учетом такой насыщенности памятниками истории и культуры с февраля 1990 г. город Краснодар был включен в список исторических населенных мест совместным постановлением Министерства культуры РСФСР, Госстроя РСФСР и Центрального комитета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Стоит отметить, что в июне 2024 г. ДОМ.РФ, Министерство культуры Российской Федерации и Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) договорились о работе над сохранением и восстановлением объектов культурного наследия. Они, в частности, разрабатывают меры по реставрации объектов культурного наследия, находящихся в неудовлетворительном состоянии, а также обеспечить их использование в соответствии с требованиями. Для этого они обещают обратить внимание на механизмы включения финансовых вложений.

Сейчас в России множество памятников истории, градостроительства, архитектуры, искусства и религии, которые относятся к объектам культурного наследия. Преимущественно они расположены в Санкт-Петербурге, Москве, Костромской, Московской Владимирской и Нижегородской области, Дагестане. Также работают несколько механизмов передачи объекта инвесторам: льготная аренда сроком на 49 лет, государственно-частное партнерство, передача в безвозмездное пользование и льготная приватизация. Кроме того, есть преференции в пользовании объектов культурного наследия: объекты, находящиеся в федеральной собственности, освобождены от налога на имущество, а от земельного налога освобождены участки, занятые историко-культурными заповедниками. Нулевая ставка НДС устанавливается для объектов культурного наследия, которые используются как гостиницы.

Нужно обсуждать, есть ли возможность освободить от налога на имущество и налога на землю те памятники, которые были бесхозными, но инвесторы готовы вовлечь их в экономической оборот.

Государство от этого только выиграет. Также важно говорить о льготах для других форм использования, не только для коммерческих. Это может быть и частное использование, когда на собственника ложатся определенные обязательства. Например, раз в месяц собственник будет открывать усадьбу туристам, также он возьмет на себя обязательства поддерживать это здание в хорошем состоянии. Почему бы не стимулировать владельца с помощью освобождения от налога на имущество, налога на землю?

По нашему мнению, работать с объектами культурного наследия надо как со свободными экономическими зонами. Было бы целесообразным рассмотреть для инвесторов формат «одного окна» для связи с различными ведомствами.

Поддерживая предпринимателей, инвестирующих в реставрацию зданий, стоит учитывать не только исторические усадьбы, но и постройки в исторических центрах городов. На региональном уровне нужно освобождать бизнесменов от уплаты налога на имущество, создавать единые центры компетенции, предоставлять льготное подключение к электросетям, а на федеральном – запустить программу льготного кредитования.

Сейчас наблюдается большой запрос и интерес со стороны предпринимательского сообщества в восстановлении и развитии объектов культурного наследия. Автором проанализированы программы и меры поддержки Минкультуры России, Минэкономразвития России, а также ДОМ.РФ и Корпорации МСП. Выяснилось, что есть избыточные требования к проведению работ по сохранению таких объектов, этапы согласования документации в различных ведомствах как на федеральном, так и на региональном уровнях имеют длительные сроки, а существующие меры поддержки носят ограниченный характер. В связи с этим необходимо объединить усилия нескольких ведомств и предпринимательского сообщества.

В этой связи автор данной статьи предлагает рассмотреть предложения общероссийской общественной организации «Опоры России», Комиссии и Федеральной рабочей группы «ОПОРЫ РОССИИ» по развитию бизнеса, сохраняющего историко-архитектурное наследие.

1. Необходимо, чтобы был введен в действие пункт 3 статьи 14 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в соответствии с которым собственник объекта культурного наследия федерального значения, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия, либо лицо, пользующееся им на основании договора безвозмездного пользования и производящее за счет собственных средств работы по его сохранению, имеет право на компенсацию произведенных им затрат.

Данная компенсация произведенных затрат на сегодняшний день не осуществляется. Действие указанного положения несколько раз приостанавливалось (последний раз – до 01.01.2019 г.). Основанием такого приостановления являлся тот факт, что общий объем расходов в очередном финансовом году и плановом периоде недостаточен для финансового обеспечения установленных законодательством РФ расходных обязательств. Таким образом, на сегодняшний день положение действующее, однако порядок выплаты компенсации Правительством РФ до сих пор не утвержден.

Положение о компенсациях могло бы сегодня успешно реализовываться с обсуждаемой программой льготных кредитов для проведения работ по сохранению объектов культурного наследия. Кроме того, реализация данного пункта 3 статьи 14 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» важна не только для бизнеса, но и для других групп населения.

Такая поддержка государства будет стимулом к качественному проведению работ со стороны собственников: зная о реальной возможности получить компенсацию в случае соблюдения всех положений закона, собственники будут стараться проводить все добросовестно, а государство путем предоставления таких компенсаций и иных преференций продемонстрирует солидарную ответственность за сохранение культурного наследия России.

2. Предоставить льготу по налогу на прибыль организаций (НДФЛ, в случае если ИП находится на общей системе налогообложения; а также УСН, в случае ее применения) при инвестиции части прибыли в реставрацию объекта культурного наследия.

В ранее действовавшей Инструкции Государственной налоговой службы Российской Федерации от 10 августа 1995 г. № 37 «О порядке исчисления и уплаты в бюджет налога на прибыль предприятий и организаций» предусматривалось положение, мотивирующее бизнес инвестировать средства в основной капитал за счет не включения в налогооблагаемую базу стоимости средств, предусмотренных на капитальные вложения по развитию производственной и непроизводственной базы.

По аналогии с указанным положением, предлагаем внести в Налоговый Кодекс РФ изменения в части предоставления дополнительных преференций по налогу на прибыль организаций (НДФЛ, в случае если ИП находится на общей системе налогообложения; а также УСН, в случае ее применения) при инвестиции части прибыли в реставрацию объекта культурного наследия:

- Предлагаем дополнить пункт 2 ст. 286.1 НК РФ подпунктом 10 следующего содержания: «100 процентов стоимости расходов, направленных налогоплательщиком на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия федерального, регионального и местного значения».

- Для индивидуальных предпринимателей, применяющих основную систему налогообложения, предлагаем рассмотреть возможность введения инвестиционного налогового вычета по аналогии с налогом на прибыль в части предоставления его по расходам, направленным налогоплательщиком на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия федерального, регионального и местного значения.

- Для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, предлагаем рассмотреть возможность введения льготы, предусматривающей исключение из налоговой базы по УСН сумм расходов, направленных на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия федерального, регионального и местного значения.

Предложения, направленные на расселение и передачу инвесторам объектов культурного наследия, а также выявленных объектов культурного наследия и исторически ценных градоформирующих объектов, являющихся многоквартирными жилыми домами и признанных аварийными (с непригодными для проживания жилыми помещениями).

В России насчитывается около 12,8 тыс. объектов культурного наследия, являющихся многоквартирными жилыми домами [4]. Из них существенная часть являются аварийными, зачастую безлюдными и руинированными после пожаров, но юридически они годами не расселяются, что в конечном итоге приводит к их утрате. Эти здания формируют исторический архитектурный облик российских городов. С учетом того, что перечень поручений по реализации Послания Президента России Федеральному Собранию направлен на привлечение частных инвестиций в сектор сохранения культурного наследия, а также разрабатывается программа льготных кредитов для проведения работ по сохранению объектов культурного наследия, мероприятия по оптимизации процедур вовлечения объектов культурного наследия в хозяйственный оборот и т.д., данные объекты могут именно для реализации таких мер сформировать рынок исторической недвижимости, тем более что многие из них расположены в центре городов, на «красных линиях».

Необходимо разработать и принять изменения в федеральном законодательстве, чтобы расселить такие объекты и передать частным инвесторам для восстановления и включения в городскую экономику, в результате чего регионы и муниципалитеты получают доходы от продажи, аренды и налогов, а бизнес будет вовлечен в сферу развития историко-архитектурной среды.

По результатам анализа нормативной базы, регулирующей данное направление, выявлены следующие проблемы, которые предлагаются к их решению:

1) На сегодняшний день федеральный проект «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» национального проекта «Жильё и городская среда» (срок реализации – с 01.10.2018 до 31.12.2024 гг.) включает основной показатель: количество квадратных метров расселенного непригодного для проживания жилищного фонда (нарастающим итогом с 2018 г.) в 2024 году – 9966,9 тыс. кв. м.

Между тем, по данным Росстата, аварийный жилищный фонд на 2017 год [5] составил – 13512 тыс. кв. м [6]. То есть, не все аварийные здания подпадают под данный федеральный проект. На практике это приводит к тому, что именно объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия и исторически ценные градоформирующие объекты в него не включаются и годами не расселяются, либо подпадают под программы комплексного развития территорий и расселяются на счет девелоперов, что влечет зачастую городские конфликты.

Решение предлагается в формирующемся новом федеральном проекте:

- обеспечить возможность расселения многоквартирных домов (объекты культурного наследия, исторически ценные градоформирующие объекты) за счет федерального проекта, а под программы комплексного развития территорий и девелоперские проекты оставить дома, не имеющие статуса, более простые в расселении;

- обеспечить соответствие показателя количества квадратных метров расселенного непригодного для проживания жилищного фонда фактическим объемам аварийного жилищного фонда;

- предусмотреть показатель: «количество квадратных метров расселенного непригодного для проживания жилищного фонда многоквартирных домов (объекты культурного наследия, исторически ценные градоформирующие объекты), подлежащих реконструкции».

2) В рамках расселения формируется региональная адресная программа по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, которая должна содержать, в частности, перечень многоквартирных домов, признанных до 1 января 2017 года в установленном порядке аварийными и подлежащими сносу или реконструкции в связи с физическим износом в процессе их эксплуатации.

Региональная адресная программа по переселению граждан из аварийного жилищного фонда утверждается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (ст. 16 федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» от 21.07.2007 № 185-ФЗ).

Однако данная региональная адресная программа не содержит информации о признаке реконструкции объекта, в связи с чем отсутствует источник информации для будущего инвестора, который мог бы тем или иным объектом заинтересоваться и впоследствии приобрести.

Решение предлагается следующее: актуализировать региональные адресные программы с целью появления информации о ценности объектов, сроках расселения для того, чтобы сформировать инвестиционный каталог многоквартирных домов (объекты культурного наследия, исторически ценные градоформирующие объекты) для будущих инвесторов. Это направление может быть выстроено и в электронном виде, в том числе путем нанесения информации о них в возможной федеральной инвестиционной карте объектов культурного наследия, исторических ценных градоформирующих объектов.

3) В соответствии с федеральным законом «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» от 21.07.2007 № 185-ФЗ в качестве условия предоставления финансовой поддержки Фонда ЖКХ на переселение граждан из аварийного жилищного фонда установлено только целевое использование земельных участков под расселенными аварийными домами. Однако отсутствует условие о целевом использовании домов, которые подлежат сохранению.

Предлагается решение:

- предусмотреть в федеральном законе «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» от 21.07.2007 № 185-ФЗ в качестве условия предоставления финансовой поддержки Фонда ЖКХ на переселение граждан из аварийного жилищного фонда также и «обязательства субъекта о передаче данного объекта под общественные нужды»;

- аналогичные обязательства субъекта предусмотреть и в формирующемся новом федеральном проекте.

Предложения, направленные на обеспечение проведения капитального ремонта многоквартирных домов (объекты культурного наследия, исторически ценные градоформирующие объекты), не признанных аварийными (с пригодными для проживания жилыми помещениями).

Как известно, Москва, Санкт-Петербург, Калининградская область, Нижегородская область капитально ремонтирует памятники. Но в этих регионах на капитальный ремонт таких домов выделяется субсидия из регионального бюджета. В тех же регионах, которые не могут позволить себе региональные субсидии на указанные цели, капитальный ремонт домов-памятников не реализуется (за редким исключением). Необходимо системное решение, определяющее источники финансирования. Промедление в этом вопросе чревато массовым разрушением домов-памятников в ближайшие годы.

В настоящее время взносы граждан на содержание многоквартирных жилых домов-памятников вне зависимости от их культурной ценности одинаковые. Ни состояние самого здания, ни его историко-культурная ценность, ни богатство фасада не учитываются. Эта ситуация приводит к тому, что ремонт многоквартирного дома, являющегося объектом культурного наследия, даже поставленного в очередь на капитальный ремонт, например, фасада, кровли, коммуникаций, переносится на неопределённый срок, поскольку за собранные с жильцов взносы на капитальный ремонт многоквартирных домов проще отремонтировать три обычных дома, чем объект культурного наследия.

Предложения к рассмотрению:

1. Установить на законодательном уровне процент от собранных с жильцов взносов на капитальный ремонт многоквартирных домов, который должен выделяться исключительно на дома-памятники с запрещением использовать эти взносы на иные здания.

2. Рассмотреть возможность применить дифференцированный подход к размеру взносов граждан и юридических лиц на содержание многоквартирных жилых домов в зависимости от их статуса, исходя из того, что гражданам и юридическим лицам, которые владеют жилыми, нежилыми помещениями в многоквартирных жилых домах, являющихся памятниками, необходимо их содержать.

При этом также рассмотреть возможность внедрения встречных государственных мер поддержки граждан и юридических лиц, обеспечивающих содержание многоквартирных жилых домов-памятников.

3. Рассмотреть возможность создания специализированных организаций или специализированных подразделений в структуре Фондов капитального ремонта для капитального ремонта домов-памятников, где будут работать аттестованные и лицензированные специалисты.

С учетом вышесказанного, можно сделать вывод, что в настоящее время государство совместно с общественностью усилило комплексную работу по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия в России и надо сказать, это важнейшая работа, ведь в сегодняшнее время без сохранения нашего культурного наследия невозможно сохранить единство нации, воспитать истинного гражданина и патриота своей страны, сформировать чувство уважения к обычаям других народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 22.10.2024).

[2] Путин поручил сформировать долгосрочную программу сохранения объектов культурного наследия // ТАСС : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/kultura/20117121> (дата обращения: 22.10.2024).

[3] Счетная палата выявила нарушения на объектах культурного наследия в трех регионах // Интерфакс : [сайт]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/984982> (дата обращения: 22.10.2024).

[4] О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Жилищный кодекс Российской Федерации // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1180448-7?ysclid=lw9acgotie210310653> (дата обращения: 22.10.2024).

[5] Приводятся данные за 2017 год, т.к. федеральный проект «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» учитывает здания, которые были признаны аварийными именно до 2017 года.

[6] Росстат. Жилищное хозяйство в России. 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Jil_hoz_2022.pdf (дата обращения: 22.10.2024).

INTERACTION BETWEEN THE STATE AND SOCIETY IN THE PRESERVATION AND USE OF INTANGIBLE TANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA

Soloviev Andrey Petrovich

PhD in Pedagogy, Senior Researcher,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article examines the legislative framework underlying the state cultural policy in the field of preservation and use of intangible material cultural heritage in Russia. The importance of joint efforts of the state and society in solving problems related to the protection and development of cultural heritage is emphasized, and examples of successful practices in this area are given. At the same time, the most pressing problems related to the preservation of cultural heritage sites are noted, which, in the author's opinion, need to be addressed in the very near future. In this regard, the issue of measures to support citizens, companies, public associations who are ready to invest their labor, time and money in the restoration of cultural heritage sites becomes especially relevant.*

Key words: *State cultural policy, regulatory framework in the field of culture, intangible material cultural heritage, State protection of monuments, preservation and use of cultural heritage sites, investors, Ministry of Culture of the Russian Federation, Russia.*

© Соловьев А.П., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.10.2024.

Ссылка на статью:

Соловьев, А. П. Взаимодействие государства и общества в деле сохранения и использования недвижимого материального культурного наследия в России – DOI 10.34685/ИИ.2024.61.33.007. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 36-43. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/672.html&j_id=62.

ОБРАЗ РОССИИ В РЕКЛАМНОЙ ПРОДУКЦИИ КОМПАНИИ «ЗИНГЕР И КО»
ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

DOI 10.34685/ИИ.2024.36.35.004

Лескинен Мария Войттовна
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва)
Email: marles70@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены визуальные формы рекламы компании «Зингер и Ко» в Российской империи (1900-е – 1914 гг.) в контексте истории формирования образов и представлений о русскости (национальный и исторический костюм, феминная персонификация России). Впервые осуществлено выявление различных образов с логотипами «Зингер», не принадлежащих художнику В.А. Табурину, хотя часто приписываемых ему. На основании сравнения различных видов рекламной продукции (плакаты, постеры, открытки) с главной рекламной афишей, выполненной Табуриным, реконструированы основные особенности репрезентации национального в этих изображениях. Приводится аргументация гипотезы о том, что в женских образах рекламы Зингера был представлен аллегорический образ России, выполненный на основе сложившихся в культуре визуальных стереотипов.

Ключевые слова: компания «Зингер и Ко», Российская империя, В.А. Табурин, феминные персонификации России, русскость.

Продукция американской компании по производству швейных машин «Зингер и Ко» (“Singer company”) основана в 1851 г. под названием Мануфактурной компании «Зингер») продавалась на российском рынке с 1870-х гг., представительские конторы в крупнейших городах Империи были учреждены в 1895 г., а акционерное общество компании — с 1901 г. (фабрика в Подольске начала работать с 1902 г.) [1. С. 283–286]. Не будем углубляться в вопросы истории т.н. «малых форм рекламы» (этикетки, открытки, бланки, вкладыши, календари и пр.) и маркетинговой стратегии, благодаря которой «Зингеру» удалось завоевать европейский, азиатский и российский рынки; отметим только, что одним из применявшихся ею приемов было активное использование этнических/национальных костюмных образов, с которыми должен был ассоциировать себя потенциальный потребитель.

Программа рекламной части бизнеса предполагала тиражирование изображений «типов» народов разных государств (как женщин, так и мужчин), отдельных регионов одной страны, представителей рас и племен разных континентов в сюжете «освоения швейной машины». Эти образы тиражировались в изданиях разных видов: постерах, газетных и журнальных объявлениях, открытках, плакатах и пр. В 1892–1894 гг. была издана большая серия рекламных открыток, которая демонстрировалась на Всемирной художественно-промышленной выставке в Чикаго (1893). Это были не национальные, а именно этнические типы. Например, Испанию представляли шесть пар в костюмах разных регионов страны, некоторые из которых подписывались (в частности, Валенсия и Севилья), а другие нет. Рисунки сопровождался кратким текстом с «этнографическим» описанием, претендуя, таким образом, и на просветительскую функцию. Среди них были изображения нескольких народов Российской империи, но принцип этого выбора не очень понятен — это лопари (саамы), татары, типы Грузии (Илл. 1) и Туркестана, однако образов восточных славян («отраслей») триединого русского народа)

Илл. 1. Рекламная открытка «Зингер» с изображением типов Грузии. 1894.
Фото с сайта: <https://moyarozobka.livejournal.com/460810.html>

среди них не было [2].

В Российской империи «Зингер» также умело применял указанную рекламную стратегию, используя собирательные костюмные образы различных социальных, региональных и этнических групп [3]. Рисунки и фотографии российских этнографических типов, однако, известны главным образом по большим рекламным постерам «Зингера» и т.н. «календарям-стенкам», на которых изображались, как правило, семейные и соседские группы или же размещались около 80 образов представителей различных этнических или региональных общностей (за машинками) с подписями. Среди них были и те, которые представляли женщин и девушек в различных крестьянских (чаще праздничных) костюмах великороссийских и малороссийских губерний.

Илл. 2. В.А. Табурина. Реклама «Зингер» для России, с подписью художника В.А. Табурина, 1902. РНБ.

Главный (и, вероятно, первый, с логотипом) рекламный плакат был выполнен в 1902 г. по заказу компании российским художником В. А. Табуриным (1864–1919), который к этому времени был известен как иллюстратор ряда художественных произведений и коммерчески успешный штатный художник популярного журнала «Нива». На плакате, презентующем продукцию «Зингера» для потребителей из Российской империи, латинская «S» была заменена на русскую «З» и стилизована под стандартизированный и хорошо известный логотип (Илл. 2).

На плакате изображена девушка (просматривается лента в косе), одетая которой можно идентифицировать как типичный для центральных и северных великорусских губерний женский крестьянский костюм т.н. сарафанного комплекса. Он был характерен для северного, центрального, отчасти южно-великорусского регионов и для русских Сибири; его также отличали вариации формы и фасона сарафанов и других компонентов костюма [4. С. 4]. Основными элементами «сарафанного комплекса» являлись: сарафан, рубаха, передник или нагрудная одежда (душегрея, шугай, епанча, безрукавка), а также пояс и кокошник или девичья повязка (коруна и пр.) [5. С. 39–40]. Поверх сарафана надевалась епанечка или

душегрея — короткая с рукавами или без из плотной ткани, праздничная шилась из бархата или парчи, которая собиралась в мелкие складки и скреплялась позументом, лентой или кружевом [6. С. 597; 7. С. 153]. Такой костюм сформировался довольно поздно под влиянием ряда заимствований. Но начиная с XVIII в. именно сарафанный (то есть вторичный по происхождению, а не первоначальный понёвный) комплекс начинает представляться в качестве характерно русской женской одежды, провозглашаясь исследователями, описателями и зная основой национального русского костюма. Подчеркнем, что из всех региональных (довольно многочисленных) разновидностей великорусского сарафанного комплекса в качестве образца для женского национального «русского костюма» еще в первой половине XIX в. был избран тот набор комплекта (рубаха/сорочка — сарафан — кокошник), который бытовал прежде всего у великорусов Севера и центрально-великорусских губерний [8. С. 331–332]. Важно отметить, что два из важнейших с точки зрения обережных/магических функций элемента женского одеяния — передник и пояс [9. С. 551–552], — в качестве русских национальных элементов восприняты не были.

На рисунке Табурина этот великорусский костюм имеет особенности. Во-первых, конструктивные: лямки сарафана довольно широкие, а у рубахи (не белой с вышивкой, какими часто они были в праздничном женском наряде) рукава не пышные, а узкие и вплоть до запястья. Во-вторых, цветовая гамма: сарафан синий с золотым позументом по подолу и посередине, а рубаха голубая, с накладными манжетами (по современной терминологии), вышитыми золотой нитью. Обращают на себя внимание богатый, украшенный жемчугом голубой кокошник с поднизью поверх короткого белого убруса, полностью закрывающий лоб, и несколько рядов красных и жемчужных бус на груди. Вот как описывает девушку с рекламного плаката Т.А. Лебедева: «...синеглазая красавица, облаченная в синий бархат и голубой шелк, в расшитом золотом сарафане и украшенном крупным жемчугом кокошнике, с семью нитками белого и розового жемчуга на шее, демонстрирует швейную машину “Зингер”. Разумеется, русские крестьянки, покупавшие зингеровские машины за шесть рублей с рассрочкой платежа на два года, одевались не так...» [10. С. 16] Другие исследователи уверены, что изображены «боярские исторические одежды»: «Компания “Зингер” <...> неоднократно использовала при рекламе своей продукции образы девушек в исторических костюмах, которые можно условно обозначить как

«боярские»» [11. С. 403]. Специалисты по истории русского плаката, отмечая особенности репрезентации национального в женских рекламных образах, отзываются об этой рекламе Табурина и так: «... царевна осваивает швейную машинку “Зингер”, — художник красочно увеличил торговую марку известной немецкой (ошибка авторов. — М.Л.) фирмы <...> Соединение в одном образе элементов прошлого и настоящего дает такой важный для рекламы эффект интриги, неожиданности, эпатажа» [12. С. 6]. Здесь, как и в других случаях подобных интерпретаций, остается непонятным: что дает основание рассматривать девушку в русском крестьянском костюме как «боярыню» или «царевну»?

Анализ визуальных репрезентаций России и ее стереотипных воплощений в женской ипостаси дает основание с высокой долей уверенности предполагать, что девушка в русском костюме на официальном логотипе «Зингер» для российского рынка — это олицетворение России в целом [13. Разд. 3]. Рассмотрим эту гипотезу.

Илл. 3. Магази́нная вывеска компании «Зингер», 1900-е гг.

Илл. 4. Русский девичий костюм из собрания Н.Л. Шабельской, Архангельская губерния.

Источник: Collection Shabelskaya. Une Russie Fin de Siècle (Paris, 2010).

Никто из исследователей не обратил специального внимания на вариации главного плаката с логотипом, относящиеся к 1900-м — 1910-м гг. Между тем, образы девушек и костюмы на них несколько отличны от того рисунка, который однозначно считается табуриным и на котором присутствует подпись художника. Неизвестно, кто был автором других плакатов; их часто ошибочно также приписывают Табурину. Как бы то ни было, все эти варианты, насколько можно судить по сохранившейся документации на швейные машинки, а также музейным экспонатам зингеровских афиш и постеров (которых сохранилось довольно много), были в ходу в качестве рекламной продукции фирмы в России.

На черно-белом постере (Илл. 3) для «магазинной вывески» (как указано на подписи), с использованием только одного — красного — цвета для фона буквы «З» (первая буква названия «S» всегда изображалась красным цветом на логотипах «Зингер», Табурин выполнил по этому образцу «З»), одеяние девушки имеет отличия от первого. Все они касаются верхней части — прежде всего кокошника (или девичьей повязки). Он ближе к цилиндрической форме, закрывает уши, без поднизи, нет очевидного украшения жемчугами. Такая форма девичьей повязки/кокошника (кика, головка) долгое время сохранялась в праздничном / свадебном женском наряде Тверской и северо-русских губерний (например, Архангельской, Псковской, Новгородской) — что можно видеть на костюмных фотографиях 1890-х — 1900-х гг. из известного частного собрания Н.Л. Шабельской [14. S. 20]. (Илл. 4). Иначе выполнен и ворот рубахи: он стоячий и украшен вышивкой. Не вполне понятно, какой вид одежды на девушке — сарафан или платье. Вероятно, именно это позволяет исследователям говорить здесь о боярском «платье», хотя ничего общего с ним, кроме разве что дорогой ткани (шелк или парча обозначена на рисунке блеском), нет.

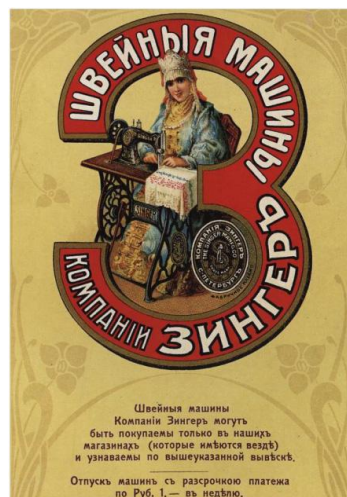

Илл. 5. Русский девичий костюм из собрания Н.Л. Шабельской, Новгородская губерния.

Источник: Collection Shabelskaya. Une Russie Fin de Siècle (Paris, 2010).

Илл. 6. Утвержденная магази́нная вывеска компании «Зингер», 1900-е гг. С такой подписью она присутствует на печатной рекламной продукции фирмы.

Илл. 7. Рекламная листовка Акционерного общества «Зингер и Ко», 1900-е гг.

Источник: Глинтерни Э.М. Реклама в России XVIII — первой половине XX века: опыт историко-рекламных очерков (СПб., 2007).

Головные уборы на девушках с двух плакатов различны, но они в определенной мере соответствуют реальным региональным вариациям кокошника [15; 5]. А вот основной наряд — условный. Кроме сарафана и рубахи или платья, нет красивых шугаев или епанечек [16. С. 376–377, 81], как на аутентичных женских великорусских нарядах из коллекции, например Шабельской (Илл. 5). При этом сарафаны явно не повседневные, а праздничные.

Внешний вид девушек за машинкой с магазинной вывески (Илл. 6) и с рекламной листовки (Илл. 7) отличается от предыдущих прежде всего тем, что на них вовсе не один сарафан, а два одеяния. Одежда других цветов, в то время как форма кокошника (цилиндрическая) во многом совпадает с той, что на черно-белой вывеске Иллюстрации 3. Убрус полностью закрывает шею. На девушке поверх богатого (вероятно, парчового, судя по блеску) сарафана золотого цвета, голубая, довольно длинная, но без меховой оторочки шубка. Либо это странная смесь летника и верхнего платья (с характерными для него присборенными рукавами, которые в историческом летнике имели иную форму).

Часто приводящаяся в публикациях, посвященных деятельности фирмы «Зингер» в России, фотография К.К. Буллы, на которой сидящая за машинкой женщина (не девушка) в «русском костюме», считающаяся моделью для рисунка Табурина, таковой являться не может (Илл. 8). Во-первых, она сделана позже рекламы (серия фотографий Буллы главной конторы «Зингера» на Невском относится к середине 1900-х гг., что отмечено в фонде ЦГАКФФД Санкт-Петербурга, где она хранится [18]). Во-вторых, легко убедиться, что одежда и особенно кокошник (трехчастный) на даме другие. Костюм на фотографии также не походит на сарафанный комплекс, но схож с одеяниями девушек с вывески (Илл. 6) и листовки (Илл. 7) из парчовой блестящей светлой ткани. Форма кокошника с поднизью и украшениями ближе к варианту Табурина, но не идентична ему. Вероятнее всего, дама на фотографии воспроизводила образ с рекламного плаката, а не наоборот. Но можно согласиться, что такой наряд, действительно, в определенной мере напоминает боярские женские костюмы XVI – XVII вв., но не аутентичные, а условные, стилизованные под них и хорошо известные благодаря театральным костюмам из популярных исторических постановок (драм и опер) конца XIX – XX вв.

Илл. 8. Женщина в русском национальном костюме за швейной машинкой компании «Зингер» - снимок для рекламы компании. Фотография ателье Буллы (до 1914 г.) фото с сайта: <https://spbarchives.ru/>

Рекламный плакат «Зингер». 1902. РНБ.

Илл. 9. Витрина магазина Акционерного общества «Зингер и К». Санкт-Петербург, Загородный проспект, 10. Фрагмент фото 1906 г.

Источник: Collection Shabelskaya: Une Russie Fin de Siècle (Paris, 2010)

Наконец, еще один, похожий на предыдущие, но не совпадающий с ними плакат «Зингера» — на рекламном постере. Именно он, а не бесспорно табуриноский вариант размещался в витринах (Илл. 9) на так называемых «календарных стенках премиях» (Илл. 10) — как, например, у одного из магазинов в Санкт-Петербурге.

На вариантах (Илл. 10-11) вновь девушки, притом внешне не очень похожие друг на друга. Они сидят за машинкой в скромной белой рубахе с пышными рукавами и в голубом сарафане, украшенном золотого цвета позументами посередине и по подолу. Эта одежда ближе всего к начальному варианту логотипа, однако ее детали гораздо более напоминают традиционно-крестьянский костюм. На голове кокошник (девичья высокая повязка) золотого цвета (форма отличается от всех предыдущих), также с жемчужной поднизью на длинном белом убрусе. На шее две нитки красных бус.

Илл. 10. Рекламный постер компании «Зингер», представленный в витрине магазина в Санкт-Петербурге на Загородном проспекте, 10.

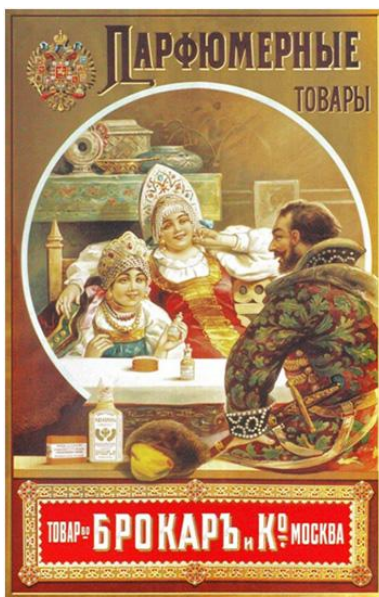

Илл. 11. Реклама «Зингер» в России. 1900-е гг. Названа Табуриной на сайте Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Фото с сайта: <https://www.old.spbmuseum.ru>

Таким образом, обнаруженные вариации минимум двух строго определенных в качестве официальных рекламных образов компании, которые проходили процедуру утверждения и которые должны были являться неповторимыми и узнаваемыми, имели в России хождение в нескольких видах. Девушки на плакатах представлены в костюмном комплексе, в целом характерном для северо-русских губерний, однако этнографически они не точны — видимо, художник (либо художники-копиисты) не усматривали принципиального различия в сарафанном комплексе повседневном и праздничном, легко относились к замене сарафана платьем, а также не обращали внимания на соответствие головных

уборов региональным разновидностям девичьих повязок и тем более не ставили задачей использовать аутентичные образцы, довольствуясь набором привычных атрибутов, задачей которых была узнаваемость русского облика. Авторы более руководствовались клишированными образами, сложившимися в визуальных образах массовой культуры. Либо просто использовали понравившиеся им элементы. Однако важно, что даже в таком условном виде девушка у швейной машины представляет Россию, будучи одетой в костюм с явной отсылкой к великорусскому сарафанному комплексу.

Илл. 12. Парфюмерные товары Товарищества «Брокер и Ко». Москва., 1899 г.

Источник: Гринтерник Э.М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века: опыт иллюстрированных очерков (СПб., 2007)

Еще на одном рекламном плакате «Зингер» (или открытке с него) представлен другой тип русской костюмной образности, особенно популярный в российской рекламе начала XX в. — выполненный в т.н. «русском стиле» [20], примером которого может служить известный плакат парфюмерной фирмы «Брокер». (Илл. 12)

В полном соответствии со стереотипами декоративно-театрального и сказочно-фольклорного воплощения псевдоисторической русскости в графических жанрах той эпохи изображена «боярская семья» XVII века: отец, дочь, ее брат или жених (Илл. 13). Они в условных интерьерах боярского терема с расписными стенами и характерной формой оконных проемов. Молодой боярин сидит на чем-то напоминающем диван. На мужчинах богатая праздничная боярская одежда, но при этом они без головных уборов, прически и бороды также претендуют на «историчность», хотя поза молодого боярина (он сидит нога на ногу), конечно, делает эту сценку маскарадной и даже пародийной. Девушка строчит на машинке, на ней белая одежда (рубаша и сарафан) и голубой с жемчужной поднизью кокошник на убрусе. Она одета как на табурином плакате. Это позволяет предположить, что, быть может, одеяние, придуманное художником в качестве репрезентирующего национально-русское, является все же (или считалось им) «боярским», историческим, — хотя и не соответствует ему напрямую. Впрочем, неясно, было ли различие значимым для иностранного зрителя, воспринимавшего эти образы, без сомнения как русские. Подпись в левом нижнем углу «Russia»

означает, что открытка создавалась именно «на экспорт», — т. е. в ряду других национальных визуальных репрезентаций покупателей машинок.

Илл. 13. Рекламная открытка «Зингер». 1914.

На другой открытке также представлена типичная для визуальных реклам «Зингера» композиция (как уже говорилось, аналогичные рисунки создавались для рекламных открыток фирмы, распространявшихся в разных странах). Здесь изображена работающая за машинкой мать, окруженная детьми. (Илл. 14)

Открытка имеет в виде подписи поговорку* — можно было предположить, что она принадлежит рекламной (в двух частях) серии «Русские поговорки в лицах», созданной тем же В.А. Табуриным в 1905–1907 гг. по специальному заказу «Зингера». Всего известно 18 открыток; однако в существующем

перечне такого рисунка и подписи нет. Стилистика изображения тоже отличается от табуриновской. Характерно, однако, что «мать» одета в белую рубашу и сарафан, которые даже можно было бы счесть повседневными, если бы не богато украшенный камнями кокошник довольно театрального вида и крупные жемчужные бусы в несколько рядов. Девочки также в рубашках и сарафанах, с такими же бусами на шее, только с непокрытыми головками и с лентами в косах. На мальчике справа головной убор, который является стилизованной мужской боярской шапкой (или мурмолкой) с меховой оторочкой — это выбивается из костюмно-этнографического комплекса рисунка, апеллируя не к крестьянскому, а к «боярскому» историческому костюму.

Можно ли рассматривать этот образ русской «матери» как аллегория «России-Матушки»? Вероятно, да. Во всяком случае апелляция к подобной риторике в 1910-х гг. уже была органичной для компании, получившей статус Поставщика Двора Его Императорского Величества. В заказанном «Зингером» для издательства И.Д. Сытина специальном календаре «Семья» (первый — на 1914 год) в предисловии, где описывалась задача «календаря нового типа», упоминалась «Матушка Россия». Компания, как говорилось в тексте,

Илл. 14. «Труд наш и рвение — наше имяние». Рекламная открытка компании «Зингер», 1910-е гг.

на протяжении нескольких десятков лет работала именно ради благосостояния русской/российской семьи. Всякая семья (а крестьянская в особенности), — декларировалось спонсорами номера, — это часть, единица государства, а «совокупность их составляет единую великую семью «Матушку Россию» [21. С. 1]. Согласно концепции компании, ее «тесная связь» с «Матушкой Россией» объяснялась именно тем, что «нет такого уголка в России», где бы не слышали о машинках Зингера. Однако для обложки этого номера художник не стал использовать обобщенный образ русской семьи, разделив его на три рисунка, каждый из которых представлял определенную социальную группу; хотя все они репрезентируют именно те из них, которые принято было соотносить с «народом» (мещане, крестьяне, рабочие/фабричные). (Илл. 15)

Илл. 15. Обложка календаря издательства Сытина «Семья» на 1914 год. Издание профинансировано компанией «Зингер» в 1913 г.

Обратимся к рассмотрению еще одного рекламного изображения. Это музейный экспонат с названием «плакат-реклама», находящийся в собрании Подольского краеведческого музея**. Поскольку на плакате есть знак Поставщика Двора Его Императорского величества, его

следует датировать не ранее 1906 г., когда «Зингер» получил это звание. Описание его таково: «Композиционно разделен на четыре части горизонтальной полосой светло-коричневого цвета с текстом белыми буквами в две строки: «Вся Россия шьет на швейных машинах Компании Зингеръ» и вертикально расположенными крупными изображениями: знаком «Поставщики Двора Его Императорского Величества...» <...> В поле плаката в овалах, прямоугольниках и 1/4 овалов размещены сюжетные картинки с изображением людей разных национальностей Российской Империи в народных костюмах, работающих за швейной машиной компании «Зингеръ». Всего на плакате 51 фотография представителей различных этнических, сословных и региональных групп с соответствующими подписями; они изображены поодиночке, в парах (мужчина и женщина) или же в группах. В левой части в верхнем ряду расположены 12 картинок: «москвичка в боярском наряде, латыши, москвичка в народном наряде, великорусская семья, литовцы, великоросска...». Обратим внимание на разнообразие великорусских (русских) типов: две москвички (в боярском и народном нарядах), великорусская семья и «великоросска». Интересно, что их облик отличается от еще одной представительницы великорусов с зингеровской стенки-премии с таблицей умножения (1904), на которой в группу собравшихся включены красочные костюмные образы малорусов, однако за машинкой сидит крестьянская великорусская девушка в скромном псарафане [17. С. 199].

В экспозиции казахстанского краеведческого музея г.Уральска сохранился и другой аналогичный, но не идентичный плакат «Зингера», на котором помещены не рисунки, а фотографии с изображением представителей различных народов и региональных типов Российской империи в этнических (не только крестьянских) и народных костюмах [22]. (Илл. 16) Сравнение рисунков этих женских великороссийских типов и костюмов с других реклам, в том числе с образами с логотипом, показывает, что из всех персонажей на табуринскую девушку более всего походит первая, с подписью «москвичка в боярском наряде». На другом изображении — «москвички в народном наряде» — гораздо более скромный, небольшой кокошник (довольно условной формы). А на рисунке «москвички в боярском наряде» на девушке, в отличие от табуринского костюма, сверху надета отороченная мехом безрукавка. «Великоросска» с плаката представлена в одежде крестьянки одной из великорусских губерний (ее головной убор напоминает рязанскую кичу).

Илл. 16. «Вся Россия шьет на швейных машинах компании Зингеръ». Рекламный плакат. Краеведческий музей г.Уральска (Республика Казахстан).

Фото с сайта: <http://birzha.kz>

Таким образом, если судить по имеющимся вариациям и атрибциям различных костюмов, использовавшихся в качестве рекламных изображений, табуринский персонаж ближе всего к «москвичке-боярыне» или «боярышне» (в группе слева вверху). Определение «московский» в данном случае означает не город или губернию, а исторический период допетровского этапа русской истории (Московское царство XVI–XVII в., от правления Ивана Грозного до провозглашения России Империей при Петре Великом). То есть именно «исторический» (или представлявшийся таковым автору рекламы) костюм был избран для репрезентации России как государства в ее женской ипостаси.

Илл. 17. Экспонаты выставки АО «Зингер». Санкт-Петербург, Невский проспект, 28. Фото 1905 г.

Источник: Collection Shabelskaya: Une Russie Fin de Siècle (Paris, 2010)

Конечно, аутентичность как этнических типов, так и костюмов под вопросом — мы не знаем их происхождения, авторства, выбора и т.п. Известно, в 1910-х гг. комплекты таких зингеровских костюмов находились в самом помещении компании на Невском проспекте. Некоторые предлагались в качестве образца современной одежды в модном тогда русском стиле, другие просто демонстрировали народные костюмы, которые можно было сшить и вышить при помощи швейной машины. Больше, видимо, было женских нарядов — об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве фотографии манекенов на первом этаже, в демонстрационном зале [18]. (Илл. 17)

Представленные на фотографии манекены одеты в типичные женские костюмы разных сословий и общностей Российской империи, однако большая их часть относится к горожанам и великорусскому населению. Два детских одеяния на манекенах в первом ряду

принадлежат оленеводческим народам Севера (в архиве фотографий, сделанных в 1900-е гг. ателье Буллы, эта одежда называется «национальным костюмом северных народов» [18. № Д 4779]). Крайняя справа во втором ряду — «модель белорусского костюма» [18. № Д 4785], слева от него — «модель подвенечного платья» [18. № Д 4782]. Еще два костюма — модель «бального платья со шляпой» в первом ряду справа [18. № Д 4781] и модель «дамского платья с вышивкой в платке» [18. № Д 4778]. Остальные семь именно русские в широком смысле — и крестьянские, и городские, и дамские. В центре на первом плане, как видим, «боярский» вариант исторической стилизации женского наряда, более всего напоминающий одежду табуриной девушки. Намеком на то, что именно он был связан с аллегорическим воплощением России, является деталь нижней части сарафана, в углу позумента: это важный и обязательный атрибут феминной персонификации России в державной ипостаси [13. Разд. 2] — двуглавый орел.

Недавно в интернете на одном из аукционных сайтов был опубликован карандашный рисунок В.А. Табурина с его подписью, который атрибутируется как аллегория России и датируется также 1900-ми гг. На нем, однако, Россия необыкновенно далека от облика «счастливой русской обладательницы швейной машинки» — она действительно больше похожа на царевну из иллюстраций к русским народным и пушкинским сказкам того времени и выполнена в стилистике модерна [23]. (Илл. 18) Платье России по моде начала XX в. облегает стройную фигуру, явно облаченную в корсет, и лишь украшения и позументы призваны напомнить о богатстве ткани одеяния, отнюдь не похожего на сарафан. На плечи — как мантию — небрежно накинута шубка с меховым воротником, отделка которой напоминает мужские боярские шубы, хотя, быть может, это стилизованный опашень. Лишь высокий кокошник с поднизью, похожий на изображенный в рекламе, позволяет «узнать» в ней нечто боярское псевдорусское. Впрочем, в этом облике трудно искать аутентичные приметы: он походит на стилизованные образы России с рекламных плакатов 1900-х гг., на которых утонченные дамы позируют то ли в маскарадных, то ли в театральных русских костюмах. Однако главный атрибут, несомненно, роднит оба табуриных образа: это кокошник-повязка и богатство украшенных золотым позументом деталей наряда.

Илл. 18. В.А. Табурин. Россия. Фото с сайта: <https://www.litfund.ru/auction>

Выводы. Таким образом, можно констатировать, что, во-первых, в своей визуальной рекламе для Российской империи «Зингер» использовал уже опробованную успешную стратегию репрезентации

этнорегиональных типов в характерных костюмах; во-вторых, для главной афиши с логотипом был утвержден образ, воплощенный российским художником В.А. Табуриным, который однозначно ассоциировался с русскостью/великорусскостью. Но сравнение с другими рекламными изображениями великорусок показывает, что интерпретация табуринской девушки из-за особенностей костюма могла быть двоякой: и как «боярышни» в типичном «московском» одеянии допетровской времени, и как северно-русской крестьянки в праздничном традиционном наряде. Нет источников, позволяющих точно определить замысел художника, но можно предположить, что в его плакате воплощена персонификация России в целом, которая ассоциирована, с одной стороны, с условно этнографическим северно-великорусским костюмом, а с другой – выполнена в модной стилистике модерна, для которого женские образы в псевдоисторических одеяниях были привычными и популярными в рекламных изображениях [24. С. 58–61].

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Сомнительно, что это пословица русская; скорее всего, это перевод с английского или немецкого (она свидетельствует о представлении об усердном труде как основе благосостояния, что характерно для этики протестантизма).
- ** «Плакат-реклама в форме прямоугольника “Вся Россия шьет на швейных машинках компании Зингер”, наверху надпись: Поставщики двора его императорского величества”. Изд. первая русская багеточная и рамочная фабрика Д.И. Васильева. С.Петербург 1900-е гг. Размер 70x100 см. Цветная печать, картон». Подольский краеведческий музей (учетные номера ПКМ оф 739, АЛП 5). Автор благодарит за ответ на запрос и информацию научного сотрудника Подольского краеведческого музея Наталью Вячеславовну Григораш, которая прислала подробнейшее описание плаката, находящегося в постоянной экспозиции музея. К сожалению, опубликовать фотографию не представляется возможным по техническим причинам. Далее цитаты из ответа Н.В. Григораш.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Potkina, I. V.* The Singer Company in Russia, 1897–1917 // *American Firms in Europe. Strategy, Identity, Perception and Performance (1880–1980)* / ed. by H.Bonin, F. de Goeu. – Geneva, 2009. – P. 283-298.
- [2] *Matrioshka*. Рекламные карточки швейных машин «Зингер» XIX века // Livejournal.com : [сайт] – URL: <https://mojarozochka.livejournal.com/460810.html> (дата обращения: 25.05.2020).
- [3] *Орлова, И.* Рекламная продукция фирмы «Зингер» // *Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования*. – 2004. – № 18. – С. 25-31.
- [4] *Кислуха, Л.Ф.* Народный костюм Русского севера XIX – XX вв. в собрании Государственного Музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». – Москва : Север. Паломник, 2006. – 272 с.
- [5] *Мадлевская, Е. Л.* Женский головной убор кокошник : Из собрания РЭМ. – Москва : Бослен, 2022. – 333 с.
- [6] *Беловинский, Л. В.* Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / под ред. Н. Ерёминной. – Москва : Эксмо, 2007. – 783 с.
- [7] *Курсанова, Р. М.* Портрет неизвестной в синем платье. – Москва : Кучково поле, 2017. – 543 с.
- [8] *Шмелева, М. Н.* Русская одежда // *Русские* : [монография] / кол. авт.; отв. ред.: В.А.Александров [и др.]. – Москва: Наука, 1999. – С. 316-353.
- [9] *Маслова, Г. С.* Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX – нач. XX вв. // *Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX вв.* Т. XXXI / отв. ред.: С.А.Токарев. – Москва : изд-во Акад. наук СССР, 1956. – С. 543-790.
- [10] *Лебедева, Т. А.* Русский плакат: от наивного рисунка до художественного плаката // *Реклама и искусство : Сб. науч. трудов : в 2 т. / под ред. Т.А. Дьяковой.* – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2011. – Т. 2. – С. 7-100.
- [11] *Ростовцев, Е. А., Сосницкий, Д. А.* Русское средневековье в коммерческой рекламе: постановка проблемы и перспективы исследования (вторая половина XIX начало – XXI вв.) // *Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях.* – 2017. – Вып. 7. – С. 398-416.
- [12] *Бабурина, Н., Артамонова, С.* Образ женщины в русском плакате // *Женщины в русском плакате / сост.: А.Скопков, П.Скопков, А.Шклярчук.* – Москва : Контакт-Культура, 2001. – С. 5-12.
- [13] *Лескинен, М. В.* Русское зеркало. Феминные персонификации России XVIII – XX в. – Москва, 2024 (в печати).
- [14] *Collection Shabelskaya: Une Russie Fin de Siècle: Portraits de Femmes en Costume Traditionnel* / ed. by V.Grousman, K.Solovieva, E.Madlevskaia. – Paris: Éditions de la Martinière, 2010. – 127 p.

- [15] Зеленин, Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян : В 2 ч. – Прага : Ceska graficka Unia, 1927.
- [16] Соснина, Н., Шангина, И. Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2006. – 399 с.
- [17] Глинтерник, Э. М. Эволюция российской рекламы в середине XIX – начале XX века // Глинтерник, Э. М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века: опыт иллюстрированных очерков. – Санкт-Петербург : Аврора, 2007. – С. 52-207.
- [18] Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД Санкт-Петербург).
- [19] Государственный музей истории Санкт-Петербурга : [сайт]. – URL: <https://www.old.spbmuseum.ru/funds/368/> (дата обращения: 23.05.2023).
- [20] Лескинен, М. В. Категория «русскости» и ее реализация в визуальных образах массовой культуры в России (1900–1917) // Русская культура на перекрестках истории. Дальний Восток, близкая Россия. Вып. 4. / под общ. ред. В.Гречко, Хе Хён Нам [и др.]. – Белград : Логос, 2021. – С. 26-47.
- [21] Календарь «Семья» на 1914 год. – Москва : Тип. И.Д.Сытина, 1913.
- [22] Много лет тому назад // Информ-биржа // [сайт]. – URL: <http://ibirzha.kz/mnogo-let-tomu-nazad/> (дата обращения: 28.04.2024).
- [23] Табурин, В. А. Россия // Литфонд. Аукционный дом : [сайт]. – URL: <https://www.litfund.ru/auction/62/110/> (дата обращения: 25.09.2023).
- [24] Вашик, К., Бабурин, Н. Искусство русского плаката XX века. Реальность утопии / пер. с нем. К.Левинсон. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 415 с.

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE 'SINGER&CO' ADVERTISING PRODUCTS FOR THE RUSSIAN EMPIRE

Leskinen Maria Voittovna

D. in History; Leader Research fellow,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Abstract: *The article examines the advertising of the American “Singer&Co.” in the Russian Empire (1900s – 1914) and its visual strategy in the context of the formation concepts and images of Russianness (national and historical dress, feminine personification of Russia). The differences of Russian images on Singer’ logos that did not belong to Taburin, were identified for the first time. Based on a comparison of various types of advertising products (posters, postcards, labels, forms, calendars etc.) with the main poster for Russian consumers made by artist Vladimir A. Taburin, the main features of the national representation feminine images are reconstructed. The argument is given for the hypothesis that an allegorical image of Russia was presented in the Singer’s female images, and it was based on visual stereotypes of Russianness.*

Key words: *Singer&Co., Russian Empire, Vladimir A. Taburin, feminine personifications of Russia, national representations.*

© Лескинен М.В., текст, ил., 2024
Статья поступила в редакцию 10.10.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Лескинен, М. В. Образ России в рекламной продукции компании «Зингер и Ко» для Российской империи. – DOI 10.34685/ИИ.2024.36.35.004. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 44-53. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/673.html&j_id=62.

**ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ
В СИСТЕМЕ ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В РУССКОЙ АРМИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

DOI 10.34685/ИИ.2024.47.10.009

Яндиев Беслан Магомедович

адъюнкт кафедры истории
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации (Москва)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению военно-профессионального воспитания нижних чинов и офицеров как составной части воинского воспитания в русской армии первой половины XIX в. Подчеркивается, что оно представляло собой достаточно сложный и противоречивый процесс, который находился в зависимости от принципов боевой подготовки русской армии и ее тактики на поле боя, обеспечивался существовавшим на тот момент войсковым режимом и взглядами императоров Александра I и Николая I. В статье сформулирован вывод, что русская армия исследуемого периода представляла собой грозную силу несмотря на то, что вектор военно-профессионального воспитания, с точки зрения современных представлений, был выбран неверный. В армии первой половины XIX в., вобравшей в себя вековой опыт боевых побед и повседневной военной службы мирного времени, служили профессионалы военного дела.*

Ключевые слова: *русская армия, профессионализм, воинское воспитание, взгляды императоров, офицеры, нижние чины, воинские уставы, принципы, войсковой режим.*

Военно-профессиональное воспитание как составная часть воинского воспитания нижних чинов, офицеров и генералов в первой половине XIX в. представляло собой *достаточно сложный и противоречивый процесс*. С одной стороны, оно находилось в зависимости от принципов боевой подготовки русской армии и ее тактики на поле боя. С другой стороны, направленность военно-профессионального воспитания определялась взглядами императоров Александра I и Николая I, их сподвижниками. И в-третьих, оно было обеспечено существовавшим на тот момент войсковым режимом. Рассмотрим практику военно-профессионального воспитания и ее взаимосвязь с выше обозначенными условиями.

В первой половине XIX в. тактическое устройство русской армии и связанные с ним обучение и воспитание войск определялись существующими на тот момент воинскими уставами. Это, прежде всего, петровский Воинский устав 1716 г. и павловский устав 1796 г. «Уставом 1716 г., – пишет Н.П. Михневич, – были заложены в нашей армии незыблемые основы ее воспитания [1, с. 3-4]. Действительно, в уставе были определены и регламентированы все стороны воинской службы, в том числе, устройство армии, военные должности и должностные обязанности, правила гарнизонной и полевой службы мирного («Экзерциции, приготовление к маршу, звания и должности полковых чинов») и военного времени и собственно пехотный строевой устав. Воинский устав 1716 г. также вместил в себя свод военно-уголовных постановлений, военное судопроизводство и судопроизводство под наименованием «Артикул воинский с краткими толкованием и с процессами» [1, с. 3-4].

Петровский устав 1716 г., по мнению военных ученых начала XX в., являлся самым удачным в течение последовавшего 150-летнего периода развития регулярной русской армии. Он «был проникнут *явным стремлением воспитать армию для войны*, и не заключать ничего в себе лишнего, что не вело бы воспитание армии к этой главной цели» [1, с. 3]. В Воинском уставе были объединены алгоритмы организации всех сторон воинской службы, чего в последующем уже никогда не было. Русская армия жила по петровским уставам практически до середины XIX в., о чем свидетельствует его 15 изданий, последнее из которых состоялось в 1826 г. [1, с. 38].

Петровские уставы стали основой уставного творчества в последующие годы. Однако уже в период царствования Павла I частный почин, частные воинские инструкции были запрещены, а вольное отношение к Уставам стало жестко преследоваться. Воинский устав о полевой пехотной службе 1796 г. [2, №. 17 588], составленный под личным руководством Павла I, в обучении войск мирного времени на первое место выдвигал *строевое совершенство войск*.

Смысл подготовки войск к войне теперь заключался в том, чтобы строй выглядел идеально, чтобы линия фронта была абсолютно прямой, все интервалы и дистанции не изменялись при маневрировании строя. Венцом строевой подготовки был церемониальный марш, недостатки которого были предметом серьезных разбирательств и содержания высочайших приказов.

На уставе сильно отразились прусские порядки времен Фридриха Великого и господствовавшей тогда в Западной Европе линейной тактики ведения боевых действий. Через год после выхода павловского Устава вышла инструкция «Тактические правила или наставление воинским эволюциям» [3], которая была призвана отразить дух павловского устава и в тоже время являлась дополнением к нему. Павел I совершенно искренне считал, что «правильное равнение в движениях длинным развернутым фронтом составляют один из главных залогов успеха на войне» [1, с. 126].

Таким образом, в царствование Павла I, в период непосредственно предшествующий исследуемому, были заложены основы воинского воспитания (обучения), тактики войск, согласно которым к правильным взглядам относились те, которые видели источником боевых успехов «в идеальном исполнении всех тонкостей строя и в обращении войск в живую машину» [4, с. 644]. В результате создавалась воспитательная система, которая приводила «к полному обезличиванию, к шаблону, к подавлению разумной деятельности исполнителей», к требованию «слепого, нерассуждающего повиновения и безусловного исполнения без малейшего нарушения устава...» [4, с. 645]

Тенденции воинского воспитания, заложенные в строевых павловских уставах, продолжали оказывать влияние на военно-профессиональное воспитание в 1801-1804 гг. В 1805 г. русская армия встретилась с новой, наполеоновской тактикой, в результате чего возникла необходимость в совершенствовании уставов и тактических построений. В 1807-1810 гг. вышел труд «Опыт тактики» [5, с. 210-237], изданный по Высочайшему повелению, т.е., отражающий официальные взгляды военной элиты России на тактику боевых действий. Его составитель подполковник Хатов, учтя опыт Аустерлица, Эйлау и Фридрихсбурга, используя идеи, изложенные в труде французского офицера Ж.-А.-И. Гибера, в течение четырех лет издал две части этой книги: «Опыт начальной тактики» и «Опыт высшей тактики» [6].

В книге в положительном ключе обращалось внимание на необходимость тщательной одиночной подготовки солдата, на умение точно стрелять и переходить при необходимости к штыковому бою. Признавая приоритетность линейного боевого порядка, автор, тем не менее, осуждает идею о нормальном боевом порядке, указывает на возможность его изменения в зависимости от обстоятельств боя. От командиров требовалась самостоятельность и инициатива. «...взгляды “Опыта тактики”, – сделал вывод А.К. Баиов, – являлись во многом вполне разумными...» [7, с. 155-156]

На самом высшем уровне российской военной иерархии приходят к выводу о недостаточной эффективности павловских требований к военному искусству и необходимости возвращения к победным традициям XVIII в., в котором ведущие русские полководцы задолго до триумфального шествия наполеоновской армии по Европе осознавали вред парадных принципов подготовки войск к войне, необходимость творческих и самостоятельных решений в бою, а главное, необходимость в процессе боевой подготовки руководствоваться принципом «учить войска тому, что необходимо на войне». И не просто осознавали, но успешно применяли его [8].

Почти все мысли, высказанные в этом сочинении, легли в основу изданных в 1811-1820 гг. строевых уставов: пехотном, кавалерийском и артиллерийском. Новые строевые уставы отличались от предыдущих в лучшую сторону. Помимо перечисленных выше нововведений тактического плана, в них большое внимание было обращено на воспитание. К примеру, воинский устав о пехотной службе (1811-1816) [5] обращал внимание на овладение офицерами педагогическими навыками, умением «толковать каждому ясно, с терпением и без наказания...» [5, с. 248]

В тоже время, как и предыдущие уставы, этот устав имел своим содержанием подготовку войск на учебном плацу путем упражнений в равнениях и крайне сложных строениях. По отзыву современников требования к строевой подготовке при Александре I стали гораздо строже, чем при Павле. Гатчинские принципы подготовки войск к войне, а значит и воспитания, продолжали жить во время царствования Александра I. Все вышеназванные уставы в своей окончательной форме вышли уже после окончания Отечественной войны, а поэтому не оказали существенного влияния на ход подготовки к войне.

После наполеоновских войн в условиях мирного периода развития армии полная регламентация воинской службы, явления муштры и парадомании становятся главными методами военно-профессионального воспитания войск. Вновь созданные в 1811-1820 гг. строевые уставы родов войск не препятствуют такому положению вещей, приоритет в подготовке к войне остается за линейными учениями.

Прогрессивные идеи подготовки войска к войне были выдвинуты на тот момент главнокомандующим армией генерал-фельдмаршалом князем Барклаем де Толли, который в инструкции от 22 февраля 1815 г. о порядке занятий войск в мирное время указывал на необходимость обучения пехоты стрельбе по мишеням.

Продолжением прогрессивных идей подготовки войска к войне стало издание в 1818 г. Правил рассыпного строя [5]. Составители, обращая внимание на необходимость воспитания солдата для действия в рассыпном строю, подчеркивали: «Солдату, привыкшему ходить и действовать в шеренге, надобно внушить, что как скоро он находится в цепи, то должен покинуть всю принужденность, в сомкнутом строю необходимую, не заботиться о верном равнении или принужденном шаге, но делать всякое движение свободно и легко, как ему удобнее будет, и чтоб не заботиться о том, как он идет или стоит, но устремил бы все внимание свое на неприятеля и собственное свое положение» [5, с. 252].

Изданный в 1820 г. по указанию Барклая де Толли устав «Об употреблении стрелков в линейных учениях» [5, с. 290-295] шел против линейной тактики, сторонником которой был Александра I, поэтому все прогрессивные идеи фельдмаршала были нейтрализованы. Практика службы в последние годы правления Александра I на первый план выдвигала линейные учения, которые одни имели успех на высочайших смотрах.

Венцом устремлений, которыми были проникнуты Александровские уставы второй половины его царствования, становится вышедшее в 1825 г. руководство к построению пехотной дивизии в высочайше утвержденные боевые порядки и общие колонны [5]. Это было первой попыткой законами определить точное положение войск перед началом боя.

Законодательно было определено пять видов боевых порядков, которые были обязательными для военачальников и полководцев, тем самым сужалось их пространство для инициативы, что неизбежно отразилось на характере военно-профессионального воспитания. При таких требованиях в рамках первой четверти XIX в. вновь, как и в последние годы правления Павла I, целью военно-профессионального воспитания вновь становилось превращение офицеров и солдат «в машины, способные лишь к однообразному исполнению команд». При этом «никаких знаний, кроме механического знакомства с уставом не требовалось: в командире полка искали только качества “фронтального механика”» [4, с. 644].

Период царствования Николая I – второе рождение линейной тактики. Линейная тактика боя, закреплённая в уставных документах, и определила основной вектор и практику военно-профессионального воспитания в русской армии.

В 1831 г. был издан Воинский устав о пехотной службе, который явился усовершенствованием предыдущего устава 1811 г., главным образом в части, касающейся выполнения строевых приемов [9]. Цели и задачи его были прежними: путем доведения выполнения строевых приемов до автоматизма выработать у солдата и офицера своей принадлежности к общему механизму управления подразделениями в качестве его мелкой детали*. В этом виделся ключ к победе в реальном бою. Например, при движении в атаку инструкции требовали строгого порядка, который заключался в равнении, соблюдении четкости шага, интервалов и дистанций. Считалось, что батальоны, идущие в

ногу под градом пуль и снарядов, должны оказать на противника устрашающий эффект, снизить его сопротивляемость.

В годы Крымской войны выяснилось, что подобная тактика, требующая «стройности движений и совершенно ровных мест» [10, с. 478], оказалась одной из причин неудачного для России исхода войны. Более того, стремление к соблюдению стройности рядов на пересеченной местности приводило к тому, что наша армия несла огромные потери. Сражения при Ольteniцей, Инкерман, Черной стали свидетелями этих печальных событий, ставших результатом линейной нашей тактики [10, с. 478].

Продолжая характеристику военно-профессионального воспитания в русской армии, следует указать, что его направленность, определяемая взглядами императоров Александра I и Николая I и их военных сподвижников, привела к тому, что русская армия в конечном итоге была «обученной и воспитанной в фальшивом направлении» [10, с. 478]. Первопричина этому – различие в понимании сути профессионализма военнослужащего: правильного (прогрессивного), в эпоху правления Петра I и Екатерины II, не правильного (консервативного), в период царствования императоров Александра I и Николая I.

Военный профессионализм в русской армии XVIII в. предполагал умение нижних чинов и офицеров воевать в условиях боевых действий, а в мирное время – их постоянную работу по выработке необходимых в грядущей войне качеств. Созданная Петром I регулярная армия по замыслу кормчего была учреждена для войны, а чтобы побеждать, «надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать» [11].

В рамках эпохи правления Петра и Екатерины осознавалось, что военный профессионал должен, прежде всего, уметь воевать, а отсюда и военно-профессиональное воспитание должно осуществляться в обстановке, приближенной к боевой. Многочисленные победные войны подтверждали правильность этого направления. Русская полевая армия этого времени была воспитана «в духе частного почина, любви к наступлению, где больше всего нужно участие широкой, творческой самодеятельности, живого духа, всех входящих в ее состав...» [12, с. 194].

*Совсем другая обстановка в армии сложилась в первой половине XIX в. За исключением десятилетия наполеоновских войн и постоянно сражающейся на протяжении всего исследуемого периода кавказской армии**, где возобладали описанные выше принципы военно-профессионального воспитания, расквартированная в центральных районах страны русская армия имела, как мы уже отметили, фальшивую направленность военно-профессионального обучения и воспитания. Это выразилось, прежде всего:*

во-первых, в изменении требований к боевой подготовке и к военному профессионализму личного состава. От офицеров и нижних чинов требовалось «исключительно механическое исполнение отдаваемых команд и приказаний» [10, с. 509]. Отсутствие необходимых навыков управления войсками в бою, низкий уровень знания военного дела старших начальников негативно отражался на военно-профессиональном воспитании всего офицерского корпуса. В результате такого руководства умственный и служебный кругозор офицеров в целом был существенно снижен. «Они убили у одной части любовь к военному делу, а другую обратили в отличных фельдфебелей и вахмистров», – дает характеристику николаевских генералов А.М. Зайончковский [10, с. 499];

во-вторых, в подавлении самостоятельности среди командного состава армии и вообще среди офицеров. Сначала аракчеевский режим, а затем и Николай I сделали все возможное, чтобы лишить армию инициативных, самостоятельных и думающих полководцев, о чем свидетельствуют факты Крымской войны;

в-третьих, господствующим формализмом в процессе подготовки к боевым действиям, требовавшим дополнительных и бессмысленных нагрузок на личный состав. От войск требовалась дисциплина, стройность рядов, умение быстро и безошибочно маневрировать в сомкнутом строю. Считалось, что только при правильном выполнении всех этих элементов может быть обеспечена победа в бою. В результате вся боевая подготовка представляла собой натаскивание на проведение перед

проверяющими начальниками показательных маневров, учений, плац-парадов, смотров и т.д. Чтобы достичь совершенства, личный состав нещадно гоняли на пределе человеческих возможностей, забывая о главной цели боевой подготовки – учить тому, что необходимо на войне [13].

Упражнения войск в полевых условиях практически не были организованы, хотя этого требовал устав. Поскольку этот раздел военного дела не подлежал проверке на смотре, то и выполнялся он формально. Ни нижним чинам, ни офицерам полевые занятия были не нужны, поскольку требовали больших и ненужных усилий.

Рассыпной строй, состоящий из застрельщиков и штуцерных, считался делом второстепенным, а поэтому в ходе подготовки войск ему уделяли мало внимания [14].

Стрелковой подготовкой занимались мало. На нее смотрели, как на никому не нужное бремя. На занятиях по стрельбе учителя добивались от учеников, в первую очередь, не точности стрельбы, а умения чисто выполнять приемы заряжания. «После нескольких занятий с унтер-офицером, – записал в своем дневнике современник, – мы с Самариним любопытствовали, умеет ли сам учитель стрелять, и, к удивлению нашему, узнали, что он, до мельчайших подробностей знающий искусство метания ружьем, никогда не стрелял!» [15, с. 49]

От кавалерии государь, будучи отличным наездником, требовал большой маневренности по пересеченной местности, смелых атак на противника, способности на заключительном этапе сражения завершить разгром противника. Однако в отсутствие манежей и другого необходимого материально-технического оборудования практика подготовки кавалериста также не отвечала требованиям. Кавалеристы часто целыми днями маршировали, принимали участие в пеших учениях, упражнялись в оружейных приемах. Артиллерия с аракеевских времен содержалась в хорошем состоянии.

Анализ и сопоставление военно-профессионального воспитания с истинными целями и задачами обучения и воспитания, коими является подготовка военнослужащего к реальной войне, позволяет нам еще раз утверждать, что вся эта подготовка в обозначенный период времени происходила в ложном направлении. И прав Зайончковский, утверждавший, что существовавшая система подготовила к войне офицеров и генералов, большинство из которых «не рисковала самостоятельно шага сделать, не умела ни выбирать позиций, ни двигать войск на полях сражений, ни охранять и разведывать» [10, с. 501].

В условиях даже фальшивого направления воинского воспитания нельзя отрицать, что военно-профессиональное воспитание все же было организовано и позволяло из «человека воспитать «воина-солдата». Эту работу осуществлял войсковой режим – сила, которая осуществляет воспитательное бессознательное воздействие на военнослужащего в течение всей его службы и состоит из элементов, нашедших свое конкретное выражение в воинских уставах исследуемого периода. Мероприятия, проводимые в рамках войскового режима (строевая подготовка, маневры, караульная служба и т.д.), практически всегда одновременно заключали в себе как обучение, так и воинское воспитание. Воспитание и обучение находятся всегда рядом, хотя, по утверждению М. Левитского, это «два резко отличающихся между собою отдела» [16, с. 183]. В современной трактовке обучение и воспитание всегда единый процесс. Обучение военному делу всегда воспитывает, а воинское воспитание всегда присутствует в процессе обучения.

В первой половине XIX в. для реализации задач воинского воспитания на основе войскового режима имелись благоприятные условия. Нижние чины, а равно большая часть офицерского состава в этот период служили в регулярных войсках значительное количество лет (от 15 и более). За этот длительный период любой рекрут рано или поздно благодаря функционировавшему в русской армии войсковому режиму становился военным профессионалом. Начиная с петровских времен молодые рекруты – крестьяне, далекие от воинской службы, попадали в обстановку войскового режима. Военный быт, окружающая среда постепенно, в течение установленных уставом длительных сроков службы, воспитывала вчерашнего крестьянина в воинском духе, делали из него солдата. И все это в условиях минимизации целенаправленных словесных воздействий командиров, без предусмотренных специальных воспитательных органов. По мнению М.И. Драгомирова, произошедшее сокращение сроков службы во второй половине XIX в. не лучшим образом сказалось на воспитании солдата. «Не

трудно, – писал он, – было прежнему рекруту втянуться в воинский обиход, попав в массу людей, большинство которых считало свою службу десятками лет; он усваивал по рутине и то, как должен вести себя, и то, как должен служить; чего не узнавал в первый год, узнавал во второй, в пятый и т.д.» [16, с. 119]. На важное значение в воспитании человека внешних условий указывал и М. Левитский, считавший, что «при воспитании солдат нужно прежде всего обратить внимание на окружающую обстановку, чтобы она способствовала воспитанию их...» [16, с. 183].

С допетровских и петровских времен в регулярной русской армии под влиянием воинских уставов и войсковой практики стала образовываться определенная среда, войсковой режим как совокупность мероприятий, отражающих отдельные стороны воинской службы, которые автоматически, ежедневно осуществляли воинское, в том числе военно-профессиональное воспитание военнослужащих. Большинство таких мероприятий постепенно приняли форму ритуалов воинской деятельности, получили закрепление в воинских уставах.

Анализ уставных документов и войсковой практики исследуемого периода показывает, что основными видами служебной деятельности нижних чинов и офицеров русской армии первой половины XIX в. являлись: боевые действия, маневры, учения, марши, гарнизонная, караульная, внутренняя и патрульная службы и некоторые другие элементы войскового режима, которые осуществляли функцию военно-профессионального воспитания. К этому времени все виды служебной деятельности уже были достаточно хорошо прописаны в действующих на тот момент времени уставах, инструкциях, наставлениях, приказах и др.

В начале XIX вв. одно из центральных мест в боевой подготовке армии, военно-профессиональном воспитании военнослужащих стал занимать *строевой смотр*. В ходе смотров (инспекторских и специальных), основы проведения которого были заложены павловским строевым уставом, помимо строевой подготовки военнослужащих, проводилась проверка формы одежды и комплектность личного состава [17, с. 87].

Строевой смотр, предметом которого являются такие элементы, как выправка и стойка, маршировка, повороты, ружейные приемы и проч., служил воспитательным целям, таким как воспитание воли военнослужащего, подчинение воли бойца воле начальника. Сомкнутый строй, представляющий собой монолитную массу, также способствовал формированию таких воинских качеств, как чувство войсковой солидарности, послушание и дисциплина, товарищество, взаимопомощь, вера в боевую мощь русской армии. Четкий и красивый строй превращал людей в армию в отличие от нестройной толпы, вредной для воспитания.

Воспитательным целям служили и парады как разновидность строевого смотра. По мнению офицера русской армии Ольховского, парады «представляют случай, когда войска могут щегольнуть собою, а население – полюбоваться ими. Это приятно и полезно, а также поднимает престиж старшего начальника» [18, с. 205]. Таким образом, мероприятия строевого смотра, если их использовать в разумных пропорциях, безусловно осуществляют воспитательный эффект.

После 1825 г. дело Александра I и Аракчеева в новых исторических условиях было продолжено Николаем I, для которого инспектирование строевых смотров было любимым занятием. Строевые занятия становятся универсальным способом проведения не только строевых занятий, но и тактических учений, отработкой элементов линейной тактики, которая до середины 1850-х гг. заняла доминирующее положение в тактических построениях русской армии на поле боя. По утверждению Г.А. Леера, фридриховская тактика, которой немцы перестали пользоваться после сражений при Иене и Ауэрштадте, продолжала жить в русской армии вплоть до середины 50-х гг. XIX в. [19, лл. 43-44] Только в одном сентябре 1851 г. император лично присутствовал при проведении тринадцати смотров [20, лл. 69-80].

В конечном итоге строевая подготовка войск заменила собой все другие виды военной подготовки. Как писал один из армейских офицеров на страницах Военного сборника, «смотры высшего начальства составляют альфу и омегу нашей служебной деятельности; все стремления командного состава направлены на то, чтобы произвести должный эффект на смотре» [21, с. 84]. В тоже время в среде

военных прагматиков существовало понимание, что смотр необходимо в-первую очередь проводить не для парадов, а для того, чтобы «фактически убедиться в исправном состоянии части» [22].

Важную роль в деле военно-профессионального воспитания военнослужащих играл *распорядок дня*. Он определял основу всей организации военной службы в ходе повседневной деятельности войск, способствовал приобщению военнослужащих к определенному жизненному ритму, дисциплине и организованности – качеств, необходимых военному человеку. Неизменным элементом распорядка дня в исследуемый период являлась утренняя и вечерняя поверки.

Для утренней и вечерней поверок в исследуемый период существовал определенный порядок их проведения – «Утренняя и вечерняя заря», воспитательной целью которых являлось формирование таких военно-профессиональных качеств, как дисциплинированность, исполнительность, точность, аккуратность и др. «Утренняя и вечерняя заря» была неизменным атрибутом распорядка дня в местах постоянной дислокации личного состава, а также при размещении в крепостях, в лагерном городке в период сборов, учений, маневров и боевых действий. В крепостях «Утренняя и вечерняя заря» дополнялась поднятием (опусканием) флага.

С 1840-х гг. появилась традиция – зачитывать при вечерней переключке имена героев, навечно зачисленных в полковые списки. Впервые этот ритуал был проведен в 77-м пехотном Тенгинском полку по поводу героического поступка рядового Архипа Осипова, погибшего при взрыве порохового погреба совместно с врагами. С тех пор на переключках в роте зачитывалось имя героя с ответом: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

Таким образом переключка выполняла контрольные, организующие и воспитательные функции, способствовала сплоченности воинского коллектива, осознанию солдатами и офицерами своей принадлежности к мощному армейскому организму, важности ратного труда, развитию чувства гордости за героические традиции роты, батальона, полка.

Важную организационно-воспитывающую роль в процессе служебной деятельности играл такой элемент военной службы, как развод и смена караулов. «Только караульная служба, – писал Драгомиров, – есть в мирное время служба действительная» [23, с. 379]. По его выражению, «от каждой запятой устава о службе в гарнизоне или кровью, или судом пахнет». Сторонники этого взгляда признавали, что при организации караульной службы отдельными управленцами на разных этапах исторического пути русской армии действительно имелось много показных, ритуальных и очень часто ненужных элементов, наносящих вред истинной дисциплине. Однако дозированное, прагматичное использование караульной службы, несомненно, оказывало дисциплинирующее воздействие на личный состав. По выражению Драгомирова, при «деятельном», а не «созерцательном» отношении к караульной службе само собой выясняется ее громадное воспитательное значение [23, с. 379].

Основы организации караульной службы в русской армии были заложены в XVIII в. и нашли свое отражение сначала в Уставе воинском 1716 г. в разделе «Развод и смена караулов», а конечная точка была поставлена в Пехотном строевом уставе 1797 г.

Павловский устав значительно усложнил процедуры, связанные с несением караульной службы. Павловская строгость по отношению к нарушениям правил несения караульной службы и особенно – вахтпарада, с годами только усиливалась. Свою лепту в это внес и сподвижник императора граф А.А. Аракчеев. Любой развод караула, который посещал граф, неизбежно сопровождался снятием или арестом хотя бы одного офицера [24, с. 50].

Тенденция увлечения парадной стороной караульной службы была продолжена во времена царствования Николая I. Чрезмерное внимание ритуалу развода и смены караула со стороны императора, на наш взгляд, наносило вред воспитательному процессу в армии, отвлекая большое количество военачальников и иных должностных лиц от их непосредственных обязанностей, тем более, от подготовки к боевым действиям. К примеру, согласно инструкции, проверка караула являлась обязанностью императора, генерал-губернатора, военного министра, командующего императорской главной квартирой и дежурного генерал-адъютанта и т.д. [25, с. 9], что только затрудняло службу и не имело никакой служебной целесообразности.

Таким образом, элемент воинской службы – развод и смена караула во второй половине XIX в. играл важную роль в военно-профессиональном становлении военнослужащих, порядок его организации был закреплён в Воинском уставе о службе гарнизона 1843 г. [26] Тем не менее, увлечение парадной стороной караульной службы значительно снижало воспитательный эффект, превращая несение караульной службы в непомерно тяжёлый воинский труд, сопровождающийся многочисленными и зачастую надуманными элементами. Эта тенденция была осмыслена и прекращена на следующем этапе строительства армии. Караульная служба до сих пор играет важную воспитательную роль в современной армии, поддерживая личный состав в боевом тонусе.

Интересам военно-профессионального воспитания военнослужащих, имеющим длительную историю своего образования, в первой половине XIX в. также соответствовал такой служебный элемент как «отдание воинской чести». Он способствует соблюдению таких важных воинских принципов, как единоначалие, субординация, повиновение, соблюдение воинской вежливости и т.д.

В первой половине XIX в. предусматривалось индивидуальное и коллективное воинское приветствие в составе строя. Основы отдания чести между военнослужащими как в ходе строевой подготовки, так и одиночном передвижении были отражены в павловском воинском уставе 1797 г. [17, с. 236], но в течение исследуемого периода они постоянно изменялись приказами и указами.

Таким образом, в русской армии первой половины XIX в. военно-профессиональное воспитание было одним из важных разделов воинского воспитания. Его *теоретическая направленность была обеспечена воинскими уставами*, закрепляющими, прежде всего, основы линейной тактики боя и консервативные принципы подготовки войск к ведению боевых действий.

Под стать теории военно-профессионального воспитания была и *практика*, которая определялась субъективными воззрениями государственных деятелей и военачальников, среди которых наибольшее влияние на характер военно-профессионального воспитания оказали императоры Александр I, Николай I и граф А.А. Аракчеев.

Бесконечная муштра, вахтпарады, плац-парады, линейные учения на строевом плацу, погоня за «блестящей внешностью» частей, игнорирование принципа «учить тому, что необходимо на войне» увели военно-профессиональное воспитание в ложном направлении, лишили командный состав инициативы и самостоятельности, что стало главной причиной поражений русской армии в Крымской войне.

Тем не менее, даже будучи направленной по ложному пути воспитания и обучения, русская армия в морально-психологическом отношении представляла собой грозную силу, не считала себя проигравшей стороной и была готова продолжить войну. Это говорит об её высоком моральном духе и военном профессионализме, пусть даже в том виде, в котором её понимало тогдашнее руководство русской армии. Русская армия, не смотря на определенные издержки воинского воспитания в исследуемый период, была профессиональной армией. Этот профессионализм достигался сложившимся в армии войсковым режимом, который объективно, независимо от субъективных влияний сложившейся теории и навязанной взглядами государственной элиты воспитательной практики, способствовал становлению военного профессионала. Даже в таком виде русская армия представляла собой грозную силу, была надёжной опорой самодержавия, православия и Отечества.

* Прусский взгляд на солдата как на «механизм, артикулом предусмотренный», продолжал господствовать в русской армии до середины XIX в.

** Кавказская армия – общее название. С 1816 г. – кавказский корпус, а с 1855 г. – кавказская армия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Михневич, Н. П.* Образование (обучение) войск: исторический очерк // Столетие военного министерства. 1802-1902 : Т. 4. Ч. 1. Кн. II. Отд. 3. Вып. 1. – Санкт-Петербург : Тип. «Бережливость», 1903.

[2] Устав воинский о полевой пехотной службе, 1796 года // ПСЗ РИ (1). Т XXIV.

- [3] Тактические правила или Наставление воинским еволюциям. : Наставление воинским еволюциям : С планами. – [Санктпетербург] : Тип. Мор. шляхет. кадет. корпуса, 1797.
- [4] *Баиов, А. К.* История русского военного искусства : Полное издание в одном томе. – Москва : Альфа-книга, 2020. – 1015 с.
- [5] Столетие военного министерства. 1802-1902 : Т. 4. Ч. 1. Кн. II. Отд. 3. Вып. 1. – Санкт-Петербург : тип. «Бережливость», 1903.
- [6] См. подробнее: *Жучков, К. Б.* Французская военная мысль в России накануне Отечественной войны 1812 г. // *Метаморфозы истории.* – 2017. – Вып. 9. – С. 201.
- [7] *Баиов, А. К.* Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. Эпоха императора Александра I. – Санкт-Петербург : Тип. гр. Скачкова с С-ми, 1913.
- [8] См.: *Жучков, К. Б.* Французская военная мысль в России накануне Отечественной войны 1812 г. // *Метаморфозы истории.* – 2017. – Вып. 9. – С. 192-222.
- [9] Воинский устав о пехотной службе: Кн. 1. – Санкт-Петербург : Воен. тип. Гл. штаба е. и. в., 1831.
- [10] *Зайончковский, А. М.* Восточная война. 1853-1856 : в 3 т. – Санкт-Петербург : Полигон, Т. 1. – 928 с.
- [11] Устав воинский 1716 г. Ч. 3. Цит. по: Законодательство Петра I / Отв. ред: А.А.Преображенский, Т.Е.Новицкая. – Москва : Юр. лит., 1997.
- [12] *Верховский, А.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII-XIX вв. – Москва : Высш. воен. ред. совет, 1922. – 279 с.
- [13] Устав о строевой пехотной службе. Кн. 1. О строевой службе. Ч. III. Батальонное ученье. 1848. – Санкт-Петербург : Воен. тип., 1848.
- [14] *Имеретинский, Н. К.* Из записок старого Преображенца / [Князь Н. Имеретинский] // Русский архив. – 1884. – Кн. 6.. – С. 371-412.
- [15] Самарин-ополченец. Из воспоминаний его дружинного начальника по ополчению 1855 года В.Д. Давыдова // Русский архив. – 1877. – Вып. 5-8. – С. 44-51.
- [16] О долге и чести воинской в армии российской. Военные документы, статьи военачальников, военных педагогов: в 2 т. Т. 1 // Под общ. ред. Н.А. Панкова. – Москва : Воениздат, 2009.
- [17] Устав Императора Павла I о полевой пехотной службе. – Санкт-Петербург, 1797.
- [18] *Ольховский, П.* Воинское воспитание // Российский военный сборник. Вып. 13: Душа армии. – Москва : Воен. ун-т, 1997.
- [19] РГВИА. Ф. 406. Д. 152.
- [20] РГВИА. Ф. 970. Оп. 701. Д. 2.
- [21] Офицер и солдат // Военный сборник. № 1.– Санкт-Петербург, 1858.
- [22] Свод Военных Постановлений. – Санкт-Петербург, 1858. Ч. 3. Кн. 1. Ст. 266-269.
- [23] Военная энциклопедия // под. ред. Новицкого и др. – Санкт-Петербург, 1913. Т. 12.
- [24] *Томсинов, В.* Аракчеев. – Москва : Молодая гвардия, 2003.
- [25] Высочайше утвержденная инструкция дежурным генералам при Его Императорском Величестве. – Санкт-Петербург, 1834.
- [26] Воинский устав о пехотной службе: Кн. 2. О службе в гарнизоне. – Санкт-Петербург : Воен. тип., 1843.

MILITARY PROFESSIONAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF MILITARY EDUCATION IN THE RUSSIAN ARMY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Yandiev Beslan Magometovich
Adjunct, Department of History,
Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the consideration of military-professional education of lower ranks and officers as an integral part of military education in the Russian army of the first half of the 19th century. It is emphasized that it was a rather complex and contradictory process, which depended on the principles of combat training of the Russian army and its tactics on the battlefield, was provided by the military regime that existed at that time and the views of the emperors Alexander I and Nicholas I. In conclusion, the article formulates a conclusion that the Russian army of the period under study was a formidable force despite the fact that the vector of military-professional education, from the point of view of modern ideas, was chosen incorrectly. In the army of the first half of the 19th century, which absorbed centuries of experience in combat victories and everyday military service in peacetime, served professionals in military affairs*

Key words: *Russian army, professionalism, military education, views of emperors, officers, lower ranks, military regulations, principles, military regime.*

© Яндиев Б.М., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.09.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Яндиев, Б. М. Военно-профессиональное воспитание в системе воинского воспитания в русской армии первой половины XIX в. – DOI 10.34685/НЛ.2024.47.10.009. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 54-63. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/674.html&j_id=62.

**ВЫСЕЛЕНИЕ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ОСЕНЬЮ 1947 Г.**

DOI 10.34685/ИИ.2024.39.18.010

Ченцов Алексей Станиславович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра Военного университета
имени князя Александра Невского» (Москва)
Email: aschentsov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен процесс переселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии осенью 1947 г., явившийся одним из заключительных элементов интеграции бывшей германской провинции Восточная Пруссия в состав СССР. На основе ранее не введенных в научный оборот документов, находящихся на хранении в Управлении МВД России по Калининградской области, проанализирована подготовка выселения, его организация, а также его результаты.

Ключевые слова: Калининградская область, немецкое население, выселение немцев, органы МВД СССР.

Выселение немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии, проведенное в 1947–1948 гг., представляло собой один из заключительных элементов интеграции бывшей германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза, происходившей после окончания Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить, что немцы, проживавшие в Восточной Пруссии и оставшиеся после окончания боевых действий на территории, перешедшей под юрисдикцию СССР, не попадали под действие пункта XII заключительного «Протокола» Потсдамской мирной конференции, которым регулировалось переселение немецкого населения с территории Польши, Чехословакии и Венгрии [1, с. 400], так как данный вопрос даже не поднимался в ходе переговоров между руководителями союзных держав. Данное обстоятельство позволило Ю. В. Костяшову сделать вывод о том, что «судьба этих немцев оказалась полностью в руках советской администрации и зависела в первую очередь от планов кремлевского руководства и лично товарища Сталина» [2, с. 59].

Вместе с тем, уже к началу 1947 г. вопрос нахождения немцев на территории Калининградской области в полной мере встал перед руководством региона. Причиной этого явилось то обстоятельство, что начавшееся переселение в Калининградскую область сельского населения из различных районов СССР, увеличение числа рабочих, прибывавших по вербовке предприятий, решили проблему отсутствия рабочих рук на восстанавливаемых объектах промышленности и в сельском хозяйстве.

В свою очередь, материально-бытовые условия немецкого населения, проживавшего на территории Калининградской области, к началу 1947 г. оставались крайне сложными. Начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов в докладной записке, направленной министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову 30 апреля 1947 г., оценивая численность немцев в 110 217 человек, отмечал: «Значительная часть этих немцев вследствие разной физической ослабленности является нетрудоспособной и не занимается никаким общественно-полезным трудом...

Неработающее немецкое население, за исключением инвалидов и детей, содержащихся в детских домах и домах для престарелых, никакого продовольственного снабжения не получает, вследствие чего находится в крайне истощенном состоянии.

В результате такого положения среди немецкого населения за последнее время отмечается резкое повышение уголовной преступности (кражи продуктов, грабежи и даже убийства), а также в 1-м квартале 1947 г. появились случаи людоедства, которых по области зарегистрировано 12.

Занимаясь людоедством, отдельные немцы не только употребляют в пищу мясо трупов, но и убивают своих детей и родственников. Случаев убийства с целью людоедства имеется 4.

Среди трудоспособной части немецкого населения наблюдаются факты саботажа» [3, л. 20–20 об.].

Подобная ситуация привела к тому, что уже с конца февраля 1947 г. с санкции МВД СССР органами внутренних дел Калининградской области некоторым категориям немецкого населения стали выдаваться разрешения на выезд в советскую зону оккупации Германии [4, л. 14–14 об.]. По данным Ю. В. Костяшова, в период с апреля по июнь 1947 г. подобное разрешение было выдано 3390 немцам [5, с. 187]. Вместе с тем, проведенное автором исследование документов, находящихся на хранении в отделе специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД по Калининградской области, позволяет уточнить эту цифру. Так, в книге выдачи справок немцам на выезд в советскую зону оккупации Германии вписано 3360 человек, однако, учитывая различные пометки (например, «умер», «убыл», «не выдавать», «получил», «не читать», «выписано вторично», «здесь», а также зачеркивание фамилий), их численность сокращается до 3324 человек [6, л. 2–86]. Еще одна книга выдачи справок содержит в себе 2836 фамилий (в основном жителей Калининграда), не повторяющихся в первой книге [7]. Таким образом, общее число немцев, получивших разрешение на выезд в советскую зону оккупации Германии в период с апреля по июнь 1947 г., составило 6160 человек.

Крупномасштабное переселение немецкого населения из Калининградской области было начато осенью 1947 г. и проводилось в три этапа: осенью 1947 г., весной и осенью 1948 г. Основанием для каждого из них являлось постановление Совета министров СССР. Так, в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 11 октября 1947 г. № 3547-1169 на МВД СССР возлагалась организация переселения в советскую зону оккупации Германии 30 тыс. немцев, «проживающих в г. Балтийске и в районах побережья Балтийского моря, а из других районов области – нетрудоспособные семьи немцев, не занятые общественно-полезным трудом, и, кроме того, немецкие дети, находящиеся в детских домах, и престарелые немцы, содержащиеся в домах инвалидов» [8, л. 138].

Приказом МВД СССР от 14 октября 1947 г. № 001067 в Калининградскую область был командирован начальник Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенант Н. П. Стаханов, который совместно с руководством Калининградского областного исполнительного комитета и Управления МВД по Калининградской области должен был осуществить мероприятия по выселению немецкого населения [9, с. 635]. Уже через два дня приказом начальника Управления МВД по Калининградской области № 00116 была сформирована областная оперативная группа по переселению немецкого населения, председателем которой был назначен заместитель начальника Управления МВД по Калининградской области комиссар милиции 3 ранга С. И. Навалихин, а членами – заместитель председателя областного исполнительного комитета И. С. Кергет и начальник 2-го отдела Управления МГБ по Калининградской области подполковник Фролов. Одновременно с этим во всех городах областного подчинения и районах были созданы городские и районные оперативные группы под руководством начальников городских (районных) отделов (отделений) МВД, на которые возлагалось составление списков немецкого населения, проживавших на территории города или района, подлежащих выселению. Кроме того, приказом запрещалось самостоятельное перемещение немцев из одного населенного пункта в другой без разрешения органов милиции (в городах) и сельских советов (в сельской местности) [10, л. 193–194].

В тот же день – 16 октября 1947 г. – начальником Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенантом Н. П. Стахановым, председателем Калининградского областного исполнительного комитета В. А. Борисовым и начальником Управления МВД по Калининградской области генерал-майором В. И. Деминым была подписана «Инструкция по переселению немцев из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии», утвержденная министром внутренних дел СССР генерал-полковником С. Н. Кругловым. Документ регламентировал порядок создания

городских и районных оперативных групп, а также порядок переселения немецкого населения. В нем отмечалось:

«5. Немцам, подлежащим переселению, объявляется об этом персонально или главе семьи не позднее чем за сутки до дня погрузки в эшелоны.

При этом переселяемым объявляется, какое количество имущества они имеют право взять с собой и что воспрещается к вывозу из СССР.

6. Имущество, оставляемое переселяемыми по месту жительства, учитывается и берется под охрану распоряжением и силами областного и районных исполнительных комитетов.

7. В день погрузки для перевозки переселяемых и их вещей подается автотранспорт, на котором переселяемые в сопровождении ответственных за их погрузку сотрудников МВД доставляются в пункт погрузки по железной дороге, где и сдаются по списку начальнику эшелона...

8. Выдача установленного пятнадцатидневного продовольственного пайка переселяемым производится на станции погрузки, для чего <...> организуются продовольственные пункты.

9. Все советские документы, имеющиеся на руках у переселяемых (паспорта, удостоверения, справки и др.) отбираются» [11, л. 1 об. – 2].

В течение нескольких дней в районах и крупных населенных пунктах были развернуты места сбора немецкого населения, на которых осуществлялась их концентрация с целью вывоза на пункты погрузки. В целях предупреждения случаев хулиганства, грабежей и других преступлений органами милиции с привлечением общественности организовывалось патрулирование [11, л. 6].

Автотранспорт для вывоза немцев к местам погрузки в эшелоны (на станциях Калининград и Черняховск) выделялся как от районных исполнительных комитетов, так и от соединений и частей 11-й гвардейской армии [11, л. 10].

На станциях Калининград и Черняховск были организованы сборные пункты, на которые к моменту подачи эшелонов прибывало немецкое население. Перед погрузкой в эшелоны немцы обеспечивались сухим пайком на 15 суток (по нормам снабжения рабочих промышленности и связи). Стоимость пайка (80 рублей) оплачивали сами переселенцы. В случае отсутствия денег обеспечение немцев сухим пайком осуществлялось за счет средств Управления МВД по Калининградской области или Калининградского областного исполнительного комитета [11, л. 5].

В целях охраны общественного порядка в день отправки с 10 часов утра до момента отправки эшелона выставлялось 18 двухсменных милицейских постов и 3 оперативных поста [11, л. 7].

Каждый эшелон состоял из 45–50 вагонов, в которых находились немцы, штабного вагона и медицинского вагона. Все вагоны, предназначенные для перевозки переселенцев, оборудовались нарами, печами, а также обеспечивались топливом и свечами. Для сопровождения эшелона назначались начальник эшелона, два заместителя. Для охраны немецкого населения выделялся караул в составе 12 человек, выделенных от 349-го полка конвойных войск МВД СССР, обеспечивавший круглосуточную охрану с целью не допустить отставания переселяемых и проникновения в вагоны посторонних лиц [11, л. 21]. Следует отметить, что по территории СССР (до станций Багратионовск или Гердауен) эшелоны следовали при закрытых дверях, а после пересечения государственной границы двери вагонов оставались открытыми.

Медицинское обеспечение переселяемого немецкого населения в каждом эшелоне возлагалось на 2–3 врачей и 3–4 медсестер или фельдшеров из числа немцев [9, с. 637].

Первый эшелон с переселенцами был отправлен из Калининграда 23 октября 1947 г. В нем находился 1951 человек, среди которых 323 мужчины, 1260 женщин и 368 детей [11, л. 36]. В последующем, в

течение октября 1947 г. в советскую зону оккупации Германии было отправлено четыре эшелона, а в течение ноября 1947 г. – еще девять. Последний эшелон в советскую зону оккупации Германии был направлен 30 ноября 1947 г. Всего в октябре – ноябре 1947 г. из Калининградской области было выселено 30 283 человека [11, л. 36].

Следует отметить, что одним из важнейших документов, касающихся вопроса выселения немецкого населения из Калининградской области, являются эшелонные списки, находящиеся на хранении в отделе специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД по Калининградской области. В эшелонном списке указывались фамилия, имя, год рождения переселяемого, количество членов семьи (при наличии), а также место жительства. На каждый эшелон составлялось три эшелонных списка, каждый из которых был подписан начальником Управления МВД по Калининградской области генерал-майором В. И. Деминым, начальником сборно-пересыльного пункта на станции отправки, а также начальником эшелона. Первый экземпляр списка оставался в Управлении МВД по Калининградской области, второй – передавался начальником эшелона представителю советской военной администрации в Германии в пункте сдачи переселенцев, а третий – заверенный представителем советской администрации в Германии начальником эшелона по возвращении передавался в Управление МВД по Калининградской области.

Проведенный автором анализ эшелонных списков на 14 эшелонов, направленных из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии [12, л. 8–51, 58–110, 122–172, 184–231, 236–280; 13, л. 14–65, 73–136, 142–204, 215–268; 14, л. 15–66, 75–122, 176–223, 231–271; 15, л. 1–54], позволил составить полную картину переселения и дать характеристику немецкому населению, подлежавшему выселению.

Всего в эшелонные списки было внесено 30 241 человек, что составляет крайне малую долю расхождения (0,14%) с данными пограничных органов МВД Калининградской области, в последующем послуживших основой для докладной записки начальника Управления МВД по Калининградской области министру внутренних дел СССР о результатах переселения. В эшелонные списки были внесены 9141 лицо мужского пола (30,22%) и 19 763 лица женского пола (65,35%) (данные приведены с учетом пола детей). В ряде случаев (4,43%) идентифицировать половую принадлежность человека не представлялось возможным в силу неправильного написания имени выселяемого либо указания только его фамилии.

Проведенный анализ показал, что среди мужского населения (без учета детей) наибольшее количество составили лица 1881–1895 годов рождения (41,22%), а среди женщин – лица 1896–1910 годов рождения (33,23%). Абсолютное большинство среди выселяемых занимали дети и подростки: так, их численность составляла 13 025 человек (43,07%). При этом количество девочек и мальчиков было практически одинаковым.

Крайне интересен анализ мест проживания переселяемых немцев. Так, абсолютное большинство лиц, отправленных в советскую зону оккупации Германии осенью 1947 г., проживало в городе Калининграде (9087 человек, или 30,01%), а также в Приморском районе (включая города областного подчинения Балтийск и Светлогорск) (10 055 человек, или 33,24%). Число выселенных немцев из остальных районов области составляло: из Багратионовского района – 2221 человек (7,34%), из Советского района (включая город Советск) – 1677 человек (5,54%), из Гвардейского района – 1280 человек (4,23%), из Черняховского района (включая город Черняховск) – 1020 человек (3,37%), из Гурьевского района – 995 человек (3,29%), из Славского и Большаковского районов – 974 человека (3,22%), из Ладушкинского района – 969 человек (3,2%), из Правдинского и Железнодорожного районов – 703 человека (2,32%), из Озерского района – 327 человек (1,08%). Наименьшее число переселенцев проживало на территории Гусевского района – 225 человек (0,74%), Полесского района – 163 человека (0,53%), Нестеровского района – 160 человек (0,52%) и Краснознаменского района – 139 человек (0,45%). Таким образом, переселение немецкого населения в основном затрагивало город Калининград и территории области, прилегающие к Балтийскому морю.

Что касается Приморского района, в наибольшей степени переселение коснулось немцев, проживавших в таких крупных населенных пунктах, как Приморск (3387 человек, или 42,5%), Янтарный (916 человек, или 11,49%) Зеленоградск (535 человек, или 6,71%), Синявино (355 человек, или 4,45%)

и Пионерский (353 человека, или 4,42%). Из городов областного подчинения Балтийск и Светлогорск было выселено 339 и 1747 человек соответственно.

Проведенный анализ докладных записок начальников эшелонов на имя начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина показал, что переселение немцев осенью 1947 г. произошло без каких-либо инцидентов. Так, «эшелоны украшались зеленью и в некоторых вагонах, в особенности в детских, распевались советские песни <...> Многие дети заявляли, что материальная, духовная жизнь и воспитание у русских лучше, чем в Германии» [11, л. 22]. От восьми групп переселяемых немцев представителям МВД были вручены письма «с выражением благодарности Советскому Правительству за проявленную заботу и организованное питание» [11, л.16 об.].

Следует отметить крайне низкую смертность среди переселенцев. Так, из 30 283 немцев в пути следования умерли 33 человека (0,1%), большую часть которых составили люди престарелого возраста и младенцы, болевшие дистрофией [9, с. 639].

Процесс выселения немцев из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии осенью 1947 г. выявил несколько проблемных вопросов в его организации, о чем свидетельствовала телеграмма начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина начальнику Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту Н. П. Стаханову от 8 января 1948 г. Понимая, что в 1948 г. выселению будет подвергнуто значительно большее количество немцев, генерал-майор В. И. Демин предлагал пересмотреть некоторые вопросы, касающиеся санитарной обработки переселенцев перед погрузкой в эшелоны, а также отпуска продовольствия на пунктах погрузки. Особое внимание начальник Управления МВД по Калининградской области обратил на тот факт, что после осеннего переселения немцев резко возрос поток немецкого населения, проживавшего на территории прибалтийских республик, переселявшихся в Калининградскую область. В связи с этим предлагалось дать указание МВД Эстонской ССР, Латвийской ССР и Литовской ССР об организованном сборе и направлении немцев, проживающих в этих республиках, в Калининградскую область для последующей отправки в Германию [11, л. 24–24 об.].

Таким образом, проведенный анализ показал, что в целом инициатором процесса выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии являлись органы МВД СССР, основными целями которого было снижение уровня преступности среди немецкого населения, спровоцированного тяжелыми социально-экономическими условиями, а также предотвращение связей между советскими гражданами и немцами.

Следует отметить, что подготовка к выселению осенью 1947 г. была осуществлена в сжатые сроки, а сам процесс выселения проведен на достаточно высоком уровне. В отличие от Польши и Чехословакии, немцам, переселяемым из Калининградской области, были созданы вполне благоприятные условия: так, каждой семье переселенцев, в соответствии с приказом МВД СССР от 14 октября 1947 г. № 001067, разрешалось взять с собой в Германию личное имущество весом до 300 кг, «за исключением предметов и ценностей, запрещенных к вывозу таможенными правилами» [9, л. 635].

Проведенные осенью 1947 г. мероприятия стали лишь первым шагом к полному выселению немецкого населения из Калининградской области. В последующем, в течение 1948 г. из области было переселено еще около 70 тысяч немцев. К концу 1948 г. общее число убывших в советскую зону оккупации Германии составило 102 125 человек [9, с. 639]. В области остались лишь незначительная часть высококвалифицированных специалистов, выселение которых было осуществлено в 1950–1951 гг.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

[1] Тегеран. Ялта. Потсдам : сб. документов / сост. Ш. П. Санакоев, Б. Л. Цыбулевский. – Москва : Междунар. отношения, 1971. – 416 с.

[2] *Костяшов, Ю. В.* Депортация немцев из Калининградской области после войны // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы : сб. науч. ст. – Новосибирск :

Наука, 2012. – С. 56–67.

[3] Отдел специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД России по Калининградской области (далее – ОСФ ИЦ УМВД КО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 6.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 12.

[5] *Костяшов, Ю. В.* Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. – 1994. – № 6. – С. 186–188.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 18.

[7] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 19.

[8] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355.

[9] Сталинские депортации. 1928–1953 / сост.: *Н.Л.Поболь, П.М.Полян.* – Москва : Демократия; Материк, 2007. – 904 с.

[10] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8.

[11] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14.

[12] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 15.

[13] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 16.

[14] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 17.

[15] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 34.

THE EXPULSION OF THE GERMAN POPULATION FROM THE KALININGRAD REGION IN THE AUTUMN OF 1947

Chentsov Alexey Stanislavovich

PhD in History, Senior Researcher,
Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Abstract. *The article examines the process of resettlement of the German population from the Kaliningrad region to the Soviet occupation zone of Germany in the autumn of 1947, which was one of the final elements of the integration of the former German province of East Prussia into the USSR. Based on documents not previously introduced into scientific circulation and stored in the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaliningrad Region, the preparation for the eviction, its organization, and its results are analyzed.*

Key words: *Kaliningrad region, German population, deportation of Germans, USSR Ministry of Internal Affairs.*

© Ченцов А.С., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.10.2024.

Ссылка на статью:

Ченцов, А. С. Выселение немецкого населения из Калининградской области осенью 1947 г. – DOI 10.34685/NI.2024.39.18.010. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 64-69. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/675.html&j_id=62.

**КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

DOI 10.34685/NI.2024.10.10.006

Соколова Алла Николаевна
доктор искусствоведения,
ведущий научный сотрудник Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва,
профессор Адыгейского государственного университета (Майкоп)
Email: professor_sokolova@mail.ru

Аннотация. *Анализируются культурные практики в полиэтнической республике Карачаево-Черкесия в рамках выполнения Государственной программы по культуре. Нацеленная на формирование региональной и российской идентичности, Государственная программа отличается высокой степенью обобщенности. Показаны расхождения между декларируемыми официальными установками нормативно-правовых документов, планируемыми мероприятиями и культурными практиками по их реализации. Отмечено формирование специфических списков праздников и памятных дат для различных этногрупп региона. Рекомендовано соответствующим властным структурам активно содействовать культурным практикам, направленным на добрососедство и сотрудничество народов Карачаево-Черкесской Республики, формированию «законов памяти», нацеленных на их единение и согласие. Одновременно показано, что игнорирование, избегание или невнимание к этнокультурным мероприятиям народов республики чревато проявлением различного рода рисков.*

Ключевые слова: *Карачаево-Черкесская Республика, нормативно-правовые документы, межнациональные отношения, региональная и общероссийская идентичность, культурные практики.*

Цель исследования – вскрыть роль культурных (этнокультурных) практик, планируемых и реализуемых в Карачаево-Черкесской республике, в контексте формирования региональной и общероссийской идентичности.

Основные задачи исследования: 1) анализ государственных нормативно-правовых документов, определяющих цель и задачи культурных практик в республике; 2) выявление противоречий между декларируемыми целями создания условий для развития культур всех народов, населяющих республику, и актуальной работой в этом направлении; 3) выявление содержания скрытых смыслов, заключенных в перечне праздников и памятных дат в Карачаево-Черкесской Республике; 4) разработка предложений и рекомендаций по использованию этнокультурных практик в работе по формированию региональной и общероссийской идентичности.

Методы исследования. В работе использован метод контент-анализа нормативно-правовых документов, регулирующих политику межнациональных отношений в Карачаево-Черкесской республике и культурную политику в регионе; метод контент-анализа официальных сайтов Министерства культуры Карачаево-Черкесской Республики, Министерства по межнациональным отношениям и СМИ, Института гуманитарных исследований им. Х. Хапсировова и различных культурных учреждений республики.

Введение. Практически любая территория Российской Федерации является полиэтнической. Однако в каждом регионе полиэтничность имеет свои особенности – как по этническому составу населения, так и по их процентному соотношению. В Республике Карачаево-Черкесия проживают представители

различных этносов. Национальный состав населения КЧР, согласно официальным данным, представленным на сайте Министерства Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати, представлен в таблице [1]:

Национальный состав населения Карачаево-Черкесской Республики

Итоги Всероссийской переписи 2020 года

Карачаево-Черкесская Республика -

все население	469 865	100,0
---------------	---------	-------

Лица, указавшие национальную принадлежность	463 268	98,596
---	---------	--------

Карачаевцы	205 608	43,75
------------	---------	-------

Русские	127 643	27,17
---------	---------	-------

Черкесы	58 867	12,53
---------	--------	-------

Абазинцы	37 695	8,02
----------	--------	------

Ногайцы	17 379	3,70
---------	--------	------

Такое этническое многообразие встречается во многих республиках Северного Кавказа, однако особенность Карачаево-Черкесии состоит в количественном соотношении этносов и культурной политике, где государственными признаются три языка (карачаевский, русский и черкесский), а некоторые социальные институты работают на 5 языках (газеты, радио, телевидение, школы и др.). В таких условиях дискуссионными и в значительной степени проблемными становятся многие вопросы культурной политики, в частности, решения о проведении государственных праздников, финансовом распределении средств и т.п.

Анализ государственных нормативно-правовых документов, регулирующих и формирующих культурные (этнокультурные) процессы в Карачаево-Черкесской Республике

Как и в любой республике Северного Кавказа, культурная политика в Карачаево-Черкесии регулируется российскими нормативно-правовыми документами и республиканскими Законами, Концепциями и Стратегиями.

В 2019 году в республике была утверждена Государственная программа «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике» [2]. Целью Программы объявлено «Укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, проживающего на территории Карачаево-Черкесской Республики» [2, с. 22]. Формулировка цели уже несет определенную двусмысленность: территория республики объявляется местом проживания народов Российской Федерации. В такой формулировке понятие «территория» приобретает некий фундаментальный смысл, в отличие от «многонационального народа», которому «разрешается» жить на этой территории. В формулировке второй задачи это противоречие определенным образом снимается. Она артикулируется как «Укрепление традиций и единства

многонационального народа Карачаево-Черкесской Республики» [2, с. 2]. Программа была рассчитана до конца 2023 года, ее объем финансирования составил 393442,4 тыс. рублей.

Вторая Подпрограмма в Государственной программе называлась «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Карачаево-Черкесской Республики» [2, с. 7]. В плане мероприятий по реализации этой части Государственной программы значится: проведение социологических исследований с целью определения состояния и тенденций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений; субсидии детским журналам на русском и ногайском языках; проведение различных мероприятий по проблемам укрепления единства российской нации; проведение республиканского конкурса журналистов; обучающие семинары и проч. Целевыми показателями названы: увеличение доли граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в республике (с 80 до 82%; бюджет на 2023 год – 52785,4 тыс. рублей); увеличение числа участников мероприятий, направленных на укрепление общероссийского гражданского единства (с 2300 человек до 2500 человек); увеличение численности участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России (с 2000 до 2200 человек); увеличение доли граждан, толерантно относящихся к представителям другой национальности и т.п.

Как видим, отсутствие конкретики и выбор целевых показателей не информативны, усреднены и мало отражают состояние и перспективы развития культур народов республики. Возможно, именно так и составляются подобного рода государственные программы, а реальную картину можно увидеть по отчетам соответствующих министерств? Однако при изучении текстов отчетов мы убедились, что они носят тот же обтекаемый характер.

Через 5 лет после развала СССР в Карачаево-Черкесии вышел «Закон о культуре от 14 декабря 1996 года N 197-XXII [3], который впоследствии имел 6 поправок. В Ст. 2 первого закона о культуре провозглашалось «создание условий для возрождения и развития культуры народов Карачаево-Черкесской Республики». В Ст. 3 давалось определение понятию «культурное наследие народов Карачаево-Черкесской Республики»: «Культурное наследие народов Карачаево-Черкесской Республики – материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Карачаево-Черкесской Республики и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [Там же].

В Ст. 5. признавалось «равное достоинство культур народов и этнических общностей, проживающих на территории Карачаево-Черкесской Республики, их прав и свобод в области культуры, создание равных условий для сохранения и развития этих культур». В Ст. 6. в обязанность органов местного самоуправления вменялось в обязательном порядке учитывать «культурные аспекты во всех программах и планах комплексного социально-экономического развития муниципальных образований». В Ст. 18. гарантировалось «право всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности, на культурно-национальную автономию» [Там же].

Закон о культуре в 2017 году утратил свою силу после принятия Государственной программы «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики» до 2022 года [4]. Затем и эта программа была заменена новым документом. В 2019 году была принята Государственная программа «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики» до 2025 года, в которую впоследствии более десяти раз вносили изменения [5]. Для достижения поставленных целей Государственная программа «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики» 2019 года была разделена на 5 подпрограмм:

1. «Управление Государственной программой “Развитие культуры в Карачаево-Черкесской Республике”»;
2. «Обеспечение деятельности подведомственных учреждений в сфере культуры»;
3. «Развитие отрасли "Культура"»;
4. «Сохранение, популяризация и учет объектов культурного наследия на территории Карачаево-Черкесской Республики».
5. «Развитие архивного дела в Карачаево-Черкесской Республике».

Четвертым пунктом во второй подпрограмме значится «Создание равных условий для культурного развития населения республики народов и культурно-досуговой деятельности населения» [5, Раздел 2. Цель и задачи Государственной программы]. В 6 пункте упоминается «Создание условий для сохранения культурного и исторического наследия», в 7 пункте – «Сохранение фольклора и развитие традиционной народной культуры и любительского самодеятельного творчества» [5].

В Программе 2019 года в разделе «Характеристика текущего состояния государственной программы, основные показатели и анализ социальных, финансово-экономических рисков» весьма откровенно указано на то, что в республике «слабая материально-техническая база учреждений, отсутствуют профессиональные сценические площадки, отвечающие современным требованиям, в музеях, библиотеках нет специального оборудования, важнейшей проблемой остается сохранение музейных и библиотечных фондов» [5. Раздел 1]. Далее дается пессимистическая прогностика: «Сегодня проблема сохранения и развития традиционной народной культуры, профессионального искусства, художественно-эстетического образования, историко-культурного наследия и архивного фонда без соответствующей государственной поддержки может привести к исчезновению преемственности традиций, утрате национальной самоидентификации, основных ценностных ориентиров народов, проживающих на территории республики» [Там же].

В новую программу были включены три региональных проекта – «Культурная среда», «Цифровая культура» и «Творческие люди». Объем финансового обеспечения государственной программы 2019 года составил 4440104,3 тыс. рублей (на 2024 год – 652491,2 тыс. рублей; 2025 год – 475037,1 тыс. рублей).

Основной задачей проекта «Культурная среда» авторы ставили «обеспечение широкого доступа к культурным ценностям» [6]. В 2023 году «средства были направлены на строительство, реконструкцию и капитальный ремонт 6 сельских домов культуры, капитальный ремонт и реконструкцию 2 детских школ искусств». Другие деньги – 10,0 млн рублей, выделенные в качестве субсидии из федерального бюджета, пошли в библиотечную систему Усть-Джегутинского муниципального района [Там же].

Региональный проект «Творческие люди», согласно докладу министра финансов, «направлен на развитие кадрового потенциала отрасли и создание условий для укрепления гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации». Региональный аспект идентичности не выделен, мероприятия не названы, указано только, что они направлены на «поддержку лучших учреждений культуры на селе и лучших работников культуры». На реализацию мероприятия предусмотрены средства в размере 656,0 тыс. рублей, из них средства федерального бюджета – 650,0 тыс. рублей, регионального – 6,56 тыс. рублей (распределение на конкурсной основе: 5 лучших работников и 4 лучших учреждений). Показатели достигнуты в полном объеме» [Там же]. Такая «отчетная безликость» в принципе характерна для многих официальных документов республики, равно как и наличие в них описок и опечаток.

Тем не менее, в отчете Министра финансов Карачаево-Черкесской Республики за 2023 год есть информация и о конкретных мероприятиях. Им названы патриотическая концертная программа, показанная жителям Старобельского района Луганской Народной Республики (22-24 февраля 2023 года); XXXII Всероссийский фестиваль авторской песни «Горные вершины» им. Юрия Визбора в п.Архыз (28.07. – 31.07.2023 года, Учредители фестиваля – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д.Поленова и Министерство культуры Карачаево-Черкесской Республики – 200 зрителей); 30 событий фестиваля «Другой звук» (05.08. – 07.08.2023 на четырех площадках в п.Архыз – «концерты классической музыки под открытым небом, 6 научно-музыкальных походов в горы, ежедневные музыкальные перформансы и археологические экскурсии в древнейшие христианские храмы Северного Кавказа и на руины древнеаланского городища» [Там же]; Фестиваль «Единый Кавказ» и Международный фестиваль мастеров искусств «Мир Кавказу», на которые также были приглашены творческие коллективы новых территорий Российской Федерации.

Таким образом, в Постановлении Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 28 мая 2019 года № 133 «О Государственной программе "Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики" (с изменениями на 28 мая 2024 года)» и имеющиеся в открытом доступе отчеты по ее выполнению отличаются крайней степенью обобщенности, исключая упоминание о специфике национального

состава населения республики, традиционных религиях или обрядах. Ни в Государственной программе, ни в Отчетах нет слов «этнос», «культурные практики» или этнических самоназваний, которые бы указывали направления работы в отношении выполнения пункта о создании условий для развития национальных культур. Т.е. государственный документ составлен таким образом, чтобы достаточно легко было отчитаться за почти 4,5 млрд. рублей, показав нужное увеличение числа посещений культурных мероприятий по сравнению с показателем 2019 года. При этом приоритетом государственной политики в сфере культуры объявляется «обеспечение деятельности в сфере культуры подведомственных учреждений», но отнюдь не сохранение и развитие национальных культур республики.

Понятие «цифровизация культуры» хоть и активно продвигается в рамках Государственной программы, но результативность этих процессов оставляет желать лучшего. К примеру, на официальном сайте муниципального бюджетного учреждения культуры «Хабезский районный Дворец культуры им. Назира Хапсирокова» даны всего две оценки граждан – обе пятизвездочные. При этом сайт малоинформативен, неинтересен и, видимо, мало посещаем жителями Хабезского района [7]. Практически то же самое происходит и на сайтах других республиканских учреждений культуры [8].

Культурные и этнокультурные практики как научные категории

Понятие «культурные практики» сейчас находится в активной научной разработке. Выделяют «повседневные» и «неповседневные» культурные практики [9, с. 19], дается широкое и узкое толкование этого термина. Л.В. Баева в диапазон культурных практик включает «помимо бытия в мире культурных ценностей и их создания мир, который творит человека и творится им же, мировоззренческие предпочтения, которые закреплены в традиции того или иного типа культуры» [10]. Как составную часть культурных практик Н.Л. Балич включает «культуру этническую, в которой систематизированы характерные черты конкретного народа, воспринимаемые им самим как уникальные, а также черты, с которыми этот народ ассоциируется у других этносов. Народы, имеющие общие исторические корни, обладают наличием общих черт этнической культуры, схожестью традиций, обычаев, этических основ, ментальности. Все это составляет основу культурного кода, который характерен для определенной культуры и цивилизации» [11].

С позиции В.И.Ионесова любой вид деятельности правомочно называть культурной практикой [12]. Г.М.Агеева под культурной практикой подразумевает «культурсозидающую деятельность, производство артефактов. Причем ключевыми в семантике понятия являются динамические структуры: не создание застывших форм, а разворачивающееся действие, постоянно обновляющаяся реальность» [13]. Для Н.Б.Крыловой к категории культурных практик относятся действия социально-ориентированного, исследовательского, художественного или же организационно-коммуникативного характера [14].

В.П.Большаков уточняет: «Культурные практики – не обязательно индивидуальны. Более того, чаще всего они совместны и институционализированы. Культурные практики – это, кроме всего прочего, деятельность социальных институтов культуры (музеев, библиотек, клубов, домов культуры, школ искусств, вузов культуры и искусств и т.д.). Практики управленческих структур (министерств, ведомств, отделов культуры) культурны в другом смысле, в смысле направленности их деятельности (по долгу службы!) на сохранение и функционирование культуры» [15].

В рамках нашего исследования под культурными практиками понимаются институциональные культурные активности, исходящие от соответствующих министерств и ведомств, определенным образом влияющие на общество, преобразующие и продвигающие его, в том числе транслирующие каждому новому поколению этнокультурные ценности. Чаще всего культурные практики предполагают массовое, коллективное участие. Любая культурная практика потенциально объединяет людей и одновременно сепарирует их от других, практикующих иные активности. В многонациональной республике априори могут существовать как общенародные культурные практики, так и этнокультурные, транслирующие этнические ценности и идеалы, связанные с почитанием собственных святых мест, тех или иных исторических дат и имен. К примеру, Е.А.Щербина перечисляет ряд историко-культурных ценностей Карачаево-Черкесской Республики в контексте имиджевой привлекательности региона [16]. Однако эти же почитаемые места используются для определенных этнокультурных мероприятий, направленных на сохранение этнокультурных или религиозных идентичностей. Исследователь называет Аланское городище с древнейшими христианскими храмами;

башню «Адиух», материальный памятник культуры адыгов; камень Карчи под аулом Учкулан, связанный с именем легендарного предводителя – собирателя карачаевского народа – Карчи; первые светские школы в Ногайском и Карачаевском районах республики, где функционируют уникальные народные музеи [16, с. 451].

«Законы памяти»: праздничные дни и памятные даты в Карачаево-Черкесской Республике

Каждая названная локация является местом проведения культурных мероприятий как общереспубликанского, так и этнокультурного значения. Благодаря многонациональному составу республики общее число праздников оказывается внушительным (30). Законодательно в Карачаево-Черкесской Республике отмечаются следующие праздники и важные события, выделенные по этническому признаку [17]:

<i>Дата</i>	<i>Наименование</i>	<i>Основание</i>
24 января	День памяти жертв политических репрессий казачества	Закон Карачаево-Черкесской Республики от 26 октября 2000 г. N 27-РЗ
14 марта	День адыгского (черкесского) языка и письменности	Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 14 марта 2005 г. N 78
10 апреля (нерабочий день)	Праздник разговения Ид аль-Фитр (Ураза Байрам)	Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 5 апреля 2024 г. N 65
26 апреля	День реабилитации кубанского казачества	Закон Карачаево-Черкесской Республики от 26 октября 2000 г. N 27-РЗ
3 мая (нерабочий день)	День возрождения карачаевского народа	Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 27 апреля 2001 г. N 37; Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 25 апреля 2024 г. N 79
13 мая (нерабочий день)	День памяти усопших – Радоница	Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 25 апреля 2024 г. N 80
17 июня (нерабочий день)	Праздник жертвоприношения Ид аль-Адха (Курбан-Байрам)	Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 3 июня 2024 г. N 99
1 июля	День работников избирательных комиссий в Карачаево-Черкесской Республике	Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 22 мая 2012 г. N 82
	День ветеранов боевых действий	Закон Карачаево-Черкесской Республики от 25 декабря 2023 г. N 90-РЗ
3 июля (нерабочий день)	День единения народов Карачаево-Черкесской Республики	Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 19 сентября 2003 г. N 63
	День образования Карачаево-Черкесской Республики	Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 26 июня 2013 г. N 161
21 сентября (третья суббота сентября)	День города Черкесска	Решение Думы муниципального образования г.Черкесска Карачаево-Черкесской Республики от 25 декабря 2012 г. N 34
26 октября (последнее воскресенье октября)	День работников культуры и искусства Карачаево-Черкесской Республики	Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 22 декабря 2003 г. N 166
27 ноября	День экономиста Карачаево-Черкесской Республики	Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 10 ноября 1998 г. N 83

Государственные праздники в полиэтнической республике, несомненно, играют важную роль, являясь символами единства и сплоченности. В России существуют общегосударственные праздники, такие как День России, Новый год, День Победы и другие. Эти праздники отмечаются на всей территории страны и имеют важное символическое значение для укрепления национальной идентичности и единства. В Карачаево-Черкесии, как и в других регионах России, общероссийские праздники проходят с размахом, организуются официальные мероприятия, парады и концерты. Важно отметить, что участие в таких праздниках помогает укрепить чувство гражданской принадлежности у всех жителей республики. Тем

не менее, нередки случаи, когда для участия в праздновании общероссийских мероприятий поступает разнарядка по числу представителей для организаций и учебных заведений. Такая ситуация исключена, когда речь идет об этнических праздниках [18]. Вероятно, в этническом коллективном бессознательном возникает высокая степень ответственности за участие в этнокультурных мероприятиях, где они «удостоверяют» свою этническую принадлежность. Кроме того, подобные праздники позволяют увидеться с родственниками, поделиться новостями, решить определенного рода проблемы. «Родовые сходы» по сей день проводятся не только в КЧР, но и в других республиках Северного Кавказа.

В 2003 году в республике объявляется День единения народов Карачаево-Черкесской Республики (3 июля). С 2013 года Указом Главы этот день объявляется нерабочим. Однако, знакомясь с программой этого праздника, невозможно понять его главный смысл. В вечернем праздничном концерте принимают участие звезды российской и зарубежной эстрады, публике предложат посмотреть «самодельные движущиеся модели лодок, самолетов и автомобилей» [19], посетить вернисаж и соревнования по мотокроссу, приуроченные к праздничной дате, потанцевать под звуки духового оркестра. Вероятно, единение народа авторами проекта мыслится просто как коллективный отдых в рамках привычного европеизированного регламента. Но даже в рамках «коллективного отдыха» с бесплатными концертами на городских площадях куда большее значение имели бы «собственные артисты», выросшие до мирового уровня. Для этого их надо было выявить, выучить, создать условия для творческого роста, посылать на стажировки и проч. Ведь есть же в соседних республиках всемирно известные ансамбли «Нальмэс», «Исламей» и «Кабардинка». Кто за пределами КЧР может прославлять малую родину? Правильно ли тратить миллионы на заезжих на один день «звезд эстрады»?

Как уже упоминалось, наряду с общегосударственными праздниками в Карачаево-Черкессии существует определенное число национальных праздников и памятных дат, разных по своему статусу и значению для отдельных этнических групп. В Карачаево-Черкессии законопроектом 2019 г. предлагалось ввести 13 карачаевских праздников, 8 ногайских, 7 черкесских, 4 абазинских и 3 казачьих. Например, у черкесов – день национального флага, у ногайцев – день ногайской книги, у абазин – день культуры народа абазы. Неоспоримо, эти праздники являются неотъемлемой частью культурного наследия и традиций каждого народа, способствуют укреплению этнокультурной идентичности и самосознания.

Как мы отметили ранее, подобного рода национальные праздники в КЧР не получают такого же внимания и поддержки на государственном уровне, как общегосударственные. Часто они остаются в тени, их празднование организуется силами самих этнических сообществ без широкого общественного признания и участия. Это может приводить к ощущению изоляции и маргинализации среди этнических групп, что, в свою очередь, негативно сказывается на межэтнических отношениях в республике.

Для более наглядного понимания текущей ситуации с празднованием национальных праздников в Карачаево-Черкесской Республике представим таблицы, отражающие распределение этих праздников по различным этническим группам. Это позволит увидеть реальную картину и подчеркнуть важность равного внимания к культурным традициям всех народов, проживающих в регионе.

Карачаевские национальные праздники [20]:

6 февраля	День аланского (карачаевского) просвещения
2 апреля -	День аланского (карачаевского) зодчества
вторая суббота апреля	День карачаевского языка и письменности
14 апреля	День поминовения алан, павших в борьбе с Тимуром
3 мая	День возрождения карачаевского народа
21 мая	День памяти героев и жертв Кавказской войны
22 мая	День столицы Алании (Мингас / Маас, совр. Нижне-Архызское городище);
Последняя суббота августа	День карачаево-балкарской национальной одежды
16 сентября	День исламской общины Алании
Последняя суббота сентября	День Айрана – культурного наследия Карачая
Последнее воскресенье сентября	День карачаевской породы лошадей, овец, коз и собак
28 октября	День вхождения Карачая в состав России (Хасаукинское сражение 1828 г.)
2 ноября	День скорби (незаконной депортации карачаевского народа).

Казачьи памятные даты [21]:

24 января	День памяти жертв политических репрессий казачества;
26 апреля	День реабилитации кубанского казачества;
12 октября	День основания Евангельской Церкви в Карачаево-Черкесской Республике;

Черкесские национальные праздники [22]:

14 марта	День черкесского языка и письменности
22 марта	Навруз – черкесский новый год, отмечается в день весеннего равноденствия
25 апреля	День черкесского национального флага
21 мая	День памяти и скорби черкесского народа
1 августа	День репатрианта
22 сентября	Главный обрядовый черкесский праздник <i>Тхьэшхуэгухьэж</i> .
22 декабря	<i>Дыгъэгъазэ</i> (Созрэш) – праздник зимнего Солнцестояния (праздник самой длинной ночи)

Абазинские национальные праздники [21]:

7 апреля	День ашуйской (древней абазино-абхазско-убыхской) письменности
23 июня	День культуры народа Абаза
23 июля	День абазинского флага
второе воскресенье октября	День триумфа абазгского войска, возглавляемого царем Абазгии Леоном, при Анакопии

Ногайские национальные праздники [23]:

22 декабря	Нардуган (Навруз) – день зимнего солнцестояния
22 февраля	День ногайской письменности
15 марта	День ногайской книги
20 марта	Новый год
21 марта	Праздник весеннего равноденствия (« <i>Амиш апа</i> » – абазинский, « <i>Голлу</i> » – карачаевский, « <i>Навруз</i> » – ногайский, черкесский Новый год)
12 августа	День памяти национальных героев ногайского народа
12 октября	День ногайского района
Сабантуй	Сабантуй — праздник окончания посевных работ (дата варьируется, проводится летом, обычно в июне или июле).

Как видим, четыре региональных праздника в Карачаево-Черкесской Республике объявлены дополнительными официальными выходными:

- 1) День образования Карачаево-Черкесской Республики и День единения народов Карачаево-Черкесской Республики – 3 июля;
- 2) Ураза-байрам (Ид уль-фитр, Рамадан Байрам);
- 3) Курбан-байрам (Ид аль-Адха);
- 4) День особого поминовения усопших – Радоница (Родительский день).

В День возрождения карачаевского народа – 3 мая, республиканский выходной – многонациональный народ республики отмечает возвращение первых семей карачаевцев из депортации (напомним, что приказом Сталина карачаевцы были выселены в Среднюю Азию и Казахстан зимой 1943 года и провели в депортации 14 лет). Обычно в этот день Главы администраций выставляют на подведомственных сайтах официальные поздравления, подчеркивая, что «День возрождения карачаевского народа по праву является общим праздником всех народов Карачаево-Черкесии – нашего родного, отчего дома, тепло и свет которого все мы, вместе независимо от национальной и религиозной и иной принадлежности, должны постоянно поддерживать и свято хранить. В этом залог нашего общего светлого будущего» [24]. Затем проходят митинги возлагаются цветы к мемориалам.

К «новым праздникам» относится и День национального костюма. 27 декабря 2016 года в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесской Республики впервые прошел этнофестиваль карачаево-балкарской национальной одежды, где свои коллекции представили ведущие дизайнеры Карачаево-Черкесской Республики и Кабардино-Балкарской Республики [25]. Следующие фестивали практически не освещались в СМИ.

Также скромно или, вернее, без внимания прессы остаются дни празднования ногайского языка и ногайской книги. Нам удалось найти редкие упоминания об этих праздниках многолетней давности [26]. 12 августа – День памяти национальных героев ногайского народа – тоже для республиканского сообщества проходит незамеченным и проигнорированным СМИ. На портале «ВКонтакте» есть упоминание о Дне памяти и скорби ногаев, который приходится на 1 октября (в этот день в 1783 г. войсками Суворова в урочище Керменчик были разбиты ногайские отряды): «1 октября 1783 года произошел геноцид ногайского народа по приказу Суворова. 238 лет назад произошло трагическое событие близ современного Усть-Лабинска, ставшее кульминацией военных экспедиций Российской империи против братского нам ногайского народа. В результате этой резни погибло как минимум 5 тысяч человек» [27]. Сетования о том, что соплеменники-ногаи не помнят и не чтут эту дату, совсем не вписывается в программу конструирования национального единства. Высказывания о «геноциде ногаев» едва ли настраивают общество на единение и согласие, но они показывают настроения определенной части общества.

Абазины выдвинули предложение праздновать День триумфа абазгского войска в честь победы в битве 736–738 гг. против арабского войска омейядского халифата [28]. Ориентация на столь глубокую ретроспекцию, вероятно, без особого энтузиазма была воспринята в регионе. По крайней мере, свидетельства о праздновании этого дня в открытом доступе отсутствуют. По-другому в абазинском сообществе воспринимают празднование Дня абазинского флага 23 июля – в один день с празднованием в Абхазии Дня абхазского флага. Обычно пышного празднования не бывает, но поздравления активно используются в интернет-пространстве, устраиваются флэшмобы, спортивные абазинские игры, проходы-шествия [29].

Наибольшее число участников случается в День памяти героев и жертв Кавказской войны, напоминающим «о военном параде 21 мая 1864 г., проведенном генералом П.В.Грарбе в урочище Кбаада (Красная Поляна) в ознаменование победы над горскими народами» [30, с. 155]. Эта памятная дата законодательно закреплена в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Мероприятие готовится на самом высоком уровне с привлечением соотечественников из-за рубежа.

Включение некоторых памятных дат, особенно тех, что связаны с периодами глубокой древности, когда территории современного региона не входила в состав Российского государства, свидетельствуют о «наращивании глубины» собственной истории, а более всего – о политических амбициях этноэлит. Подобная ситуация встречается не только в Карачаево-Черкесской Республике – это тренд, характерный и для других республик РФ [30].

В истории любых соседних и несоседних народов случалось всякое – и войны, и предательства, и примеры взаимовыручки, добрососедства, поддержки в сложные исторические периоды. Надо ли забывать все сложное и драматичное? Ни в коем случае. Но в едином государстве, сложившемся в определенный исторический период, следует подчеркивать то общее, мирное, добрососедское, что было в истории разных народов и что может им обеспечить в дальнейшем мир и согласие, процветание на благо будущего [31].

К вопросу «агональности культур»

На основе многочисленных экспериментов психологи выяснили, что, условно говоря, в обществе одного друга субъект чувствует себя комфортно и благополучно, так как между ними уже сложились определенные роли. Когда собираются вместе 5-6 друзей, каждому из них становится не совсем уютно и комфортно, ибо одновременно приходится играть несколько ролей. Эта метафора отчасти объясняет ту культурно-социальную «турбулентность», которая наблюдалась в Карачаево-Черкесской Республике все постсоветские годы [32]. Республику репрезентируют в основном 5 этносов, которые «борются» за эфирное время, финансирование культурных мероприятий, поддержку этнокультурных проектов, формирование творческой (художественной) и научной элиты.

Исследователи пишут, что население Карачаево-Черкесской Республики привыкли к разноязычию. 36,7% респондентов считают, что полиэтничность и поликонфессиональность являются благоприятными факторами развития региона и взаимодействия его жителей [33, с. 188]. В силу полиэтничности республики Карачаево-Черкесии, как и других соседних республик, невозможно избежать определенной агональности, здорового соперничества – у кого больше героев? кто заметнее в истории? чей след ярче остался в фольклоре и современной литературе? На этом здоровом соперничестве может и должна строиться культурная политика. Равные возможности для развития национальных культур должны быть не просто на бумаге, в «законах памяти» и государственных программах – они должны быть в действии, в реальности, должны ощущаться всем многонациональным народом.

Недостаточное внимание к национальным праздникам может создавать ощущение несправедливости и неравенства среди этнических групп. Когда культурные традиции и обычаи одной группы не получают должного признания и уважения, это может приводить к росту этнической напряженности и недовольства. непропорционально проводятся и гуманитарные исследования в Институте гуманитарных исследований Карачаево-Черкесской Республики им. Х.Хапсирокова. Достаточно посмотреть на списочный состав научных сотрудников института и результаты их научной деятельности. Сайт самого института не обновлялся с 2015 года [34], а его страница на сайте Министерства науки и образования Карачаево-Черкесской Республики представляет информацию только за 2019-2020 годы [35].

В довольно малочисленных социологических исследованиях по вопросам межкультурного взаимодействия в Карачаево-Черкесской Республике [36], тем не менее, констатируется «взвешенная национальная политика, удовлетворяются этнокультурные запросы населения. Органы исполнительной власти Карачаево-Черкесской Республики совместно с институтами гражданского общества особое внимание уделяют реализации государственной национальной политики, направленной на укрепление общероссийской гражданской идентичности и сохранению этнокультурного многообразия» [33, с. 186]. При этом 13,3% указали, что «полиэтничность и поликонфессиональность имеет определенный конфликтогенный потенциал» [33, с. 188], а «субъективная оценка личной подверженности дискриминации из-за культурных различий составляет 9%» [33, с. 189]. Возможно, поэтому среди карачаевцев Карачаево-Черкесской Республики преобладают моноэтнические браки (88,3%) (по данным 1990-2000 годов обследовано 11280 брачных записей из четырех районов Карачаево-Черкесской Республики). Полиэтнические браки составили 11,7%, в том числе 3,92% – с русскими, 1,28% – с абазинами, 1,22% – с черкесами [37, с. 84]. Очевидно, что стремление к моноэтническим бракам среди карачаевского населения республики является преобладающим.

Таким образом, полиэтничность может представлять собой «сепарированный» вид, в то время как задача государства – формировать гармоничную полиэтничность с акцентом на единство и добрососедство.

Рекомендации и выводы

Не секрет, что в республиках Северного Кавказа этническая идентичность доминирует над всеми другими видами идентичностей. Декларирование в Государственных программах создание условий для развития этнической культуры и сохранения этничности соответствуют примордиальным потенциям этносов, чьи культурные ценности прежде всего «стоят на страже» «этнической неприкосновенности». Неоднородность культурного пространства КЧР вырабатывает у этносов установку, во-первых, на самосохранение и, во-вторых, на согласованное взаимодействие, позволяющее в итоге самосохраняться. И даже в условиях официальной двухсубъектности в республике устанавливается межнациональный полилог, где взаимодействуют, по меньшей мере, пять этносов, которые балансируют на желании «культурного самосохранения» (отчасти закрытости и изолированности) и необходимости межкультурного взаимодействия в пространстве одной республики и единого государства. Такой этнокультурный полиморфизм может и должен развиваться и закрепляться в нормативно-правовых документах республики, а не скрываться за общими фразами о «совместном проживании нескольких народов на одной территории» или «укрепления единства российской нации».

Судя по финансовым расходам и отчетам соответствующих министерств, в республике постоянно идет работа по созданию условий для развития языков и культуры этносов. Однако не очевидна конкретная

работа по формированию и проведению объединяющих культурных практик. Важно, чтобы власти региона способствовали организации и проведению культурно-объединяющих праздников, поддерживали инициативы этнических сообществ и способствовали их широкому освещению в средствах массовой информации. При этом мы ратуем за то, чтобы мероприятия по национальным костюмам, национальным флагам, национальным кухням, национальным спортивным играм и соревнованиям проводились не раздельно, как это до сих пор происходит в Карачаево-Черкесской Республике, а совместно. В этом случае этническая идентичность будет преодолеваться другими видами идентичностей, в том числе и профессиональной. Агональный дух народов Кавказа будет способствовать расцвету творчества, креатива, равенению на выдающиеся российские и мировые образцы.

Одновременно следует вести работу по поликультурному образованию (именно поликультурному, а не этнокультурному) – и не только в рамках магистерских программ в высших учебных заведениях, а вкрапывая эти знания во все дисциплины гуманитарного цикла на всех уровнях образования.

Интеграция национальных праздников в школьные образовательные программы, в библиотечные и музейные мероприятия может способствовать лучшему пониманию и уважению культурных традиций среди молодежи. Организация межкультурных мероприятий, фестивалей и выставок, где представители разных этнических групп могли бы делиться своими культурными особенностями, также может способствовать укреплению межэтнического взаимодействия и сотрудничества. Работа в этом направлении должна перейти из области программ и стратегий в сферу актуальных культурных практик. В самих же программах этнокультурная работа должна быть конкретно прописана, а не просто декларирована в общих фразах. Именно совместные культурные практики, широко представленные в СМИ, могут и должны стать ресурсом, используемым для конструирования и развития региональной и общероссийской идентичности.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Национальный состав населения Карачаево-Черкесской Республики // Министерство Карачаево-Черкесской республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати : официальный сайт. – URL: <https://minnac-kchr.ru/ministerstvo/document/other/sostav.php> (дата обращения: 14.06.2024).
- [2] Постановление Правительства Карачаево-Черкесской республики от 22.12.2022. № 379 // Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати : официальный сайт. – URL: <https://minnac-kchr.ru/11111/%D0%9F%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).
- [3] Закон Карачаево-Черкесской Республики от 14 декабря 1996 года N 197-XXII // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/802053302> (дата обращения: 09.07.2024).
- [4] Об утверждении государственной программы «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики на 2017-2022 годы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/445090535> (дата обращения 26.07.2024).
- [5] Государственная программа «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики» от 28 мая 2019 г. № 133 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561406195> (дата обращения: 10.07.2024).
- [6] Сводный годовой доклад Государственной программы // Министерство финансов Карачаево-Черкесской Республики : официальный сайт. – URL: <https://minfin09.ru/wp-content/uploads/2024/05/C%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4-%D0%93%D0%9F-2023.pdf> (дата обращения: 21.07.2024).
- [7] Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Хабезский районный Дворец культуры им. Назира Хапсирокова» : официальный сайт. – URL: <https://bus.gov.ru/info-card/241682> (дата обращения: 23.07.2024).

- [8] Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Республиканский абазинский драматический театр» : официальный сайт. – URL: <https://bus.gov.ru/info-card/241239> (дата обращения: 23.07.2024).
- [9] *Лелеко, В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре: Монография. – Санкт–Петербург: Санкт–Петербургский государственный университет культуры и искусств. – 2002. – 320 с. – С. 19.
- [10] *Баева, Л. В.* Экзистенциальные риски в условиях информационной эпохи // Информационное общество. – 2013. – № 3 – С. 18-27.
- [11] *Балич, Н. Л.* Этнокультурные практики – основа воспроизводства культурного кода восточных славян // Социологический альманах : науч. издание / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – 2017. – Вып. 8. – С. 197.
- [12] *Ионесов, В. И.* Коммуникативные преобразования в миротворческих практиках музейного проектирования // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации / Под ред. С. В. Соловьевой [и др.]. – Самара : Самар. гос. ин-т культуры. – 2015. – С. 47-53.
- [13] *Агеева, Г. М.* Библиофильство как культурная практика // Регионология. – 2011. – № 2 (75). – С. 276.
- [14] *Крылова, Н. Б.* Развитие культурологического подхода в современной педагогике // Личность в социокультурном измерении: история и современность : сб. ст. – Москва : Индрик, 2007. – С. 132–138.
- [15] *Большаков, В. П.* Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПбГУКИ. – № 2(27), июнь. – 2016. – С. 16-17.
- [16] *Щербина, Е. А.* Историко-культурные ценности Карачаево-Черкесской Республики в контексте формирования позитивного имиджа республики // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : Сб. науч. ст. – Краснодар : Юж. фил-л Ин-та наследия, 2015. – С. 442-457.
- [17] Праздники и памятные дни в Карачаево-Черкесской Республике // Гарант: Информационно-правовое обеспечение : [сайт]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/30907694/paragraph/94:4> (дата обращения: 13.07.2024).
- [18] Аналогичные ситуации складываются и в других республиках Северного Кавказа. См.: *Соколова, А. Н.* Практики формирования и укрепления гражданской идентичности в Республике Адыгея // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 5 (63). – С. 147–164. DOI 10.18522/2227-8656.2023.5.11EDN ММОУТЕ
- [19] Карачаево-Черкесия 3 июля отметит День республики и День единения народов КЧР // Интерфакс. Юг и Северный Кавказ. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/karachaevo-cherkesiya-3-iyulya-otmetit-den-respubliki-i-den-edineniya-narodov-kchr> (дата обращения: 26.07.2024).
- [20] Гарант: Информационно-правовое обеспечение : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 12.06.2024).
- [21] Закон Карачаево-Черкесской Республики «О праздничных днях и памятных датах в Карачаево-Черкесской Республике» // Народное Собрание (Парламент) Карачаево-Черкесской Республики : официальный сайт. – URL: <https://parlament09.ru/upload/iblock/fb0/zakonoproekt.doc> (дата обращения 12.06.2024).
- [22] Адыги // Адыги.RU : [сайт]. – URL: <https://www.adygi.ru/index.php?newsid=11767> (дата обращения: 12.06.2024).
- [23] *Стеблинов, И.* Культура и традиции ногайцев // Кавказ сегодня : Информационно-аналитический портал. – URL: <https://kavtoday.ru/article/6132> (дата обращения: 12.06.2024).
- [24] 3 Мая – День Возрождения Карачаевского Народа // Администрация Усть-Джигутинского муниципального района : официальный сайт. – URL: <https://udmunicipal.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/192/> (дата обращения: 23.07.2024).
- [25] В КЧР впервые состоится фестиваль карачаево-балкарской национальной одежды // РИА «Карачаево-Черкесия» : [сайт]. – URL: <https://riakchr.ru/v-kchr-vpervyye-sostoitsya-festival-karachaevo-balkarskoj-nacjonalnoj-odezhdy/> (дата обращения: 25.07.2024).
- [26] День ногайского языка // Государственная национальная библиотека Карачаево-Черкесской Республики им. Х.Б. Байрамуковой : официальный сайт. – URL: <https://biblioteka09.ru/vecherpamyati/den-nogayskogo-yazyka.html> (дата обращения 25.07. 2024); Неделя ногайской литературы «Из глубины веков до наших дней» стартовала в КЧР // РИА «Карачаево-Черкесия» : [сайт]. – URL: <https://www.riakchr.ru/nedelya-nogajskoj-literatury-iz-glubiny-vekov-do-nashikh-dnej-startovala-v-kchr/> (дата обращения: 25.07.2024).
- [27] 1 октября – День памяти и скорби ногаев // ВКонтакте. Turan Halri, 2 окт. 2021 г. : [сайт]. – URL: https://vk.com/wall-132020837_8911 (дата обращения: 25.07.2024); 1 октября – День памяти и скорби ногаев // ВКонтакте. Ногай Халк, 1 окт. 2016 : [сайт]. – URL: https://vk.com/wall-76107446_11335 (дата обращения: 25.07.2024).

- [28] *Кирьянов, И. К., Панов, П. В.* Мемориальные законы субъектов Российской Федерации и специфика региональной истории: инструментарий для сравнительных исследований // Вестник Пермского университета. История. – 2023. – № 2(61). – С. 149–161.
- [29] 23 июля – День абазинского флага // Кавказ сегодня : Информационно-аналитический портал // URL: <https://kavtoday.ru/article/5502> (дата обращения: 25.07.2024).
- [30] См., например: *Кирьянов, И. К., Панов, П. В.* Указ. соч.
- [31] *Соколова, А. Н.* Современные практики куначества и добрососедства на Юге России // Культура и искусство. – 2024. – № 3. – С. 103-116. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.3.40623.
- [32] *Ерижева, А. Х.* Социология регионального конфликта (на примере КЧР 90-х - начала 2000-х гг.) – Черкесск : Изд-во КЧГУ, 2015. – 220 с.
- [33] *Кубанова, Л. В.* Специфика межкультурного взаимодействия в Карачаево-Черкесской Республике (по данным социологических опросов) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2021. – С. 186-190.
- [34] Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х.Хапсирокова : официальный сайт. – URL: <https://kchigi09.ru/> (дата обращения: 05.08.2024).
- [35] Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований // Министерство образования и науки Карачаево-Черкесской Республики : официальный сайт. – URL: <https://minobrkrchr.ru/razdel/nauka.php> (дата обращения: 05.08.2024).
- [36] На проведение социологических исследований в Плане мероприятий по реализации Государственной программы «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике» финансирование не предусмотрено. См.: Государственная программа «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики» от 28 мая 2019 г. № 133 // Министерство культуры Карачаево-Черкесской Республики : официальный сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561406195> (дата обращения: 10.07.2024).
- [37] *Ельчинова, Г.И., Зинченко, Р.А.* Этническая брачная ассортативность карачаевцев // Вестник Московского университета. Серия XX: Антропология. – 2015. – № 4. – С. 83-88.

**CULTURAL PRACTICES AS A RESOURCE FOR THE FORMATION
OF REGIONAL AND ALL-RUSSIAN IDENTITY
(ON THE EXAMPLE OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC)**

Sokolova Alla Nikolaevna

D. in Art History, Leading Researcher of the Southern Branch
of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Full Professor at the Institute of Arts of the Adyghe State University (Maykop)

Abstract. *The article analyzes cultural practices in the multi-ethnic republic of Karachay-Cherkessia within the framework of the State Program for Culture. Aimed at forming regional and Russian identity, the State Program is highly generalized. It shows discrepancies between the declared official guidelines of legal documents, planned events and cultural practices for their implementation. It notes the formation of specific lists of holidays and memorable dates for various ethnic groups of the region. It is recommended that the relevant authorities actively promote cultural practices aimed at good-neighborliness and cooperation of the peoples of the Karachay-Cherkess Republic, the formation of "laws of memory" aimed at their unity and consent. At the same time, it is shown that ignoring, avoiding or inattention to ethnocultural events of the peoples of the republic is fraught with the manifestation of various kinds of risks.*

Key words: *Karachay-Cherkess Republic, normative legal documents, interethnic relations, regional and all-Russian identity, cultural practices.*

© Соколова А.Н., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.08.2024.

Ссылка на статью:

Соколова, А. Н. Культурные практики как ресурс формирования региональной и общероссийской идентичности (на примере Карачаево-Черкесской Республики). – DOI 10.34685/NI.2024.10.10.006. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 70-82. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/676.html&j_id=62.

**КОЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД
В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА**

DOI 10.34685/NI.2024.11.80.008

Хилько Николай Федорович
доктор педагогических наук, доцент,
старший научный сотрудник Сибирского филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Омск)
Email: fedorovch59@mail.ru

Горелова Юлия Робертовна
кандидат исторических наук, профессор,
ученый секретарь Сибирского филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Омск)
Email: gorelovaj@mail.ru

Аннотация. *Культурный ландшафт города представляет собой систему расширения процесса сопряженного центрирования и концентрации системы от ядра к периферии, в которой наблюдается диссипация развития. В качестве основных подходов выделяются такие подходы, как: геоэкологический; феноменологический, ландшафтоведческий, антропологический, аксиологический и системный, частью которого является коэволюционный подход. Обосновывается продуктивность применения системного подхода к анализу динамики культурного ландшафта города. В его рамках культурный ландшафт определяется через понятие иерархичной сложноорганизованной системы. Коэволюция в системе культурного ландшафта города есть переход от синхронизации культурного пространства со структурными новообразованиями как естественному пути его развития к несинхронности развития сфер и подсистем культурного ландшафта и культурной среды при сохранении стабильности его ядра. В динамике культурного ландшафта выявились горизонтальная и вертикальная эволюционирующие плоскости, находящиеся в состоянии коэволюции. Это позволило обосновать коэволюционный подход к исследованию городского культурного ландшафта. При этом характеристика коэволюции дана на основе исходного значения культурогенома, находящегося в основании сопряжения линий в «треугольниках вертикальной и горизонтальной коэволюции», в пространстве которого выявлены основания культурного маркирования, который выступает интегратором социокультурных элементов городской культурной среды, способом сохранения и передачи культурной информации, ориентированной на воспроизводство прошлых образцов культуры и общественной жизни.*

Ключевые слова: *культурный ландшафт города, постсоветский период, коэволюционный подход, культурогеном, системный подход, горизонтальная и вертикальная коэволюция, основания маркирования, модальности культурного ландшафта города, уровни культурного ландшафта, несинхронность развития.*

Продуктивность применения системного подхода к анализу динамики культурного ландшафта города несомненна. Это связано, в первую очередь, с тем, что культурный ландшафт является сложным системным образованием. Во-вторых, это обусловлено наличием достаточного количества оснований для его маркирования и потребностью в обновлении важнейших индикаторов его изучения. Исследования культурного ландшафта часто носят междисциплинарный характер. При этом в зависимости от контекста, целей и задач изучения культурного ландшафта исследователи по-разному трактуют данное понятие. Действительно, у культурного ландшафта как феномена культуры есть свои смысловые грани и особенности. В качестве основных подходов следует выделить такие подходы, как

геоэкологический; феноменологический, ландшафтоведческий, антропологический, аксиологический и системный, частью которого является коэволюционный подход.

Объектом исследования в данной статье является городской культурный ландшафт. В качестве предмета представляется совокупность подходов к его изучению в контексте переходных процессов. Цель исследования состоит в обосновании коэволюционного подхода к изучению городского культурного ландшафта города на пути его несинхронного развития. Цель реализуется посредством решения следующих задач:

- обосновать сущность коэволюционного подхода в структуре различных подходов к развитию культурного ландшафта города;
- определить уровни в структуре городского культурного ландшафта;
- выделить основания горизонтальной и вертикальной коэволюции;
- обосновать сущность коэволюционного подхода к рассмотрению динамики культурного ландшафта.

Понимание городского культурного ландшафта будет неполным без анализа самого *феномена города*. Культурологические представления о городе как сложной многоуровневой системе со своими локальными микросредами и частными характеристиками присутствуют в работах В.Л.Глазычева, А.Э.Гутнова [7; 8]. По представлениям Т.И.Алексеевой-Бескиной, культурное измерение города системное, пространственное и представлено элементами искусственно создаваемой среды со всеми сложностями процессов их взаимодействия» [1].

Д.А.Алисов культурный ландшафт города понимает как некоторое средоточие культуры, возникающее на пересечении двух составляющих констант: пространства (среды) и социума (*homosocialeest*) одновременно [2].

С точки зрения синергетической концепции, самоорганизация может осуществляться только в открытых системах при условии ее неравновесности [15]. В этой связи необходимо обратиться к понятию культурогенома. Одним из теоретиков процессов культурной динамики О.Шпенглером культурогеном определяется совокупность и системная взаимосвязь базовых элементов данного типа культуры. В основе любой культуры, согласно Шпенглеру, лежит некий прасимвол, который можно обозначить как рок или судьбу, в каждом случае неповторимую и уникальную [16]. Таким образом, культурогеном городского культурного ландшафта может быть определён как интегратор социокультурных элементов городской культурной среды, способ сохранения и передачи культурной информации, ориентированной на воспроизводство прошлых образцов культуры и общественной жизни.

А.А.Ильин выделяет следующие факторы эволюции, лежащие в основе особенностей коэволюции природы, общества и культуры: «конкуренция, отбор, изоляция, наследственность, изменчивость. Горизонтальная эволюция предполагает культурный обмен, заимствование у современников, использование приемов современников для создания своего видения культуры» [10].

Нужно отметить, что в данной структуре дает о себе знать тенденция активизации значимости культурного наследия и ядра культуры в целом, отмеченная Т.А.Пархоменко [12]. Причиной этой тенденции, по мнению А.Буучік, является необходимость «в *духовной устойчивости и упорядоченности*, которые могла дать культура в её ставших и становящихся формах (памятник, традиция) и вера, взятая в самом широком смысле, как вера в существование абсолютных ценностей» [18, с. 3].

С позиции *геоэкологического подхода*, культурный ландшафт выступает как форма органичного сохранения культуры города и возможной ее адаптации ее к природным условиям. В то же время культурный ландшафт является целенаправленным и целесообразным антропогенным культурным пространством. Здесь концепция культурного ландшафта соприкасается с идеей ноосферы, которая, по мнению В.И.Вернадского [6], представляет собой не статичное, а динамичное явление (как и любая открытая система). Она постоянно развивается, достигая постепенно состояния сбалансированности, равновесия между двумя постоянно развивающимися системами – обществом и природой. Такое

совместное развитие и даже *сотворчество человека и окружающей его среды* академик Н.Н.Моисеев назвал коэволюцией [11].

Основываясь на данных положения, Д.А.Дирин считает, что «именно там, где происходит процесс коэволюции, можно говорить о появлении и развитии ноосферы». В процессе коэволюции при опоре на культурные традиции формируются так называемые ядра коэволюции – своеобразные очаги устойчивого коэволюционного развития, которые со временем распространяют свое положительное влияние на прилегающие территории и в идеальном будущем должны соединиться, образовав ноосферу – сферу разумного объединения природной и социально-культурной сред. Таким образом, культурные ландшафты автор называет проявлением некоторого локального ноосферогенеза [9].

Феноменологический подход к культурному ландшафту, по мнению В.Н.Стрелецкого, имеет свои этнокультурные особенности, связанные с переосмыслением концепта культурного ландшафта в разных национальных школах [13]. В частности, в английской традиции, как это утверждает S.Daniels, этот подход дает о себе знать «как способ работы для выявления и описания смысловых значений между сознанием и наблюдаемыми в культурном ландшафте артефактами» [20, с. 10].

В рамках ландшафтоведческого подхода В.Н.Бочарников определяет культурный ландшафт как совокупность рационально преобразованных явлений природы, в которых структурные компоненты изменяются в интересах социума [4].

Антропологический подход к культурному ландшафту актуализирует социальную свою составляющую, которая в большей степени дает о себе знать в культурном пространстве города, что, по мнению Л.И.Бородкина, возвышает роль личности в историко-культурном процессе, позволяющей «выбрать наиболее правильный путь эволюции социальной системы» [3, с. 25]. В то же самое время в процессе эволюционирования культурный ландшафт семантически обозначается как образная ткань культурного пространства. И в этом смысле правы В.Эшмор и А.Кнаппа, писавшие, что «географы-гуманисты теперь ищут значение в ландшафте как в хранилище человеческих поисков, а постмодернисты видят ландшафт как *культурный образ*, словесные или письменные проявления которого дают нам образы или тексты с его значением или прочтением [17]. Несомненно, что производимые человеком в пространстве культурного ландшафта культурные продукты не могут не быть связаны с духовностью. На это счет актуальны культур-ландшафтоведческие исследования, проводимые во Франции. В частности, ведущий современный французский культур-географ Поль Клаваль, в 1990–2000-е годы в полной мере испытавший на себе влияние новых теоретических подходов, фокусирует внимание на феномене «ментальных пространств» [19].

Аксиологическое понимание культурного ландшафта имеет место в трактовке Ю.А.Веденина в рамках *информационно-аксиологического подхода*. При этом культурный ландшафт воспринимается как «сложная система материальных и духовных ценностей, обладающая <...> характерными сочетаниями природных и культурных компонентов, находящимися в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [5, с. 145].

В рамках *системного подхода* культурный ландшафт определяется через понятие иерархичной сложноорганизованной системы. При этом структура культурного ландшафта состоит из некоего ядра, включающего в себя базовые для данной культурной общности *характеристики* (ценности, нормы, стандарты поведения и деятельности, а также специфичное вещно-предметное наполнение и пространственную организацию). По мере отдаления от ядра концентрация специфики и наполненности указанных выше параметров ослабевает. Очевидно, что ядро ландшафта необходимо соотносится со сферой культурного наследия, передающимся от поколения к поколению, оно выступает тем связующим началом, которое обеспечивает принадлежность всех представителей культурной общности к некому культурному целому.

В структуре культурного ландшафта города можно выделить следующие уровни: 1. философско-парадигмальный (макрокультурный); 2. предметно-пространственный (архитектурно-планировочный); 3. институционально-деятельностный (деятельность учреждений культуры и искусств и общественных объединений); 4. коммеморативный (культурно-символический); 5. образно-семиотический (изменение

образцов и кодов культуры, образа России, специфики трансляции духовных смыслов, характера передачи архетипов культуры).

Развивая данные выше представления о городской культурной среде, дадим свое определение *города*. Во-первых, это место (пространство), особым образом организованное в соответствии с антропогенным влиянием (система улиц, планировочных узлов и отдельных зданий и коммуникаций). Во-вторых, это сложная социально-коммуникативная и социокультурная среда, обусловленная спецификой влияния на нее субъектов. И, наконец, в-третьих, город – это *особое* природно-антропогенное образование, построенное на адаптации природных ландшафтов к потребностям человека и интегрируемых в социокультурную *среду*, в котором протекают специфические социокультурные процессы и возникают особые межсубъектные связи. При этом нужно иметь в виду, что городской культурный ландшафт принципиально отличается от сельского доминированием урбанизированных антропогенных территорий, отсутствием аграрной направленности природных компонентов.

В этой связи можно констатировать смену парадигм изучения культурного ландшафта с классической на синергетическую и осознание значимости коэволюционного *характера* развития, предполагающего возникновение несинхронных процессов и своеобразного культурогенома, инициирующего новообразования в культурном пространстве города, трансформации внешней и внутренней культурной среды.

Итак, с позиций системного подхода коэволюция городского культурного ландшафта имела два различных основания коэволюции: в вертикальной плоскости это – сверхустойчивость культурогенома, а в горизонтальной плоскости это – его пластичность, в слиянии двух культурогеномов – основание культурного выбора.

На основе выше сказанного, представим факторы вертикальной и горизонтальной эволюции коэволюционного перехода в развитии культурного ландшафта.

I. Вертикальная эволюция.

- 1.1. Сопряжение с культурогеномом.
- 1.2. Ценностное осмысление культурогенеза.
- 1.3. Культурная диффузия и распространение продуктов культуры.
- 1.4. Культурное наследование.
- 1.5. Смена культурогенома: «Стремление повторить или превзойти предыдущие культурные достижения» (А.А.Ильин).

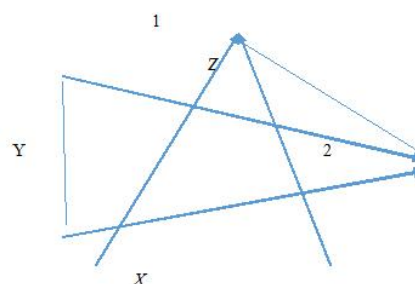
II. Горизонтальная эволюция: культурные новообразования.

- 2.1. Культурно-коэволюционные заимствования у современников.
- 2.2. Культурная адаптация.
- 2.3. Формирование параллельного видения культуры.
- 2.4. Культурно-диссипативный обмен.

Применение коэволюционного несинхронного анализа предполагает наличие двух взаимосвязанных точек бифуркации как двух различных культурных кодов вертикали и горизонтали коэволюционного процесса (1 и 2 на рис. 1) [14, с. 9]. Соответственно появляются два основания культурной эволюции (X, Y) и одно – коэволюции (Z), представляющих собой три различных культурогенома.

На основе выше сказанного, представим факторы вертикальной и горизонтальной коэволюции культурного

Сопряжение линий эволюции
в «треугольниках вертикальной и горизонтальной коэволюции»

ландшафта. Итак, культурный ландшафт города представляет собой систему концентрических колец, в центре которой специфические характеристики системы проявлены в более концентрированной форме, а к периферии наблюдается размывание, то есть диссипация их специфики. С точки зрения системного подхода культурный ландшафт города, с одной стороны, определяется инфраструктурой культуры и, с другой стороны, детерминирует характер культурной среды, заключенной в определенном ареале культурного пространства.

В динамике культурного ландшафта выявились горизонтальная и вертикальная эволюционирующие плоскости, находящиеся в состоянии коэволюции. Это позволило обосновать коэволюционный подход к исследованию городского культурного ландшафта. При этом характеристика коэволюции дана на основе исходного значения культурогенома, находящегося в основании сопряжения линий в «треугольниках вертикальной и горизонтальной коэволюции», в пространстве которого выявлены основания культурного маркирования.

Культурный ландшафт города – явление многогранное и наделенное сложным по структуре и системным взаимодействиям его компонентов содержанием. Эта многогранность определяется многоаспектностью составляющих данный научный конструкт понятий, таких как культура, ландшафт, город. Не углубляясь в дискуссии по поводу категории «культура», отметим, что в сопряжении с термином «ландшафт» определение «культурный» призвано акцентировать внимание на его преломление и опосредование через культурную деятельность социума и отдельных личностей. Сам термин «ландшафт» артикулирует пространственно-временные рамки и привносит акцент на системное взаимодействие составляющих его компонентов. Понятие «город» еще более локализует пространственные рамки и устанавливает в них специфические социокультурные параметры.

Существует множество подходов к определению культурного ландшафта, связанного с различными подходами к культуре в целом. Так, с точки зрения *антропологического подхода* культурный ландшафт определяется как культурно-природная целостность, структура и качество которого находится под воздействием антропогенных факторов и преобразуется активной деятельности человека. С точки зрения *семиотического подхода* акцентируется аспект ландшафта как средоточия трансляции определенных культурных кодов, знаков, образов, символов.

Аксиологический подход артикулирует аспект наполненности культурного ландшафта ценностями, определяющими его своеобразие и генерирующими различные типы взаимоотношений с другими культурными ландшафтами.

Культурогеном городского культурного ландшафта выступает интегратором социокультурных элементов городской культурной среды, способом сохранения и передачи культурной информации, ориентированной на воспроизводство прошлых образцов культуры и общественной жизни.

Предметно-структурный аспект культурного ландшафта предполагает исследование компонентов изучаемой системы, включающих пространство культурных объектов и явлений, входящих в поле материального и нематериального наследия, которые по существу складываются в подсистемы *сущностных доминант, ядра и периферийных структур*. При этом возникает совокупность способов взаимосвязи ценностных маркеров и культурных кодов, определяющих социальную значимость компонентов культурного пространства города.

В то же время сущность системного подхода в динамике культурных процессов в ходе анализа культурного ландшафта с учетом синергетической концепции требует обращения к *функционально-сущностной и исторической* плоскостям исследования. При этом *внешнее функционирование* культурного ландшафта предполагает непрерывную смену сущностных доминант, перехода компонентов культурного ландшафта из ядра в периферийные структуры и обратно, а также межландшафтные взаимодействия. Это тесно связано с рядом бифуркационных процессов. В то же самое время *внутренние процессы функционирования* культурного ландшафта предполагают структурирование сущностей культурной значимости маркеров и культурных кодов архитектурного, культуротворческого, досугового, коммеморативного компонентов функционирования культурного ландшафта.

Важность применения системного подхода к анализу динамики культуры в целом и городского культурного ландшафта в частности для анализа современных условий несомненна. Это обусловлено, с одной стороны, накоплением достаточного количества оснований для его маркирования и, с другой стороны, потребностью обновления важнейших индикаторов его изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеева-Бескина, Т. И.* Саморазвивающаяся система города // Город в процессах исторических переходов. – Москва : Наука, 2001. – С. 74-95.
- [2] *Алисов, Д. А.* Культурный ландшафт малого города: вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. – Москва : Ин-т Наследия, 2019. – 54 с.
- [3] *Бородкин, Л. И.* Историческая синергетика: антропологический аспект // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. – Москва, 2002. – С. 27-28.
- [4] *Бочарников, В. Н.* «Дикая природа» и «культурный ландшафт»: возможности применения в ландшафтоведении // Астраханский вестник экологического образования. – 2014. – № 4(30). – С. 35-39.
- [5] *Веденин, Ю. А.* Концепция культурного ландшафта и задача охраны культурного и природного наследия // Ориентиры культурной политики: Информ. вып. Мин-ва культуры РФ. – 1992. – № 6. – С. 146.
- [6] *Вернадский, В. И.* Биосфера и ноосфера. – Москва, 2002. – 245 с.
- [7] *Глазычев, В. Л., Замиховская, А. И.* Социально-культурный потенциал города: концепция, динамика. Показатели // Проблемы качества городской среды. – Москва, 1989. – С. 47-49.
- [8] *Гутнов, А. Э.* Системный подход в изучении города: основания и контуры городского развития // Системные исследования. – Москва, 1985. – С. 67-78.
- [9] *Дирин, Д. А.* Геоэкологический подход в концепции культурного ландшафта // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – №3 (79). – С. 129-133.
- [10] *Ильин, А. А.* Особенности коэволюции природы, общества и культуры // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2012. – №4. – С. 48.
- [11] *Моисеев, Н. Н.* Человек и ноосфера. – Москва, 1990. – 185 с.
- [12] *Пархоменко, Т. А.* Дискурсы об историко-культурном наследии в современном мире (XX–XXI вв.). – Москва : Ин-т Наследия, 2024. – 154 с.
- [13] *Стрелецкий, В. Н.* Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2019. – №1(36). – С. 148-178.
- [14] *Хилько, Н. Ф.* Проблема перехода в формировании культурного ландшафта в постсоветский период в процессе коэволюции // Омские научные чтения. материалы VI Всероссийской научной конференции. Омск, 2024. – С. 8-14.
- [15] *Цырендоржиева, Д. Ш.* Развитие общества с позиций синергетики // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 6. – С. 26-29.
- [16] *Шпенглер, О.* Пессимизм ли это? Ответ моим критикам // Философский альманах. – Полтава, 1994. – С. 25.
- [17] *Ashmore, W., Knapp A. B.* Archaeologies of Landscape: contemporary perspective. – Oxford : Blackwell, 1999. – P. 3.
- [18] *Buychik, A.* The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook / Alexander Buychik // European Scientific e-Journal. – 2021. – Issue 1(7) – P. 143–144. – URL: <http://tuculart.eu/ftpgetfile.php?id=162> (дата обращения: 26.10.2024).
- [19] *Claval, P.* Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. – Paris: Armand Collins, 2003. – 288 p.
- [20] *Daniels, S.* Fields of vision: landscape imagery and national identity in England and United States. – Cambridge : Polity Press, 1993. – 260 p.; *Mitchell, D.* Cultural landscapes: The dialectical landscape: Recent landscape research in human geography // Progress in human geography. – 2002. – Vol. 26. – P. 381–389; *Relph, E.* Rational Landscape and Humanistic Geography. – London : Groom Helm, 1981. – 231 p.

**CO-EVOLUTIONARY APPROACH
TO EXPLORING THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE CITY**

Khilko Nikolay Fedorovich

D. in Pedagogics, Full professor,
Siberian Branch of the Likhachev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage (Omsk)

Gorelova Julia Robertovna

PhD in History, Associate professor,
Academic secretary, Siberian Branch of the Likhachev Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Omsk)

Abstract. *The cultural landscape of the city is a system of expanding the process of conjugate centering and concentration of the system from the core to the periphery, in which there is dissipation of development. The main approaches are: geoecological; phenomenological, landscape studies, anthropological, axiological and systemic, of which the co-evolutionary approach is a part. The productivity of applying a systematic approach to the analysis of the dynamics of the cultural landscape of the city is justified. Within its framework, the cultural landscape is defined through the concept of a hierarchical complex system. Co-evolution in the system of the cultural landscape of the city is the transition from the synchronization of cultural space with structural neoplasms as a natural path of its development to the asynchronous development of spheres and subsystems of the cultural landscape and cultural environment while maintaining the stability of its core. In dynamics of a cultural landscape the horizontal and vertical evolving planes being in a condition of a koevolution came to light. It allowed to prove koevoluytsionny approach to a research of a city cultural landscape. At the same time characteristic of a koevolution is given on the basis of a reference value of the kulturogenom which is in the basis of interface of lines in "triangles of a vertical and horizontal koevolution" in which space the bases of cultural marking which acts as the integrator of sociocultural elements of urban cultural environment, way of preservation and transfer of the cultural information focused on reproduction of last examples of culture and public life are revealed.*

Key words: *the cultural landscape of the city, the Post-Soviet period, koevoluytsionny approach, kulturogeny, system approach, a horizontal and vertical koevolution, the bases of marking, modalities of a cultural landscape of the city, levels of a cultural landscape, not synchronism is developed.*

© Хилько Н.Ф., Горелова Ю.П., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.10.2024.

Ссылка на статью:

Хилько, Н. Ф., Горелова, Ю. П. Козволюционный подход в изучении культурного ландшафта города. – DOI 10.34685/НЛ.2024.11.80.008. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 83-89. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/677.html&j_id=62.

РУССКИЕ МОРЕХОДЫ НА ВОСТОЧНОМ ТАЙМЫРЕ В XVII В.:

**рецензия на книгу Е.А.Окладниковой «Социально-культурная и торговая коммуникация
в эпоху освоения русского заполярья и «Таймырская находка»**

DOI 10.34685/NI.2024.69.41.010

Филин Павел Анатольевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра «Морская арктическая комплексная экспедиция
и морское наследие России» Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва),
старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)
Email: pfilin1975@gmail.com

Аннотация. Новая книга доктора исторических наук Е.А.Окладниковой посвящена исследованию одной из самых загадочных и интригующих археологических находок XX века в Арктике – стоянкам русских мореходов XVII века на Восточном Таймыре. Несмотря на важность «Таймырской находки», остаются нерешенными вопросы о маршруте, целях экспедиции, ее судьбе и составе. Книга предлагает новые данные, полученные из неопубликованных источников, а именно – археологического отчета А.П.Окладникова и документов Архива РАН, анализируются интерпретации археологических находок, некогда единого комплекса, разбитого на ряд коллекций в различных музеях страны. Автор предлагает концепцию, согласно которой следы на острове Фаддея Северный и в заливе Симса могут принадлежать двум или нескольким экспедициям, что требует дополнительного анализа и обсуждения. Книга Е.А.Окладниковой важна для понимания истории русского мореплавания в Арктике и стимулирует дальнейшие исследования «Таймырской находки».

Ключевые слова: Е.А.Окладникова, Арктика, Восточный Таймыр, остров Фаддея, залив Симса, первопроходцы, Таймырская находка.

Изданная книга посвящена исследованию одной из самых загадочных и интригующих археологических находок XX века в высокоширотной Арктике – двум стоянкам мореходов XVII века на восточном Таймыре примерно в 130 км от мыса Челюскин (остров Фаддея и залив Симса). Именно там в начале 1940-х гг., перед войной, были обнаружены богатейшие комплексы объектов материальной культуры средневековых мореходов, включающие многочисленные монеты-чешуйки, медные котлы, наконечники стрел, солнечные часы-компасы, украшения, ножи, изделия из дерева и кости и др.

Одной из первых послевоенных экспедиций, организованных Арктическим научно-исследовательским институтом в Ленинграде, была археологическая экспедиция на остров Фаддея и в залив Симса под руководством А.П.Окладникова. Итогом этой экспедиции стали фиксация и подробное документирование факта присутствия отечественных мореходов в крайне северных точках Северного Ледовитого океана еще в XVII веке. По результатам экспедиции была опубликована монография А.П.Окладникова «Русские полярные мореходы и берегов Таймыра» [1] и коллективная работа под его же руководством «Исторический памятник русского арктического мореплавания» [2].

Несомненно, «Таймырская находка» – это одно из самых значительных открытий в высокоширотной Арктике, связанных с историей российской государственности и отечественного мореплавания в данной географической области. Еще в 1940-50-х гг. на основании обнаруженных археологических материалов и по результатам их анализа сделан однозначный вывод о приоритете отечественных мореходов в освоении Арктики восточнее Новой Земли.

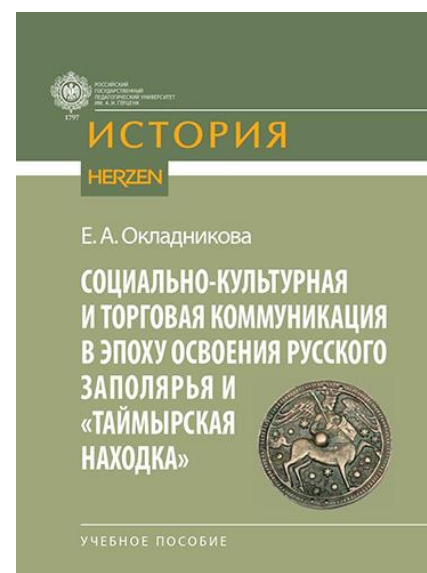
Тем не менее, данные находки поставили целый ряд так и не решенных до наших дней вопросов, среди которых один из главных – откуда и куда двигалась экспедиция? Если с запада на восток, то значит мореходы еще в XVII веке обогнули самый северный мыс Евразии. Если с востока на запад, то мы имеем прецедент очень раннего проникновения русских первопроходцев в Восточную Сибирь, который «не бьется» с данными архивных источников. До сих пор не обнаружены архивные материалы и упоминания об этой экспедиции. Остались не решенными и другие вопросы – принадлежат ли остатки на о. Фаддея Северный и в зал. Симса одной экспедиции? Если да, то какая точка была финальной? Что случилось с экспедицией, каковы были ее цели, сколько человек в ней участвовало и кто были эти люди? Все ли погибли? Где и как погибла основанная партия? В каких именно годах XVII века проходила экспедиция? К сожалению, на все эти вопросы у нас до сих пор нет однозначных ответов, имеется только ряд версий и число этих версий растет.

Удивительно и то, что после работ А.П. Окладникова на о. Фаддея и в зал. Симса там больше никогда не проводилось археологических работ – это слишком труднодоступные регионы Арктики. На о. Фаддея в 1970-х побывал географ В. Троицкий, а в зал. Симса впервые после А.П.Окладникова только в 2020 г. провела рекогносцировку экспедиция Русского географического общества и Северного флота, выявив, что памятник недообследован [4]. Результаты этих работ ставят на повестку необходимость проведения дополнительных специализированных археологических работ в этом регионе, которые потенциально могут способствовать поиску ответов на нерешенные задачи.

В свете разрешения поставленных задач крайне актуальной и своевременной является работа Е.А. Окладниковой «Таймырская находка». Ценность данной работы заключается в том, что автор привлекает для анализа неопубликованные источники – археологический отчет А.П. Окладникова, который хранится в Российском государственном музее Арктики и Антарктики, и документы из архива РАН, раскрывающие некоторые детали подготовки к изданию коллективной монографии по итогам археологических исследований 1940-х гг. Данные источники дают целый ряд новых фактов, касающихся как процесса и условий проведения археологических работ, так и последующей обработки и интерпретации находок.

Работа Е.А. Окладниковой состоит из двух глав, введения и заключения, научного аппарата. Первая глава под названием «Исторические условия становления первых русских социальных и экономических коммуникаций за Полярным кругом» посвящена описанию исторического и географического контекстов изучения «Таймырской находки», истории обнаружения и историографии изучения памятников в Арктике. Приводятся основные теоретические построения относительно маршрута, датировки и социального состава русской полярной экспедиции XVII в. Сделана попытка реконструкции портретов членов этой экспедиции.

Вторая глава под названием «Мир вещей» «Таймырской находки» содержит описание и выборочную историко-антропологическую интерпретацию обнаруженных предметов. Анализ «мира вещей» используется автором для интерпретации «картины мира» полярных мореходов XVII века. При этом в своей классификации автор выделяет находки «русского типа», находки «аборигенного» и «европейского» типов. Сами предметы, используя принцип функциональной принадлежности, автор разделил на пять групп: 1) орудия охоты, оружие, утварь, средства передвижения; 2) ювелирные изделия и навигационные инструменты; 3) одежда; 4) «денежная казна»; 5) письменные документы. Правда, в дальнейшем, при непосредственном описании и интерпретации находок, автор не придерживалась данного принципа, и в разделе 2.1 «находки русского типа» выделяет следующие группы: средства передвижения: нарты, лодки; бытовой инвентарь; торговый инвентарь; «промышленный завод»; оружие; «денежная казна»; письменные документы; шахматы; ювелирные изделия; предметы личной гигиены; предметы личного благочестия; колокольчики; бронзовое зеркало; изделия из ткани и волокнистых материалов; кафтан; обувь и изделия из кожи; меха.

В разделе 2.2 «артефакты аборигенного и европейского типов в составе «Таймырской находки» выделены находки аборигенного типа – металлические изделия; сумочка для огнива; находки западноевропейского типа – солнечные часы-компасы; оловянные тарелки и счетные жетоны. При этом на с. 181 автор пишет, что историки и археологи прошлых лет использовали метод источниковедческого анализа восьми крупных групп артефактов, не упоминая, о каких восьми группах идет речь. Признавая значительный интерес в рассуждениях автора по поводу интерпретаций материального мира, само изложение имеет несколько путаный в методологическом плане характер.

В качестве критики отметим, что деление предметов на «русский» и «европейский» типы выглядит нарочитым отрывом русского от европейского. Логичнее все же использовать термины «русский» и «западноевропейский» типы.

Анализируя достоинства представленной рукописи, отметим, что Е.А. Окладникова провела масштабную работу по натурному изучению и сбору данных о коллекциях с о. Фаддея и из зал. Симса. Это важная часть работы, т.к. поступившие из Арктики предметы материальной культуры были расформированы по нескольким коллекциям и оказались в целом ряде музеев, иногда передавались из учреждения в учреждение, в результате информация об уникальных предметах оказалась труднодоступной для исследователей. Сейчас известно, что предметы «Таймырской находки» имеются в следующих музеях: Российском государственном музее Арктики и Антарктики, Центральном Военно-Морском музее, Государственном историческом музее, Музее Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Проделанная работа должна стать основой для создания в перспективе объединенного каталога коллекций предметов с о. Фаддея Северный и из зал. Симса и, возможно, – масштабного выставочного проекта, который объединит материалы из разрозненных коллекций.

Крайне существенно, что автор вводит новые данные о предметах (например, их фотографии). Совершенно неожиданным как для автора, так и для рецензента стало обсуждение сделанной для данной книги фотографии двух фрагментов «грамоты», обнаруженной в ножнах. Рецензент сразу смог прочитать словосочетание «с товарищы», широко распространенное в актовой документации XVII в. Это прочтение указывает на социальный статус держателя грамоты (скорее всего, служилый человек). Интересно, что на сохранившихся фрагментах текст имеется на обеих сторонах, что не было распространено в скорописи. Скорее всего, текст на обороте – это подписи тех, кому грамота выдана.

Е.А. Окладникова вводит в научный оборот и пытается обосновать новую концепцию, согласно которой материальные следы на о.Фаддей Северный и в зал.Симса принадлежат двум или даже нескольким различным экспедициям. Это совершенно новая постановка вопроса, которая требует серьезного научного обсуждения. Автор пишет: «В силу того, что на обоих памятниках были найдены вещи разных лет («денежная казна», которую входили монеты от времени Ивана III (к сожалению, ныне монеты утрачены) до времени Михаила Романова, нательные кресты разного времени изготовления), возникал вопрос о том, а не разновременными ли группами русских землепроходцев посещались эти памятники?» [3, с. 58]

В целом, приведенные автором доводы относительно того, что о. Фаддея и зал. Симса посещали разные экспедиции, пока выглядят неубедительно. Автор рецензии в данном вопросе придерживается традиционной точки зрения, что мы имеем дело со следами одной экспедиции. Об этом свидетельствует большое сходство обнаруженных предметов, состав и временной диапазон обнаруженных монет в обоих комплексах, а также отсутствие столь массовых скоплений подобных находок в других регионах восточной Арктики. Опыт раскопок зимовий в Арктике показывает, что обнаруживаемые остатки материальной культуры крайне бедны и никак не сопоставимы с тем, что мы имеем в случае с «Таймырской находкой». Тем не менее, представленная автором точка зрения вполне имеет право на существование, и в дальнейших исследованиях ее нельзя будет игнорировать.

Совершенно удивительным является анализ работы редактора С.М. Сергеева над сборником «Исторический памятник русского арктического мореплавания», проведенный на основе сохранившихся материалов в архиве РАН, который с очевидностью показывает степень влияния политических и идеологических факторов на интерпретацию и даже отбор находок для публикации. В

этом свете вдвойне важной является дальнейшая работа как по изучению самих предметов, так и истории их интерпретации.

Что касается направления движения экспедиции, Е.А.Окладникова склоняется к предположению, что «они не приплыли к о. Фаддей Северный и в залив Симса на кочах. Скорее всего эта группа людей, которая, двигаясь по водно-волоковым путям Таймыра, несла с собой не только предметы охоты, пушнину, деньги, но и лодки шитики... Покинув избушку на берегу залива Симса, именно на таких лодках часть этой группы отправилась в плавание к о. Фаддей Северный» [3, с. 222]. Идея о том, что экспедиция могла двигаться из района Хатангского залива вполне возможна и имеет потенциал для своего развития. Что касается последовательности посещения о. Фаддея и зал. Симса, автор рецензии, на основании того, что именно в заливе Симса были обнаружены фрагменты человеческих костей, а также фрагмент заготовки нарты (лыжа с одним отверстием под копыло, а другие отверстия, вероятно, не успели сделать), склоняется к версии того, что зал. Симса был конечной и трагической точкой экспедиции.

Что же касается ссылок автора на теорию «малого ледникового периода», несколько не подвергая сомнению данный факт, тем не менее, надо быть осторожным с данным термином и иметь в виду значительные локальные флуктуации ледовой ситуации. Так, например, 1932-1935 гг. были вполне благоприятными для мореплавания и способствовали быстрому освоению Северного морского пути, дали повод В.Ю. Визе заявить о потеплении в Арктике, что даже несколько «расслабило» руководство ГУСМП. Обернулось это большой трагедией 1937 г., когда практически весь флот Главсевморпути, включая ледоколы, был заморожен в тех или иных местах на трассе Северного морского пути.

В целом же представленная работа является крайне интересной, важной, содержит новые данные о предмете исследования, хотя представлена немного в странной форме учебного пособия и содержит ряд ошибочных данных, которых можно было избежать при хорошем научном редактировании. Например, непонятно, что имеет в виду автор, написав: «по водно-волоковым путям новгородские купцы через Ладожское и Онежское озера по Кемскому волоку выходили на р. Онега» [3, с. 12]. Не имелся ли в виду «Кенский волок»? Или «коч – это русское морское парусно-гребное судно... использовавшееся в XI–XIX вв.», при том, что самое раннее упоминание кочей в документальных источниках относится лишь к концу XVI в.! Такое удревнение кочей на данный момент не имеет никаких подтверждений. Также автор пишет, что «только в 1880 г. Адольф Эрик Норденшельд на корабле “Вега”, двигаясь с запада на Восток, обогнул этот мыс» (имеется в виду мыс Челюскина – прим. авт.) [3, с. 16]. Однако хорошо известно, что произошло это событие несколько ранее – в 1878 году.

Странной выглядит фраза о том, что «на п-в Ямал шли по рекам через волоки...» [3, с.16] Вероятно, имелось в виду «через п-в Ямал...». Сомнительной выглядит фраза: «В Обской губе Босман встретил русских мореходов, которые рассказывали ему о трех кочах...». Известно, что голландский мореплаватель Корнелий Босман в 1625 г. зашел в Карское море, «где встретили такое множество льда, что с великой опасностью должны были опять вернуться в пролив», встреча с поморами состоялась в проливе Югорский Шар [5, с. 59].

Отметим, что в ходе посещения в 2020 г. в рамках экспедиции РГО и Северного флота на ледоколе «Илья Муромец» о. Фаддея и зал. Симса автор рецензии не смог с помощью рисунков А.П. Окладникова найти место раскопа на о. Фаддея. Координаты не были указаны ни в книгах, ни в археологическом отчете. Нарисованные мысы по своему виду похожи на целый ряд подобных мысов, а географическое описание не позволило точно локализовать участок. Лишь после тщательного изучения космоснимков и сравнения с кроками была выдвинута гипотеза о местоположении стоянки в зал. Симса. Она подтвердилась в ходе натурного обследования. Абрис берега в данном месте значительно изменился с 1940-х, хотя именно наличие характерного песчаного «языка» позволило определить местоположение стоянки. Автор рецензии не обнаружил на месте стоянки следов «регулярного» раскопа. Вполне вероятно, что из-за морских условий заброски у А.П. Окладникова были ограниченные временные ресурсы для проведения обследования. Из собственного опыта автор знает, что морские экспедиции, к сожалению, почти всегда имеют «дерганный» интенсивный характер с очень ограниченными возможностями работы на берегу. В связи с этим можно с уверенностью говорить о том, что объекты были исследованы недостаточно и работы требуют своего продолжения.

В целом, работа Е.А. Окладниковой важна и в полный рост поднимает ряд вопросов:

- Необходима публикация первоисточников (археологического отчета А.П. Окладникова; также материалов, исключенных из издания редакторской правкой в 1950-х гг.).
- Необходима публикация объединенного каталога всех предметов разрозненной по различным музеям коллекции «Таймырской находки».
- Крайне необходима организация полевых археологических работ для доисследования стоянок на о. Фаддея и в зал. Симса, а также проведения дополнительных разведок в тех районах. Рекогносцировочные работы 2020 г. экспедиции РГО и Северного флота показали то, что объекты обладают потенциалом для научных исследований. Данные объекты не внесены в перечни объектов культурного наследия Российской Федерации.
- На месте стоянок необходимо установить памятные знаки, посвященные мореходам XVII в.
- Необходим беспристрастный повторный анализ «Таймырской находки».
- Необходимо проведение объединенной межмузейной выставки, посвященной «Таймырской находке».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Окладников, А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. – Москва ; Ленинград : Изд-во и тип. Главсевморпути, 1948. – 158 с.; Окладников, А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра : 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Мор. транспорт, 1957. – 120 с.
- [2] Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века : Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса : [Сб. ст.]. – Ленинград ; Москва : Изд-во Главсевморпути, 1951. – 252 с.
- [3] Окладникова, Е. А. Социально-культурная и торговая коммуникация в эпоху освоения Русского Заполярья и «Таймырская находка» : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И.Герцена, 2024. – 240 с.
- [4] Филин, П. А. Исследования следов русской экспедиции XVII в. на острове Фаддея Северный и в заливе Симса. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2020. – № 4(42). – С. 20-25.
- [5] Литке, Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению императора Александра I, на военном бриге Новая Земля в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах флота капитан-лейтенантом Федором Литке : С присовокуплением путешествий лейтенанта Демидова в Белое море и штурмана Иванова на реку Печору. Ч. 1. — Санкт-Петербург : Морская тип., 1828.

RUSSIAN SAILORS IN EASTERN TAIMYR IN THE 17TH CENTURY:

Review of the book by E.A.Okladnikova “Socio-cultural and trade communication in the era of the development of the Russian Arctic and the ‘Taimyr Find’”

Filin Pavel Anatolievich

PhD in History, Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The new book by E.A.Okladnikova is devoted to the study of one of the most mysterious and intriguing archaeological finds of the 20th century in the Arctic – the sites of Russian seafarers of the 17th century in Eastern Taimyr. Despite the importance of the "Taimyr Find", questions about the route, goals of the expedition, its fate and composition remain unresolved. The book offers new data obtained from unpublished sources, namely the archaeological report of A.P.Okladnikov and documents of the Archives of the Russian Academy of Sciences, analyzes the interpretations of the archaeological finds, once a single complex, divided into a number of collections in various museums of the country. The author proposes a*

concept that the traces on the island of Faddey Severny and in the Sims Bay may belong to two or more expeditions, which requires additional analysis and discussion. The book by E.A.Okladnikova is important for understanding the history of Russian navigation in the Arctic and stimulates further research of the "Taimyr Find".

Key words: *E.A.Okladnikova, Russian Arctic, Eastern Taimyr, Faddey Island, Sims Bay, pioneers, Taimyr Find.*

© Филин П.А., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.10.2024.

Ссылка на статью:

Филин, П. А. Русские мореходы на Восточном Таймыре в XVII в. Рецензия на книгу Е.А.Окладниковой «Социально-культурная и торговая коммуникация в эпоху освоения Русского Заполярья и «Таймырская находка». – DOI 10.34685/НІ.2024.69.41.010. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 90-95. – URL:http://cr-journal.ru/rus/journals/678.html&j_id=62.
